

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

2

ФЕВРАЛЬ 1987

КОСТЁР

2
ФЕВРАЛЬ
1987

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1987 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении
журнала «Костер»
орденом «Знак Почета»

За заслуги в коммунистическом воспитании подрастающего поколения наградить ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ, ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА И СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР «КОСТЕР» орденом «ЗНАК ПОЧЕТА».

*Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
А. ГРОМЫКО.*

*Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.*

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
3 декабря 1986 г.

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА.

В редакцию приходит много писем от ребят, которые интересуются службой в армии. Особенно привлекают мальчишек прославленные воздушно-десантные войска. Специальный корреспондент нашего журнала Константин Васильев побывал в одном из подразделений ВДВ. В боевую подготовку «крылатой пехоты» входит горная подготовка. Этот репортаж — с учений, проходивших в сложных горных условиях.

РУБЕЖ АТАКИ

К шести вечера «синие» завладели перевалом. Мост через реку был занят еще раньше.

А мы — «зеленые», у нас задача — разгромить противника. Но как это сделать? — мы внизу, на дне долины.

— Получить карты, — комбат собирает ротных и взводных командиров.

Командир взвода проверяет в последний раз: все ли взято? У меня палатка, у Гены Скворцова — сухие пайки. И еще у каждого — веревки, карабины, альпеншток, ботинки с железными скобами на подошве. Ночь. Только так мы можем выиграть этот «бой» — за счет своего умения лазить по скалам, за счет скрытных ночных маршбросков.

Растягиваясь по дороге, батальон распадается — у каждого взвода свой маршрут. Сразу потеряли друг друга из виду, пропали в темноте. Я налетел на кого-то.

— Гена, ты?

Кто-то наступил мне на пятку. И уже кажется, что мы вдвоем или втроем отстали и потерялись или движемся не в ту сторону. Перекликаться, аукаться? Нельзя. Вдруг кто-то придумал: возьмемся за руки. И взявшись за руки, пробираемся молча в потемках через лощины и лесные заросли. Я улыбнулся невольно: как будто мы не десантники, как будто в детском саду вышагиваем прилежно цепочкой на музыкальном занятии...

Под утро — дождь. Река несется стремительно по дну ущелья. Делаем грудную обвязку — чтобы на переправе надежно держаться друг за друга. Торопимся: место открытое, как бы нас не обнаружили посты «синих». И ежусь: никакого желания входить в холодную коричневую воду. Пятеркой переправляемся: образовали кружок, вцепились крепко каждый в своих соседей, продвигаемся, нащупывая ногами опоры.

— Главное — не отрывать ноги от дна. — С нами инструктор по альпинизму капитан Голуб, он подсказывает. И сам входит следом за нами в поток, упираясь в дно веткой, найденной на берегу.

За речкой — камнепад. На камнепаде, если поднимаешься по нему, лучше всего становиться на крупные камни — шагаешь по ним, как по ступеням. А спускаться легче по мелким осыпям.

— Скалы,— Гена кивнул вперед.

Он привязывается к страхующей веревке, лезет вверх уверенно, как мальчишка на дереве. Моя очередь. Неужели смогу подняться по этой отвесной стенке, там ведь просто не за что зацепиться... Мысли суетятся, а руки вяжут торопливо схватывающий узелок, тянутся вверх, ищут выступ, хватаются.

Я догнал Гену: вдвоем как-то уверенней себя чувствуешь.

— Соблюдать дистанцию! — капитан устроился на высокой глыбе, с которой просматривается вся стенка.

Маршрут уходит на уголок — это самый трудный участок.

— Тянись, еще чуть! — подсказывает капитан.— Чуть левее, там будет выемка!

А капитану, оказывается, на этой скале каждый сантиметр известен!

— Правую ногу, правую вверх! — Голуб кричит уже кому-то другому.— Да нет же, я говорю правую, а ты левую... — И смеется добродушно, — Бывает, от волнения забудешь, где лево, где право.

Железные скобы скребут по камню, не находя опоры. Застрял. И как только задержался, топчешься на месте, пани-

ка подступает... Останавливаться нельзя. Подтягиваюсь на руках, карабкаюсь. Подъем теряет крутизну. Уже можно спокойно идти, все опасное позади. Страхующая веревка только мешает теперь, отвяжусь, пожалуй, от нее... но снова вспоминаю наставления Голуба: «Только без азарта! Удаль в нашем деле не нужна».

— Траверсом! — командует Голуб.

Бредем наискось по долгому травянистому склону — проигрывая в расстоянии, но сберегая силы.

Дотянуть вон до тех камней — еще часть пути станет пройденной, цель будет ближе. Главное — дотянуть до тех камней. А потом — вон до той ложбины...

— А теперь в лоб,— Голуб перестраивает взвод, сокращая путь, торопясь перевалить через гряду, скрыться в ущелье.

Гена не дошел метра два до края пропасти, вытянул шею.

— Метров сто падение.

— Восемьдесят от силы,— капитан Голуб снисходительно отнесся к новому препятствию. Он привязывает веревку к дереву, швыряет свободный конец вниз.

Помогая друг другу, мы с Геной делаем обвязку, пристегиваем карабины, Гена продевает веревку через карабин, становится спиной к пропасти. Улыбается.

— Пока!

Он невысокого роста, худой. Легкий, легче меня, и мне кажется, что ему все проще дается на этих подъемах и спусках, его вроде даже как ветер должен подхватывать, подталкивать и поддерживать, и даже если он сорвется, то и ничего с ним не будет, спланирует, как воробей. Так мне кажется. Веревка дернулась — Гена дает сигнал, что он уже внизу. Я надеваю жесткие брезентовые рукавицы — чтобы при быстром спуске не «сжечь» руки о веревку, я становлюсь спиной к обрыву, отклоняюсь, отталкиваюсь ногами, скольжу по веревке, снова отталкиваюсь ногами... Главное — не смотреть вниз.

Фото В. Машикова и А. Максимова

НИКОЛАЙ КУРИЛОВ

ЗНАКОМСТВО

Меня зовут Тонти. Я учусь в третьем классе. Мой папа — Татор. Он оленевод: пасет оленей. Мама — Аннэ. Она — нимработница. Что это такое, я расскажу вам попозже, когда мы приедем к ней, то есть к нам домой приедем. Есть у меня и старшая сестра Катя. Она сейчас учится в институте, в Ленинграде.

Мы живем в Юкагирской тундре: между реками Колыма и Алазея, на Крайнем Севере. Наш Север называется Крайним, потому что у нас край земли: кончается суша и начинается океан, Северный Ледовитый. Он находится не очень далеко от нас. Мы чувствуем его дыхание. Холодное, бр-р-р! Океан навеки скован льдом, за что и называют его Ледовитым. Правда, летом у берега лед немного и ненадолго подтаивает, ломается на большие куски. Громадные льдины с силой сталкиваются, подгоняемые ветром. Грохот разносится вокруг. Он слышен нам в тундре. А волны взлетают высоко и с шумом, брызгая, обрушиваются на берег, одна за другой. Возможно, поэтому у нас летом почти всегда идут дожди. Даже тогда, когда небо чистое, нет облаков,

а все равно моросит дождик, мелкий-премелкий. Я думаю, это океанские волны играют с нами. Бросают нам брызги — горсти маленьких шариков-пузырьков: лови!

Вот как близко к нам расположен наш сосед Северный Ледовитый океан. Гремит, вздыхает, ухаает, шлет дождинки, дышит холодом. Но мы не сердимся на него за холодные ветры. Наоборот, летом сами спешим к нему навстречу. Почему? Потерпите немного, расскажу потом, когда настанет время.

Сейчас я должен объяснить вам, что такое Юкагирская тундра. Сам я узнал это только в школе. То есть слово «юкагир» я и раньше слышал часто. Однако, понятия не имел, что это моя национальность. Я узнал от учительницы, что и папа и мама у меня тоже юкагиры, и многие ученики в нашей школе и вообще большинство людей в нашей тундре — юкагиры. Поэтому тундра и зовется Юкагирской.

Выяснилось, что в моем классе не все юкагиры. Среди нас есть эвены, эвенки, русские, украинцы, якуты, буряты. Они с родителями поселились в нашем поселке. Одни приехали из теплых краев. Другие — из таких же холодных тундр, как наша.

Оказывается, на Крайнем Севере много тундр. Есть еще Ненецкая, Таймырская, Индигирская, Колымская и другие. Там родина ненцев, чукчей, долган, нганасан, саами, эвенов, эвенков.

Так, в школе мне стало известно, что люди бывают разных национальностей. Одну и ту же вещь они называют совершенно непохожими словами. У каждой народности свой язык. Я научился от ребят немного разговаривать по-якутски, по-эвенски. А по-русски нас учит учительница. Она объяснила нам, что когда человек хорошо владеет несколькими языками, его называют полиглотом. Выходит, и я смогу стать когда-нибудь полиглотом.

ДОМОЙ

А пока я просто Тонти. И еду с отцом домой на весенние каникулы. Еду из поселка, где у нас школа-интернат. Мы живем там весь учебный год. Только на каникулы увозят нас домой, в тундру. Осенью, зимой и весной — на несколько дней, летом — на целых три месяца. Вот когда мы живем дома с папой и мамой.

Наконец-то я дождался каникул! Нет-нет, не подумайте, что мне не нравится в школе. Наоборот, когда слушаешь учительницу или читаешь книгу, как будто отправляешься в далекое интересное путешествие: столько нового видишь и узнаешь!

Учительница говорит, что раньше юкагиров и других северян никто не учил. Не было книг на их языках, не было даже алфавита. Давно миновало это время, с тех пор, как произошла революция во главе с Лениным, прогнала богачей, установила советскую власть. Она-то и устроила нам, северянам, такую же жизнь, какой живут все народы нашей большой страны.

Я часто гляжу на портрет Ленина в классе. У него очень добрые и внимательные глаза, как у моей мамы. Я скукаю по ней. Она далеко.

А сейчас я самый счастливый человек на свете: еду с папой домой. Ничего, что ехать долго: меня ждет мама! Увижу маму!

Мы едем. Тундра белая-белая: кругом лежит снег. И небо тоже белое. Представляете, не видно ни единого цветного пятнышка.

Тундра ровная. Правда, иногда попадают сопки. Они совсем лысые: ни деревца на них. В тундре деревья расти не могут: слишком холодно. Подножья сопки обнесены застругами: сооружениями из снега. Они получаются вот как. Ветер нес, гнал снег по голой тундре, да вдруг наткнулся на сопку. Снег застрял у подножья. Постепенно его набирается тут столько, что кажется, будто вздыбились океанские волны да так и застыли. Красотища!

Заструги поменьше попадают не только в сопках, но и на ровном месте. Верней, не совсем на ровном, а там, где снег бежал-бежал под напором ветра и споткнулся о кочку, о бугорок, о тальник.

Тальник — это ива. Вы, наверное, остановите меня: «Говорил, в тундре деревья не растут, а ива...» Да-да, она дерево. Я видел по телевизору, какая высоченная ива в теплых краях. Если

бы половина нашего класса встали друг другу на голову, все равно ваша ива будет выше такой пирамиды. А у нас в тундре я один легко могу тягаться с ивой-тальником. Она всего лишь до колена мне. И тоненькая стоит, худенькая — прутик.

Наша ива тоже любит воду. Всегда растет по берегам рек, озер. Получаются мелкие заросли. Или цепочкой тянется вдоль ручья. Получается низенький забор. За них и цепляется снег, наматывает заструги.

Тут и там на поверхности тундры замерли заструги. По ним мы с папой мчим сейчас на нартах, как по волнам на корабле. Собаки бегут быстро, вскинув хвосты — тоже спешат домой.

Папа каюрит: управляет упряжкой. Я сижу у него за спиной: так теплей. И гляжу по сторонам. Не сразу что-нибудь увидишь: зимой в тундре пустовато. Все улетели, убежали еще осенью в те края, где тепло и много корма. Даже куропатки, северные птицы, перебираются от нас, жмутся к лесам или хотя бы к большим рекам: там заросли тальника выше и гуще. И все же тундра не совсем пустует зимой. Иногда на снегу заметишь следы песка или волчью тропу: волки держатся стаями. А то увидишь, снег вытопан оленьими копытами: стадо паслось. Вон, гляжу, заяц оставил следы-петли. И чего это он сюда заскочил? Наверное, с перепугу. Зайцы сейчас все в тальниках. А этот... Хотите, пока едем, расскажу вам мамину сказку про зайца? Мама знает много сказок.

«ПОЧЕМУ ЗАЯЦ СТАЛ ПУГЛИВЫМ?»

Когда-то давным-давно у Зайца и хвост был длинным, не только уши. Да такой пушистый хвост — все звери завидовали. А Заяц к тому же был отчаянный хвастун. Ходить бы ему скромненько. Так нет, распустит хвост, и скок, прыг, прямо над головами зверей — те к земле приникают. Или пройдет — вильнет хвостом перед самым носом встречного. Кому понравится? А по снегу бежит — собственные следы заматывает. Попробуй отыщи его. Песец, например, из-за этого просто возненавидел Зайца.

Как-то встречает Песец Лису.

— Какие новости? — спрашивает ее.

— Да хороших нет, — отвечает она невесело.

— А что это лапы у тебя дрожат, Лисонька? — спрашивает Песец. Просто так спрашивает — не из сочувствия.

— Заяц меня рассердил. До сих пор дрожь унять не могу.

— Что он натворил? — сразу настораживается Песец.

— На хвост мне наступил, представляешь!

— Наглец! — возмущается Песец. — Спасу всем от него нет.

От жалости к себе Лиса захныкала.

— Не плачь, Лисонька. Слезами обиду не смоешь.

Она, всхлипнув еще раз, вытирает слезы.

— Пора проучить, наконец, хвастуна и задиру. Я давно уже думаю, как это сделать? — при-

знается Песец.— Кажется, придумал. Но мне нужен помощник.

— Бери меня в помощники,— с готовностью говорит Лиса, сверкнув глазами.

Очень ей захотелось отплатить обидчику.

Тут же отправляются они к поляне, где Заяц жил. Осторожно подкрадываются. Прячутся в тальниковых зарослях. Выглядывают — видят:

сидит лопухий, травку жует. Наелся досыта, кончиком хвоста рот вытирает, тальниковой веткой в зубах поковыривает.

Песец подползает к Заяцу незаметно и цап ненавистного за хвост. Лиса из-за кустов выскакивает. «У-у-у!» — зубы скалит. Заяц с перепугу как дернется, сгоряча никакой боли не почувствовал и помчался по тундре, что есть духу.

Потом на бегу оглядывается: нет ли за ним погони? И как вкопанный останавливается: вместо хвоста у него торчит жалкий обрубок. Бедняга как заревет с горя! А вдалеке Песец с Лисой, взявшись за лапы, вокруг его оторванного хвоста прыгают, радуются.

Сидит Заяц, оплакивает свою потерю. Вдруг слышит: шуршат тальники. Это Лиса и Песец опять к нему пробираются. Заяц как стукнет в голову: вдруг они и уши ему оторвут? И дал стрелка!

С тех пор и стал Заяц пугливым.

СОБАЧЬЯ УПРЯЖКА

Пока я рассказывал вам сказку, собаки далеко увезли нас. Но до дома нам еще ехать и ехать. Успею многое рассказать.

Например, знаете, почему папа приехал за мной не на оленьей, а на собачьей упряжке? Дело тут вот в чем. Когда мы кочуем по тундре, перегоняем оленья стада на другое место, тогда запрягают и собак и ездовых оленей: поклажи много. А если надо в поселок, то обязательно едут на собаках. В поселок добираться очень далеко. За дорогу несколько раз приходится давать собакам отдых и корм. Корм для них, как и еду для себя, мы ведем на нартах.

Мы едем, едем... Вдруг остановились. Отец передает мне приколь. Это такая палка с железным наконечником — ею тормозят и останавливают нарты. Отец говорит:

— Садись на мое место, сын. Каюрь. А я покурю.

Я чуть не задохнулся. Папа доверил мне двенадцать собак! А они обернулись, увидели, что приколь перешел ко мне в руки, и решили: «Ах, коли Тонти... значит, можно поиграть». Я ведь часто играю с ними дома, когда они свободны, и я не занят. И теперь они остановились, давай куврыкаться в снегу. Но отец не позволил им разбаловаться. Прикрикнул: «Поть!» Собаки вскочили и послушно побежали вперед. Временами оглядываются на меня, спрашивают: «Как скорость, хозяин? Может, прибавить?» Я отвечаю: «Прибавить!» И мы несемся!

ПУРГА

Летим, летим... Здорово!

Но вдруг стоп! Э-э-эх! Приколь в землю. Папа помог мне остановить упряжку. Что случилось? Папа мне показывает:

— Поземка.

Да, снег начал ползти. Будет пурга! Вот уже и ветер дует прямо нам в лицо и собакам в морды.

Для стоянки папа выбрал маленький холм: защиты получше вокруг не было. Мы быстро распрягли собак. Воткнули в снег нарты стоймя за холмом, с подветренной стороны. На нарты накинули две оленьи шкуры, крепко привязали их — получился меховой шалаш. Мы забрались внутрь. Позвали туда собаку-вожака. Остальным

велели лечь у входа. Они прижались тесно-тесно: так им теплее. Если бы наш шалашик был просторней, мы бы пустили к себе всех собачек.

Мы с папой уселись поближе друг к другу. Подоткнули под себя шкуры со всех сторон, чтобы не было щелей. Теперь налетай, пурга! Ты нам не страшна.

Она мигом налетела. Завыло все снаружи, зашвистело. Шалашик наш верхушкой чуть дернулся, но устоял. Папа хорошо укрепил его. На «крышу» быстро намело снегу, сровняло с холмом — шалаш перестал быть для ветра зазубриной. Постепенно наше укрытие целиком занесло — даже вой пурги стал не очень слышен.

Тепло у нас: надышали, и олений мех здорово греет. Не только шалаш из него — вся наша одежда.

Пока бушует пурга, я расскажу, как мы одеваемся зимой. На белье натягиваем шерстяной свитер. Потом внутреннюю кукашку: оленью рубашу мехом внутрь. На нее — верхнюю кукашку: мехом наружу. А затем широченную рубашу из ткани. «Кухлянка» называется. Она нужна, чтобы мех подольше не истирался, не рвался, чтобы в пути он не индевел. У женщин вместо верхней кукашки и кухлянки — меховое пальто. «Магил» называется.

Обуваемся мы так. Сначала чижи — оленьи «чулки» мехом внутрь. Затем плеки, или торбаза: оленьи сапоги мехом наружу. Под ступню кладем толстую стельку из сухой травы, чтобы еще теплее было и чтобы ступалось мягко. Штаны, малахай (шапки) из оленьего меха тоже надеваем внутренние и верхние. И шарф у нас меховой, и рукавицы. Все шьется из оленьей шкуры. Представляете, какими большими, толстыми и неуклюжими выглядим мы зимой?

Так одеваются в дорогу и на дежурство: пасти оленей.

А если куда не надо отправляться, то достаточно бывает одной внутренней одежды и кухлянки. Согреваешься от движений. Начнешь замерзать — можно в дом войти, к печке сесть, горячего чаю попить. Совсем другое дело — дорога. Мороз и ветер вцепляются в тебя со всех сторон. Ан, не тут-то было! Не могут пробраться через два меховых слоя. Вот почему мы надеваем в дорогу и внутреннюю и наружную одежду из оленьего меха.

Мы с папой сидим сейчас в шалаше. За стеной пурга свистит, злится, а нас достать не может.

Если в тундре в эту пору окажется человек, то пурга знает, что с ним сделает? Сграбастает, вопьется в лицо тысячами острых иголок. Это сильный холодный ветер делает снег таким колючим. Пурга понесет человека, как будто это воздушный шарик. Катит, переворачивает, как ей вздумается, пока не шарахнет о сопку. Но встать не дает, с ног сбивает, как из брандспойта, лупит снегом. В конце концов превратит человека в сугроб, заморозит до смерти.

Вот что такое пурга.

Сопrotивляться ей бесполезно. Надо прятаться и ждать, пока перебесится. Даже в поселке с ней не тягаются. Там всякая техника, которую при-

думал человек, сильная, умная: что хочешь, с места сдвинет, что хочешь, вверх подымет, что хочешь, выроет. Любое расстояние для техники — пустяки: одолеет. Я говорю о подъемных кранах, бульдозерах, тягачах, самолетах и о радио (человек находится за тысячи километров, а его голос долетает вмиг).

Но во время пурги даже мощная техника бездействует. Только радио и электричество не отключаются, хотя и им пурга может устроить замыкание. Люди не идут на работу. Закрыты магазины, мастерские, столовая, пекарня, школа. Да, мы не учимся. Все запираются покрепче в своих домах и ждут, когда пурга уgomонится.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Мы с папой спрятались от пурги надежно — не боимся ее. Нам тепло, правда, темно, как будто сейчас полярная ночь. Но ни папу, ни меня этим не испугаешь, мы привыкли: в тундре всю зиму держится полярная ночь. Слыхали о ней? Как бы вам это объяснить? Попробую. Долгие-долгие месяцы кругом темнотища и морозище. Солнце не показывается на небе ни на минуточку. Да и самого неба не видно. Темень, словно тебе завязали глаза.

Вот что такое полярная ночь.

Выглянешь на улицу, и не знаешь, ночь сейчас или день? Только радио и выручает. «Доброе утро!» — скажет. Значит, вовремя проснулся. Или услышишь из приемника: «Спокойной ночи!» — значит, пора спать, ночь пришла. А она никуда и не уходила. Это в тундре так.

В поселке по-другому. Там ночь ото дня отличается. Днем светло: вместо солнца светит электричество. В домах везде лампы: люстры, торшеры. На улицах — фонари. Если обронил, скажем, по дороге карандаш, можно найти — так светло.

В тундре же пастухам приходится очень трудно. Какое там карандаш? Оленей в темноте не разглядишь. Ходит около них оленевод, прислушивается. По звукам определяет, все ли олени вместе. Если покажется пастуху, что кто-то стал отделяться в сторону, он стреляет из ракетницы вверх. Светло становится — ну, прямо луна взошла. А олени? Они все здесь, рядышком. Поглядывают на пастуха, будто спрашивают: «Испугался, что потеряемся? Тут мы, тут, все до единого, хоть пересчитай». Да не успеть пересчитать. Ракета, падая, гаснет — опять темень наваливается. Олени, будто заколдованные, исчезают. Но пастух не волнуется, пока слышит: «Тук-тук, тук-тук». Значит, все в порядке. Олени роют острыми копытами снег, очень твердый: «Тук-тук». Крошат его, стараются добраться до сухого мха. Ягель называется. Им и кормится олень. Зимой нет у него другой пищи.

Пастух следит, чтобы волки не подобралась к стаду, чтобы все олени были вместе, чтобы какой-нибудь не отбился в сторону, не заблудился. Тогда уж точно волки на него нападут.

Заблудиться полярной ночью очень легко, не

только оленю, даже человеку. В папиной бригаде был такой случай. Приехал работать молодой пастух. Отправился на дежурство в стадо. Утром возвращался оттуда один, хотя его предупреждали, что нельзя ему этого делать. Было темно, конечно. Шел он, шел, никак не мог добраться до дома. В бригаде забеспокоились: что-то долго нет парня. Вышли искать. Стали кричать — он сразу откликнулся. Потом с фонариком ходили по его следам, чтобы выяснить, куда его занесло? Оказалось, блуждал вокруг дома, всего метров сто было от порога, а он ходил и ходил по кругу.

В полярную ночь в одиночку на дежурство к оленям идет только опытный человек. Он местность хорошо знает, может найти дорогу по разным приметам. Если настигнет пурга, сумеет переждать под снегом, как мы с папой. Тот молодой пастух всю зиму дежурил рядом со старым, пока не научился всему, что надо знать оленеводу. Лишь потом стал дежурить один.

СТАРИННАЯ ЖИЗНЬ

Нам с папой хорошо в нашем укрытии. Пурга свистит, надывается, а мы сидим себе и сидим спокойно. Правда, проголодались уже. Папа достал из мешка разные вкусности. Мы поели, чай попили из термоса. Тепло стало внутри. Хорошая штука — термос. Костер не надо разводить. Отвинтил крышку и пей теплый чай или кофе. Так что пурга нам сейчас не страшна. Одно плохо: откладывается встреча с мамой.

Папа, видно, почувствовал, что я немного погрустнел, — решил развлечь меня: рассказать про старинную жизнь. О ней он слышал от своей матери, моей бабушки Ланхи. Она живет в поселке Черском у дочери, а к нам в тундру приезжает погостить, и тогда целыми днями рассказывает про старинную жизнь. Еще она знает много сказок.

Папа начал издали. Верней, наоборот, с сегодняшнего дня, с понятного мне:

— Мы, юкагиры, сейчас живем хорошо. Вот ветчину с тобой едим, сыр, апельсины, кофе пьем. Раньше северяне такой еды в глаза не видывали, даже не подозревали, что она есть на свете. Раньше — это...

— Я знаю, папа, когда «раньше», — предупредил я его. — Это до революции, пока не прогнали царя.

— Правильно, — сказал папа и продолжал. — Питались тогда только оленьим мясом и рыбой.

Я люблю оленину и рыбу. Но еще люблю свежий хлеб, пышки, бублики, кашу гречневую с молоком, сметану, конфеты, яблоки, пирожные. Да много чего люблю, всего и не перечислишь.

— Еще северяне пили чай, — продолжал папа. — Но иногда чая не было: дорого стоил. Тогда брусничные листья жарили на сковороде и заваривали. Чай пили без сахара. Трубку курили. Табак и чай выменивали у купцов за меха. Купцы обманывали охотников. Купец подпоит водкой юкагира — тот с непривычки совсем потеряет голову, веселым становится, все ему нипочем. Купец

и забирает у него всю пушнину. Взамен оставляет щепотку табака и маленькую пачку чая. А сам был таков, ищи-свищи его в тундре, юкагир, когда проспишься.

Обижали бедняков-юкагиров и свои же собственные сородичи-богачи, князьки. Их можно было по пальцам счесть, но оленей они держали тысячные стада. Богачам принадлежала и власть в тундре. Без их разрешения никто не смел кочевать. Князек указывал, где оленей пасти, где промышлять: рыбачить или охотиться на пушного зверя — кому и по какой цене продавать меха. Конечно, ему, князьку, да за бесценно. Богач спешил обобрать своего соплеменника, пока не нагрянул в тундру русский купец.

Вдобавок и царь не зевал: требовал от тундровика налог. «Ясак» называется. Забирал оленей, пушнину, меха, рыбу.

Тяжко жилось бедняку-юкагиру. Со всех сторон его обирали нещадно. Случалось, обчищали до последнего оленя. А это значит, ложись и помирай: есть нечего, укрыться от холода нечем.

Плачут дети, плачут от бессилия родители. Но никто их не услышит. В тундре люди кочуют далеко друг от друга. Да еще если пурга... Заметет жилище вместе с голодными людьми. Когда-нибудь летом, может, кто-нибудь и обнаружит их косточки.

— Много тундровиков погибало от голода и болезней, — продолжал папа. — Народности Севера все уменьшались в числе. Чуть не вымерли совсем. Революция спасла нас от всех бед.

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

Я слушал папу внимательно. Немного страшно стало, когда он заговорил про пургу: вдруг и нам не хватит продуктов из-за пурги, если затянется? Умрем с голоду, как умирали в старину?

Но папа знал, когда рассказывать про пургу. Он чуть раньше меня услышал, что вой слабеет. Не успел папа закончить рассказ, как разом стих-

ло за меховой стеной шалаша. Собаки там заворожались, принялись шумно вынюхивать, не слабее ли ветер, не пора ли снова в путь? Вожак ткнул носом папе в бок, мол, поедем?

— А как же? Обязательно сейчас поедем, — сказал папа.

Мы стали отгрести снег. Много его навалило на шалаш.

Вылезли, наконец, наружу.

Собаки отряхивались от снега, весело прыгали рядом: значит, пурга больше не повторится. И пурга исчезла. Это второй признак, что пурги не будет. А если бы собаки лежали, не двигаясь, тогда жди ее снова. Сейчас они резвились, радовались: «Все! Отсиделись! Разомнем косточки и вперед! Домой!»

Папа снял рукавицу, поднял палец вверх, чтобы проверить направление и силу ветра.

— Сменился ветер, — сказал. — Пурги не будет. Едем.

Я тоже снял рукавицу, плюнул на палец, вытянул руку к небу. Но ничего не успев разобрать, поспешил надеть рукавицу: замерзла рука.

Папа сказал, что теперь ветер дует с севера — привычный. Его посылает наш сосед Ледовитый океан. А пургу приносит «западник». Он, иностранец, залетает в тундру с Атлантического океана. Там так тепло, что вода никогда не замерзает, нет льда. Мне даже трудно представить, как может быть зима безо льда?

И когда этот «западник» влетает к нам, он с непривычки, наверное, мерзнет, поэтому норовит поскорей проскочить тундру. Мчится, как сумасшедший, вместе с содраным снегом: устраивает пургу. Но иногда он не может найти, где выход из тундры. Тогда пуржит долго. Старики давно заметили и передали это молодым, что «западник» дует день или три, или семь, или девять дней и ночей подряд. Хорошо, что сегодняшней пронесся за день. А если бы он заблудился на девять дней? Я просидел бы с папой все каникулы. Представляете, каникулы провести под сугробом?

Я стал помогать папе. Мы откопали нарты, уложили и привязали вещи. Папа запряг собак — мы поехали дальше. Я все смотрел на небо, как оно колыхалось. Огромный разноцветный дым. И слушал, как этот дым шуршал, немного гудел, как гудит огонь в костре, когда подует на него ветер.

Мы ехали, ехали... Я любовался Полярным сиянием и вспомнил мамину сказку.

«КАК ПОЯВИЛОСЬ ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ»

Жил в тундре бедный человек. Во всем ему не везло. Оленей начнет приручать — мрут от болезней. Собак научит бегать в упряжке — их волки разорвут возле дома. На озере сеть поставит — волны подымутся, несколько дней не дают проверить, попала ли туда рыба. Даже сеть сгниет. А зимой подо льдом сеть поставит — за-

крутит непогода надолго, из дома не даст высунуться. Опять сеть пропадет.

Невезучий он был человек. Но очень добрый. У самого еды останется мало, но если гость вошел, все выложит на стол. Сам будет мерзнуть, а гостю последнюю кукашку отдаст.

Однажды отправился этот невезучий человек дикого оленя промыслять. Пешком отправился: не было у него ни собачьей, ни оленьей упряжки. Долго шел, все никак не попадалось ему оленье стадо. Однако, он продолжал идти, не мог возвратиться без добычи: дома ни куска мяса не осталось, семья голодает.

Шел, шел... Ночь наступила. Впотымах пришлось продвигаться медленно. Вдруг он запнулся и упал. Рукавицы снял, стал шарить по снегу: за что зацепился? Оказалось, за куст ерника — карликовой березки.

Обрадовался он, начал выдергивать кустики — целая вязанка топлива получилась. Закинул он ее за спину и опять пошел. Идет, думает: «Ночь когда-нибудь кончится, утро настанет».

Шел, шел, но все никак не светало. Забеспокоился он. Отделил немного ерника и разжег костер. Огляделся — совершенно незнакомые места осветились. Понял он, что заблудился, попал в какие-то неведомые края, где ночь не кончается, день не наступает. Погоревал он, погоревал да и заснул: очень устал от долгой ходьбы и от волнения.

Потом, отоспавшись, снова шел, шел, пока силы не иссякли. Опять костер развел, согрелся, отдохнул. Решил возвращаться домой, пусть с пустыми руками, лишь бы дорогу найти. Встал, сделал шаг. Но вспомнил про лук и стрелы, нагнулся, чтобы их поднять, да так и замер: увидел, где-то далеко-далеко дома стоят, внизу, люди ходят, олени бегают. Ущипнул он себя за щеку — нет, не сон ему снится: внизу его родные края, а сам он угодил на небо. Вон куда его в темноте занесло! Но как отсюда выбраться?

Глядел, глядел он на землю — нигде не увидел высоченной горы, упиравшейся в небо, чтобы по ней спуститься. Отправился на поиски такой горы.

Шел, шел... А темень была такая, что на ощупь еле-еле он продвигался вперед. Развел новый костер из нескольких веток ерника. Вспыхнули искры, улетели высоко-высоко и там замерли: звездами стали. Подвесил он над костром свой медный чайник, согреться чаем захотел: чайник Луной засветился. Еще кинул веток в затухавший костер: запыхал огонь так сильно, что осветил все небо да еще и расписал его многими красками. Красиво!

Посмотрел человек вниз: опять он очутился над тем неведомым краем. Ночь там, однако, люди ездят друг к другу в гости, к своим оленям в стадо ходят, на диких оленей охотятся. Нет-нет да замирают люди, все позабыв, глядя на разукрашенное небо. А оно колеблется, полыхает и меркнет, шелестит, тихонько гудит и звенит.

Очень обрадовался человек. Хотя сам заблудился в темноте, зато людям на земле помогает жить: тьму разгоняет, красотой радует.

Вот так появилось Полярное сияние.

СТАЛ БОЛЬШИМ

Я вспоминал сказку мамы, как будто слышал ее голос. Скорей бы встретиться с ней! Тут, вижу, стало бледнеть Полярное сияние. Значит, солнце всходит, утро настает. Время-то какое? Весна идет в тундру. Вы, наверное, удивляетесь: весна, а мы едем по снегу, пурга останавливает нас в пути, мороз такой, что мы одеты в две меховые одежды, внутреннюю и наружную.

Да, похоже на зиму. Однако, к нам продвигается весна. Она толкает зиму дальше на север. Зима сопротивляется, спорит, но не в силах помешать солнцу. Появление солнца — первый признак весны. Ах, как мы его ждем! Как самого дорогого гостя.

Наконец, солнышко показывается нам. Сначала только одним краешком, совсем ненадолго. Будто из-за сопки заглядывает в тундру: «Как там люди? Заснули, наверное, полярной-то ночью? Пожалуй, разбудю их». А мы не спали — работали, учились. Но так ждем солнышко! «Пора! Пора! Приходи к нам!» — зовем его.

Дождались! Тундра радуется, хорошеет. Каждый день, пусть ненадолго, она из белой превращается в «розовую чайку». Так говорит мама. Край солнца освещает снег — делает его таким красивым, слегка красноватым.

День ото дня солнышко подымается чуть-чуть выше, прогревает немного больше. К нам начинают возвращаться птицы. Это второй верный признак весны. Самыми первыми прилетают куропатки. Если рано утром пойти в тундру, то можно увидеть белые и розовые снежные комочки. Когда тихонько подойдешь к ним, поймешь, что это куропатки спят. С испугу вспорхнут и враспынную разлетятся, как конфетти из новогодней хлопушки. А в апреле появятся пуночки: тоже пушистые, белые, но маленькие птички, полярные воробушки. Хорошо бы мне повезло: в конце каникул дома увидеть пуночек.

Собаки мчат нас домой. Я сижу сзади папы на нартах, прячусь за его спиной от холодного ветра, иногда растираю нос рукавицей, чтобы не обморозило. И мечтаю о каникулах, о маме.

Отец тормозит приколе: надо дать собакам отдых, покормить их, самим подкрепиться.

— Во-о-он видишь, заросли тальника? — показывает мне папа, налив из второго термоса теплый кофе. — Это берег озера. Спустимся с него, пересечем озеро, подыдемся на другой берег, обогнем сопку, и ты увидишь мамин нимэ.

Так называется дом у нас в тундре.

Я приподымаюсь на цыпочки, чтобы стать выше и увидеть мамин нимэ. Но ничего, кроме далеких зарослей тальника, не могу разглядеть. Вдыхаю и начинаю пить теплый кофе и есть печенье, вспоминаю мамин горячий, крепкий чай. Папа курит. Собаки жадно глотают мороженую рыбу, потом хватают снег, чтобы утолить жажду, и ложатся.

Отдыхаем недолго. И опять едем, едем... Добрались до озера, спустились с берега вниз. Я считаю про себя. Считаю быстро: хочется поскорей

доехать до сопки, обогнуть ее. «Сто семнадцать, сто восемнадцать, сто девяносто...»

Папа услышал, что я сбился со счета.

— Э-э-э! Так не пойдет! — говорит.

Оказывается, я считаю уже во сне. Веки тяжелые — никак не поднимаются.

— Той! Той! — останавливает папа собак.

Мне шепчет на ухо:

— Смотри, куропатки.

Сон с меня вмиг слетел. Глаза легко открылись. Вижу: недалеко от дороги — белые комочки.

— Возьми, — говорит папа и подает мне... ружье.

Я не верю. Может, все еще сплю?? Так давно я мечтаю взять в руки ружье. Дождался! Значит, я уже стал большим? Значит, эта весна будет особенной: начнется моя охотничья жизнь?

Я радуюсь, но половину радости прячу: охотник должен быть спокойным, твердым, уметь сдерживать себя. Так говорит папа.

Беру ружье, поглядываю на собак. Они сидят, ноль внимания на мою радость. Совсем глупые собаки. «Только попробуйте после моего выстрела залаять и побежать — спугнете куропаток. Я, может, успею и вторую подстрелить», — думаю.

Отец показывает:

— Ружье держи вот так.

Между прочим, я сам знаю, как. Но помалкиваю.

— А теперь гляди через эту щелочку...

«Прицел» называется. Но я молчу.

— ... на вон ту палочку.

«Мушку», папа. Неужели он не замечал, сколько раз я наблюдал, как он целится?

Я закрываю то один глаз, то другой — примеряюсь. Оказывается, мушка прыгает! Смотришь правым глазом — она вроде на месте. А зажмуришь его, откроешь левый — мушка скакнула куда-то в сторону. Этого я не знал. И еще понял: когда целишься, надо стараться не дышать, чтобы не двигалось ружье вместе с мушкой.

Я замер. Куропатки дремлют, ничего не подозревая. С трудом нашел мушку. Она никак не хотела останавливаться в прорези прицела. Крепче прижал приклад к плечу.

— Ну как, будешь стрелять? — спрашивает отец спокойно.

Я киваю ему в ответ, мол, буду. А сам не могу сдержать волнение. Набираю побольше воздуха, замираю, ищу мушку. Чувствую, не хватает воздуха. Открываю рот, вдыхаю. Нахожу опять мушку. Нажимаю на спусковой крючок. Выстрел! Мой первый выстрел!

Собаки лают, кидаются туда, куда я выстрелил. Папа удерживает их. У меня в груди тесно. В ушах гудит от волнения. А куропатки сидят, как ни в чем не бывало, на том же самом месте.

Папа целует меня в щеку. Нет человека счастливей меня! Ничего, что промахнулся и не попал... в снежный ком. Это были не куропатки.

Мы снова едем к маме. Я расскажу вам пока ее сказку.

Перевод с юкагирского Инессы БУРКОВОЙ

Продолжение следует

РУБЕЖ АТАКИ

Начало см. на стр. 1.

Спускаемся по травянистому склону, по мокрой траве, Голуб вдруг предлагает:

— Представим, что это ледник. Альпинист сорвался.

Мы падаем, катимся, делаем кувырки через голову, вгоняем с размаху ледорубы в землю.

— Ноги!

Ноги нужно согнуть в коленях — чем меньше площадь соприкосновения со «льдом», тем меньше скольжение.

— Вот здесь мы, — при свете крохотного фонарика командир взвода отыскивает на карте наше местонахождение. Снова ночь, снова накрапывает дождь.

На лесной дороге что-то вспыхивает — фары, военный газик!

Рассыпаемся: кто в канаву, кто за деревья. Мы шли дальними, окольными путями, почти и забыли, что у нас есть противник, и вот он напомнил о себе.

Командир еще раз сверился по карте: да, этот лес, здесь рубеж атаки. Радисты забросили антенну на крону дерева, отстучали в эфир условный код.

Светает. Мы встали и двинулись — через лес, к близкому перевалу. Слева появились фигурки, справа... это наши! Мы шли два дня своим маршрутом, казалось, что мы одни в этих горах, что батальон навсегда распался, все потерялись и заблудились, но вдруг они оказались все здесь — на подступах к хребту. Обходя валуны и каменные столбы, фигурки карабкаются настойчиво, почти бегут. Мы тоже прибавляем шаг, нас как будто подталкивает поток утреннего холодного воздуха, он поднимается из ущелья.

И вместе с этим настойчивым упорным потоком десантный батальон словно переливается через жесткий круп перевала, не задерживаясь на нем ни секунды, и скатывается вниз по склону на ничего не подозревающего противника.

ТВОЙ СТАРШИЙ БРАТ-КОМСОМОЛ

Скачут на экране «неуловимые мстители»... Ты сидишь на уроке биологии или астрономии... Над твоим рабочим столом — фотография всего вашего класса... Что общего в этих столь разных событиях?

А вот что: снять фильм, сделать фотографию, исследовать строение вещества, увидеть лунные кратеры или «каналы» Марса невозможно без волшебного стекла, которое называется линза. С его помощью можно увеличить самый маленький предмет, увидеть звезды и мельчайшие микроорганизмы.

Если толщина человеческого волоса всего восемь микрон, то при изготовлении самых грубых линз допускается погрешность всего в три. Вот такая это точная и тонкая работа! Или как здесь говорят — чистота.

Бригада оптиков Ленинградского оптико-механического объединения имени Ленина полирует и просветляет те самые линзы, которые потом работают в микроскопах, кино- и фотоаппаратах. Трудится бригада быстро и хорошо — по первому классу чистоты. К открытию XX съезда Ленинского комсомола она выполнит задание полутора лет пятилетки — на целых три месяца опередит время!

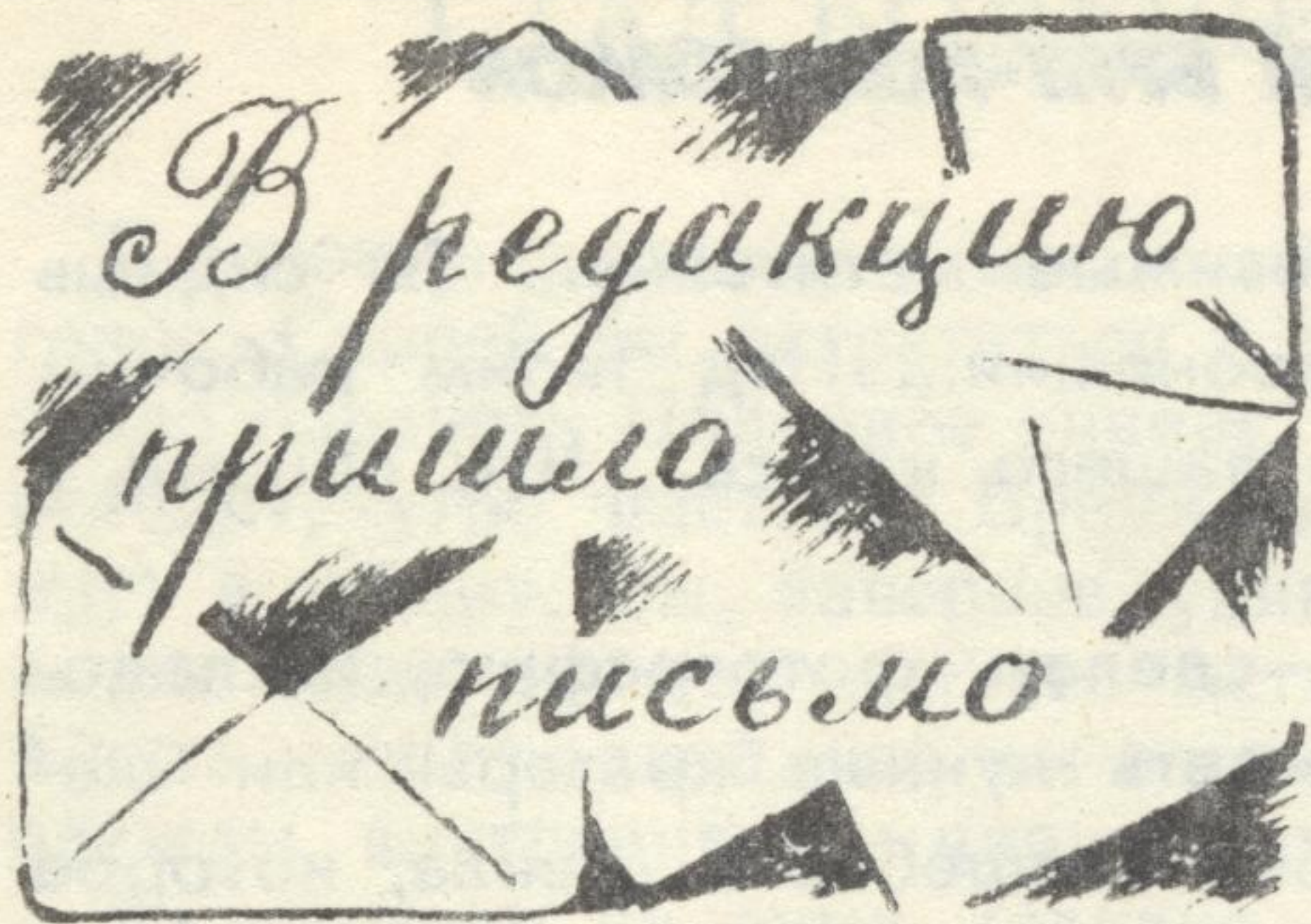
— Здесь совсем неинтересно снимать! — сказал фотокорреспондент, когда мы пришли с ним на участок и увидели приземистые станки, неподвижно сидящих за станками людей. — То ли дело — автогонки или сталевар у печи!..

— А вы сделайте самый обычный снимок вот этим объективом! — сказала нам бригадир-наставник Валентина Павловна Иванова. — Мы его только что изготовили.

Так он и сделал.

А. СОЧАГИН
Фото Р. Лапицкого

Среди друзей я считаюсь храбрецом. Я залезаю на самые высокие деревья, прыгаю с десятиметровой вышки в бассейне, могу пройти по карнизу четвертого этажа от своего балкона к соседнему и обратно. Все считают, что мне это ничего не стоит. Если бы они знали правду! На самом деле меня преследует страх. Я пытаюсь скрыть свой страх от других, но самому-то от этого не легче! Спрашиваю себя: неужели я трус? Этот вопрос меня совсем замутил. Посоветуйте, как мне быть?

Коля Н.,
6-а класс, Подольск

В СЕНТЯБРЕ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО...

На это письмо мы попросили ответить бывшего старшего преподавателя Ленинградского университета, ветерана войны и труда Константина Алексеевича КРАСНУХИНА.

Видишь ли, Коля, рано или поздно мужчина задумывается над вопросом: смелый ли он? Не родился ли он трусом? Среди мальчишек в городке моего детства с годами сложился своеобразный комплекс «испытаний на излом»: пробежки через железнодорожный путь перед курьерским поездом; прыжки (в воду и вообще) с большой высоты; ныряние под связки плотов; бег на коньках по первому льду да еще в опасной близости от полыньи и многое другое. Были, естественно, и крепкие нагоняи от взрослых и, к сожалению, трагические случаи. Сейчас-то я понимаю, что мы вели себя глупо и безрассудно. Но в то же время шел процесс преодоления страха, трусости, процесс закалки воли, воспитания характера, комплекса психических качеств, которые такгодились и в боевых, и в других экстремальных условиях. Среди сверстников считалось, что смелости мне не занимать. Более того, порой казалось — не слишком ли многовато ее у меня? Но война, да и ряд событий мирного времени показали, что лишней смелости не бывает. Именно смелости, а не отчаянного безрассудства. В конце концов, я понял одну простую истину. Страх, испуг при некоторых обстоятельствах неизбежны, естественны. Но это далеко не всегда есть проявление трусости или прямая дорога к ней. Так что отчаиваться, Коля, тебе,

я думаю, не стоит. Трусость начинается тогда, когда человек под воздействием страха теряет способность четко осознавать подлинные размеры опасности и — главное — разумно действовать во имя выполнения поставленной задачи или спасения жизни.

Мне припомнился один эпизод военных лет, когда мне пришлось преодолевать сильнейшее чувство страха.

Осенью 1944 года наш батальон аэродромного обслуживания (693-й БАО, 16-я воздушная армия, 1-й Белорусский фронт) оказался на бывшем немецком аэродроме, у самого шоссе Брест — Варшава. Однажды я был срочно вызван на аэродром заменить радиста, раненного взрывом случайно обойденной саперами мины. Рассчитывая возвратиться за светом, я вышел налегке — без оружия и шинели. Но на аэродроме меня задержали до вечера. Попутчиков на обратный путь не оказалось.

Я вышел за ворота аэродромного заграждения и остановился, прикидывая, как до наступившей темноты быстрее добраться в часть. Часовой понял это по-своему: «Да, товарищ сержант, — сказал он, — ночью здесь ходить опасно».

— Ничего, не такое видали, — и я беспечно зашагал по обочине пустынного шоссе. Всего нужно было пройти около трех километров. Примерно через километр, у небольшого старого кладбища, окруженного непролазной стеной высокого (в два человеческих роста) терновника, мне предстояло свернуть направо и по полевой тропинке выйти к своей части. Не прошел я и половины

пути, как наступила собственно ночь. Невозможно было различить даже дорожку под ногами. Выбора не было, и я повернул обратно.

По натренированной на фронте привычке поступь моя была почти бесшумной, слух — начеку. Вдруг мне показалось, что за мной, метрах в 15—20, кто-то идет осторожным, крадущимся шагом. Я мгновенно остановился... Нет — ни звука. Но через несколько секунд ситуация повторилась. Внезапная остановка снова ничего не дала. «Неужели это собственные шаги отдаются в ушах?» Когда же я в третий раз уловил преследование, то, стараясь как можно меньше производить шума, сделал рывок вперед и с ходу, почти мгновенно, остановился, обернулся и... услышал сдержанный, но отчетливый топот бегущих людей!

Мы были предупреждены, что в округе действуют местные «аковцы» (члены подпольной контрреволюционной Армии Крайовой) и отступившие с нашей территории «власовцы» и тому подобная нечисть. Я снова метнулся вперед, но, к ужасу, почувствовал, что разрыв явно сокращается: они бежали быстрее меня. Мысль моя лихорадочно, но отчетливо перебирала варианты спасения: прямо, к проходной аэродрома? — больше километра, не успею; мимо кладбища, через поле? — и того больше... Оставалось несколько секунд до поворота у кладбища, а я все еще не мог принять решение.

Еще одна резкая остановка на бегу, мгновенный поворот головы — слышен уже не только топот, но и шумное дыхание бегущих! И ноги сами бросили

меня налево, к выходу на кладбище. Смутно надеясь, что погоня уйдет прямо, у самого входа я опять мгновенно замер и услышал возбужденные слова, что-то вроде «не туды!», «сюды!» У поворота вспыхнул быстротечный спор — куда я скрылся?

Раздумывать некогда — все решали считанные секунды: прыжок в открытый проем в стене кустарника (каким и был вход на кладбище), быстрый шаг боком вправо — лишь один, больше было некогда, и еще один шаг назад — резкий толчок спиной в зеленую ограду. Жгучая боль пронзила спину: терновник был густо усеян крупными задубевшими шипами. Но я ни на йоту не мог ослабить первоначального нажима на пружинистые ветви, это вызвало бы предательский шорох.

Через мгновение волосы у меня — буквально! — зашевелились, и я физически ощутил их давление на пилотку, а пульс, и без того учащенный, гулко ударил в уши. Не поворачивая головы, я скосил глаза налево и на расстоянии вытянутой руки (не более!) увидел плавно движущийся, бесшумный, как призрак, темный силуэт тотчас замершего человека, напряженно вслушивающегося в темноту.

Страх и трусость... В каком соотношении они находятся? Когда от смерти меня отделял один шаг, я пережил безграничный ужас обреченного на неминуемую гибель. Обреченность казалась очевидной: близость врагов, смертельная опасность от малейшего шороха, треснувшей ветки, шумного дыхания. В первые секунды все мои мысли и чувства были парализованы, кроме единственного ожидания немедленной гибели: вот-вот ударит по глазам свет электрического фонаря, и вспышка выстрела в упор или удар по голове (наиболее предпочтительный вариант добычи не запятнанного кровью обмундирования) поставят последнюю точку в моей судьбе. В ужасе я ждал, что убийца, освобождая вход для подручных, шагнет в мою сторону,

и мы окажемся в «объятьях» друг друга!

Позднее я понял, что меня угнетал не столько страх гибели, сколько «статус» пропавшего без вести, чем нередко заканчивались подобные события. Исчезнуть безвестно, бесследно... Именно тогда я почувствовал глубоко реалистический смысл поговорки: «На миру и смерть красна».

Кося глазами влево, я видел все тот же застывший, весь обращенный в слух, темный силуэт. Вскоре глазам стало больно, и я вынужден был время от времени отводить взгляд и смотреть прямо, в безмолвную черноту кладбища. С какого-то момента мои мысли приняли новое направление: что я еще могу сделать для спасения? И тут на память пришел трофейный нож типа небольшого кинжала, с обоюдоострым клинком, отточенным, как бритва, металлическая ножна которого фиксировалась на кромке правого кармана брюк специальной пластинкой. Я стал вспоминать, что на мне и в моих карманах может вызвать хотя бы малейший звук. С нагрудными карманами порядок: документы и еще какие-то служебные бумаги, самодельная дюралевая расческа, несколько сигарет. В левом брючном — электрический фонарик с заметно севшей батареей, в правом — нож, носовой платок и... где зажигалка? Где этот маленький металлический предмет, который, задев фонарик или ножны, может издать предательский звук, который так жадно ловят преследователи?! Память напряженно работала: где я ее обычно носил? А в последний раз в какой карман опускал? Доставать или не доставать нож? Чего больше — риска или шансов на спасение? Победила жажда вооружиться — слишком невыносимо угнетала беззащитность.

Я очень плавно, предельно осторожно стал приближать правую руку к карману. Начал я с правой, потому что враг был слева, и правая рука была скрыта от него моим те-

лом, к тому же, в случае критической ситуации, она будет ближе к оружию.

В течение нескольких томительных минут двигалась кисть. И вот на самом дне кармана, а значит, явно под носовым платком, пальцы осторожно нащупали злополучную зажигалку. Рука поднялась немного выше и легла на рукоятку ножа. Еще медленнее перемещалась левая рука (на это ушло минут пятнадцать) на правую сторону: необходимо было поднять край гимнастерки выше рукоятки.

По миллиметру тяну нож. Затем, тоже медленно, левая рука опускает подол гимнастерки, а правая — с ножом — осторожно двигается вверх, к подбородку. Теперь я стал чувствовать себя увереннее.

А время шло. Вдруг я заметил, что вместо сплошного черного фона смутно начала угадываться верхняя кромка высокого кустарника. Неужели это первые признаки рассвета? Все это меня не устраивало. Но... и врагов моих тоже. Взглянув снова в сторону засады, я не поверил своим глазам: силуэт исчез. Я не позволил себе расслабиться и даже немного приглушил радостное чувство: «Не спеши! Ты же не знаешь, куда они переместились!»

Наконец я решился — расслабил ноги и вздрогнул: прижатые спиной листья и ветки распрямились с шорохом. Взгляд метнулся к выходу — пусто... Колющая боль по всей спине. Ноги еле держали меня. Не сводя глаз с выхода, я опустил ся на колено, затем на правый локоть и почти на боку пополз по траве вглубь кладбища.

Едва забрезжил серый рассвет, через лаз в углу ограды выполз в поле. Внимательно осмотрелся кругом. Оглядываясь и всматриваясь в темнеющие предметы, пошел по стерне в сторону соломенных скирд. Там у нас располагалась кухня и, разумеется, был часовой.

Через час друзья вытащили из моей окровавленной спины более десятка обломившихся шипов терновника.

БАРАБАН 2

Революционный держим шаг!

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

НА МАРШЕ

Ученики Дмитриевской школы Алма-Атинской области вместе с учеными установили, что лазерное облучение семян харной свеклы делает всходы более жизнестойкими, повышает урожайность и сахаристость свеклы. Ребята работают заданию ученых Казахского университета.

Сквородки, вафельницы, тингалеты и ручки для окон, волочки и рукавицы — десятки тысяч изделий ежемесячно — такова продукция Бардульского школьного производственного объединения.

«Вииторул» — по-молдавски значит «будущее». Так называется научное общество кишиневских школьников. Их предложение по усовершенствованию плазмотрона (аппарата для резки, сварки, напесения защитных покрытий) получило хорошей отзыв производственного объединения Молдавгидромаш».

ХОЧУ ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Об этом случае никто, наверное, и не помнит. Никто, кроме меня. В классе я был меньше всех ростом. Одноклассники, что повыше да по сильнее, постоянно зло подшучивали надо мной. А я не мог ответить им. Как-то Андрей, заходила небольшой компании, придумал мне очень обидное прозвище. И тут я не выдержал — обозвал обидчика и испугался. Дружки Андрея сначала опешили, а потом окружили меня и стали бить. А я молча сносил удары.

Выручили меня Сережка с Димкой, мои же одноклассники. С того момента прошло уже много времени, но я и сейчас спрашиваю себя: почему я струсил? Ведь Сергей и Димка не испугались. Неужели я действительно трус?

А. Б.,
Ставрополь

Это письмо комментирует инструктор юнкорского от-

ряда «Пламя» из Пятигорска Андрей Большаков.

И мне, и моим друзьям не раз приходилось выбирать между трусостью и смелостью, товарищеской верностью и предательской слабостью. Когда читаешь в письме А. Б., становится ясно, что трусливо вела себя прежде всего эта компания — издевалась над слабым и позорно отступила, получив отпор. Но мне хотелось бы поговорить о тех, кто до этого знал, что сильные обижают беззащитного. Почему, зная, молчат об этом? Разве не говорили пионеры из этого отряда на своих сборах красивые слова о смелости и дружбе? Ох, наверное, говорили... А вступая в пионеры, разве не вчитывались в пионерский закон: «Пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду»?

Но получилось так, что законы и сборы — это одно, а смелый пионерский поступок — совсем другое.

„БАРАБАН“ БЬЕТ ТРЕВОГУ!

Все школы из нашего района собрались на военную игру «Зарница». Я сама видела, как ребята из городских школ унижали сельских ребят. Разные насмешки, а порой и хорошие шлепки доставались ребятам из села. Унижения не избегла и моя лучшая подруга. За подругу, конечно, я заступилась. Но у всех нас было испорчено настроение, играли нехотя. А ведь мы все пионеры! И мы все вместе должны идти по ленинскому пути к коммунизму. Но, похоже, у городских нет ни капли понятия об этом, ни капли стыда. Даже нет слов выразить свой гнев и обиду и за себя, и за своих товарищей. Прошу у ребят совета и помощи, как быть дальше.

Ирина Ткач,
Молдавская ССР, Дрокиевский р-н,
с. Новые Аснашаны

«Барабан» просит своих юнкоров ответить Ирине. Ответы будут опубликованы.

Наш отряд отправился в деревню Скамья, где похоронен один из первых красных командиров И. Н. Богомазов. Его, бывшего большевистского комманданта города Тарту, комиссара 49-го стрелкового полка, замучили белогвардейцы, когда он, больной тифом, весной 1919 года вернулся с фронта домой.

В деревне Скамья мы обошли многих старожилых. Некоторые еще помнили события тех далеких дней и немало рассказали нам об Иване Никитиче Богомазове. Люди с удовольствием пригласили нас в свои дома, поили чаем, расспрашивали и нас о нашей жизни.

Это был замечательный поход! Мы с нетерпением ждем нового!

*Лена Шубина,
1-я школа-интернат,
Ленинград*

«Чернигов Аркадий Иванович» — прочитали мы на памятной стеле, рядом — год рождения. Захотелось побольше узнать об Аркадии Ивановиче. Выяснили, что родился он далеко от наших мест — в Смоленской области, на хуторе Бубново. Закончил семь классов, а поступать в техникум приехал в Ленинград. Только закончил техникум, а тут война. Так и не вернулся домой, пошел добровольцем на фронт. Когда старшая сестра, которую мы разыскали, послала нам письма Аркадия Ивановича с фронта, мы удивлялись, какие они были короткие. Иногда всего несколько строчек: «Сегодня пришли из разведки невредимыми, завтра идем в бой», «Похоронил многих своих товарищей. Пока здоров».

Аркадий Иванович Чернигов погиб недалеко от нашего поселка. Ему было чуть больше двадцати лет.

*Следопыты
поселка Красная Долина
Выборгского района
Ленинградской области*

МАТЬ НАШЕГО ДОМА

Я хочу рассказать о моем дедушке — Черныхове Федоре Степановиче. Когда ему исполнилось 18 лет, загорела вся страна войной. Дедушка ушел на фронт добровольцем. Он мужественно сражался с врагом. Где он только не воевал: и в Тарту, и в Сталинграде, и в Берлине. У дедушки много

*Оля Нилова,
6 класс,
школа № 94,
Новокузнецк*

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

бороться за право носить имя героя-земляка.

А в дни, когда вся страна готовилась к XXVII съезду КПСС, старшие пионеры предложили провести в дружине трудовые десанты по сбору металлолома на троллейбус имени Короткова, героя-земляка, командовавшего полком при освобождении Ставрополя. Сегодня на улицах города появился новый — пионерский троллейбус!

*Олеся Хоружик,
юнкор Дворца пионеров,
Ставрополь*

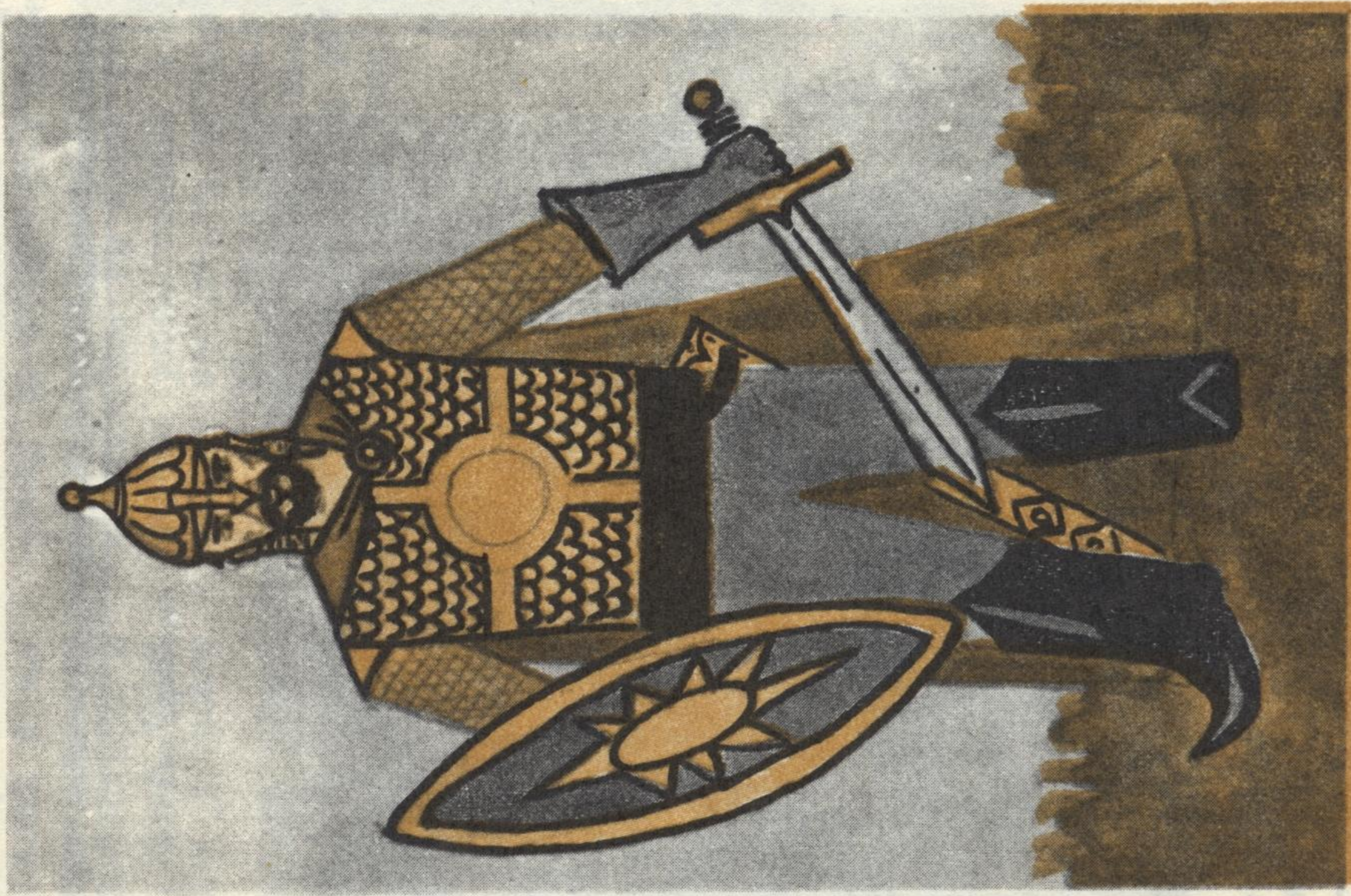
Хорошая традиция у старших пионеров школы № 16. Вступая в комсомол, они передают младшим товарищам традиции своего пионерского отряда. Вот пример. Семиклассники, передавая третьему «б» пионерский горн и барабан, обратились к младшим с просьбой продолжить традицию своего отряда, который носит имя Андрея Емельяновича Короткова. И было решено, что новый пионерский отряд будет

ДРЕВНИЙ ВОИН

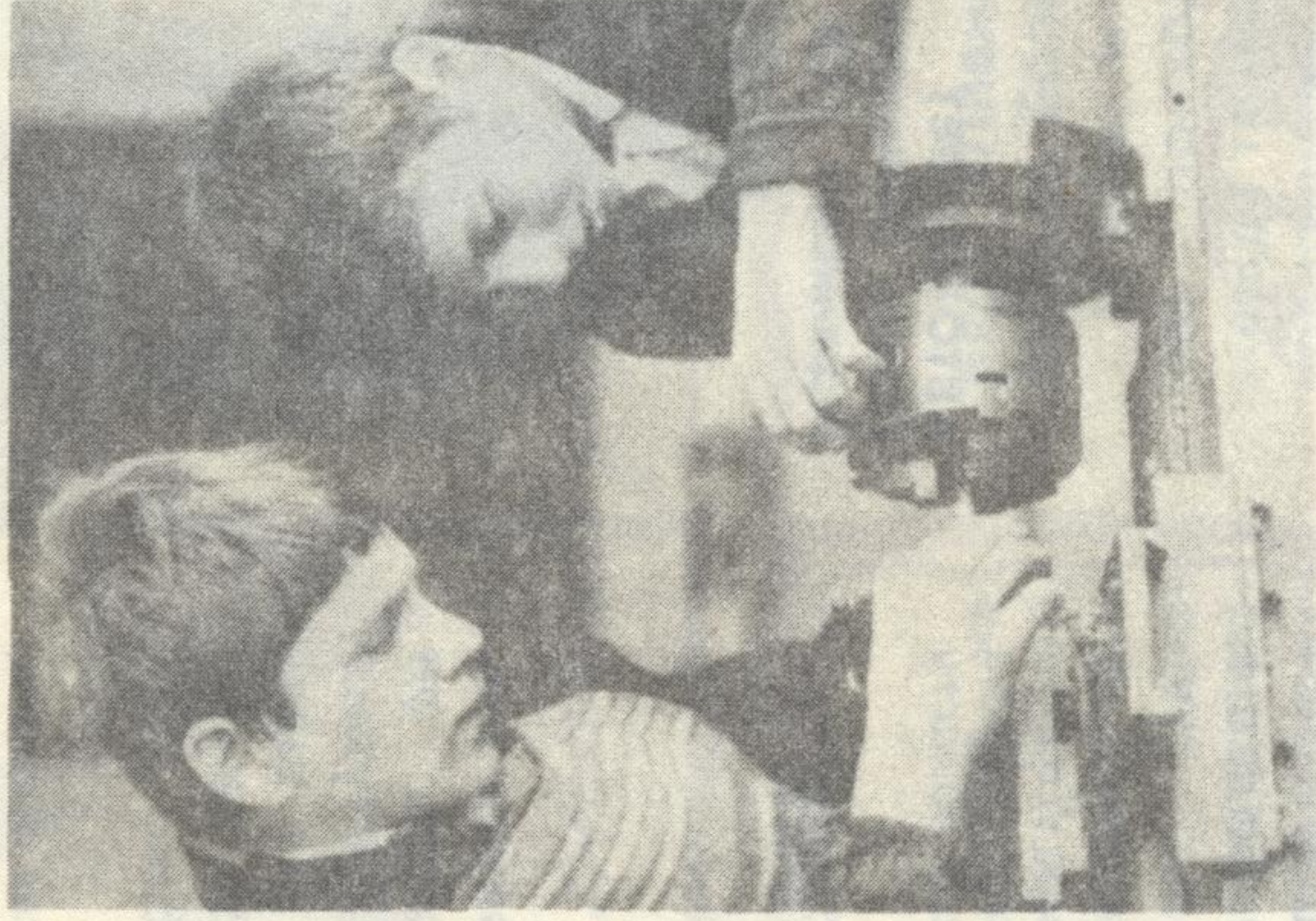
Алеша Вейнер, Чита

АВТОПОРТРЕТ
Гузаль Эшанкулова,
Таджикская ССР

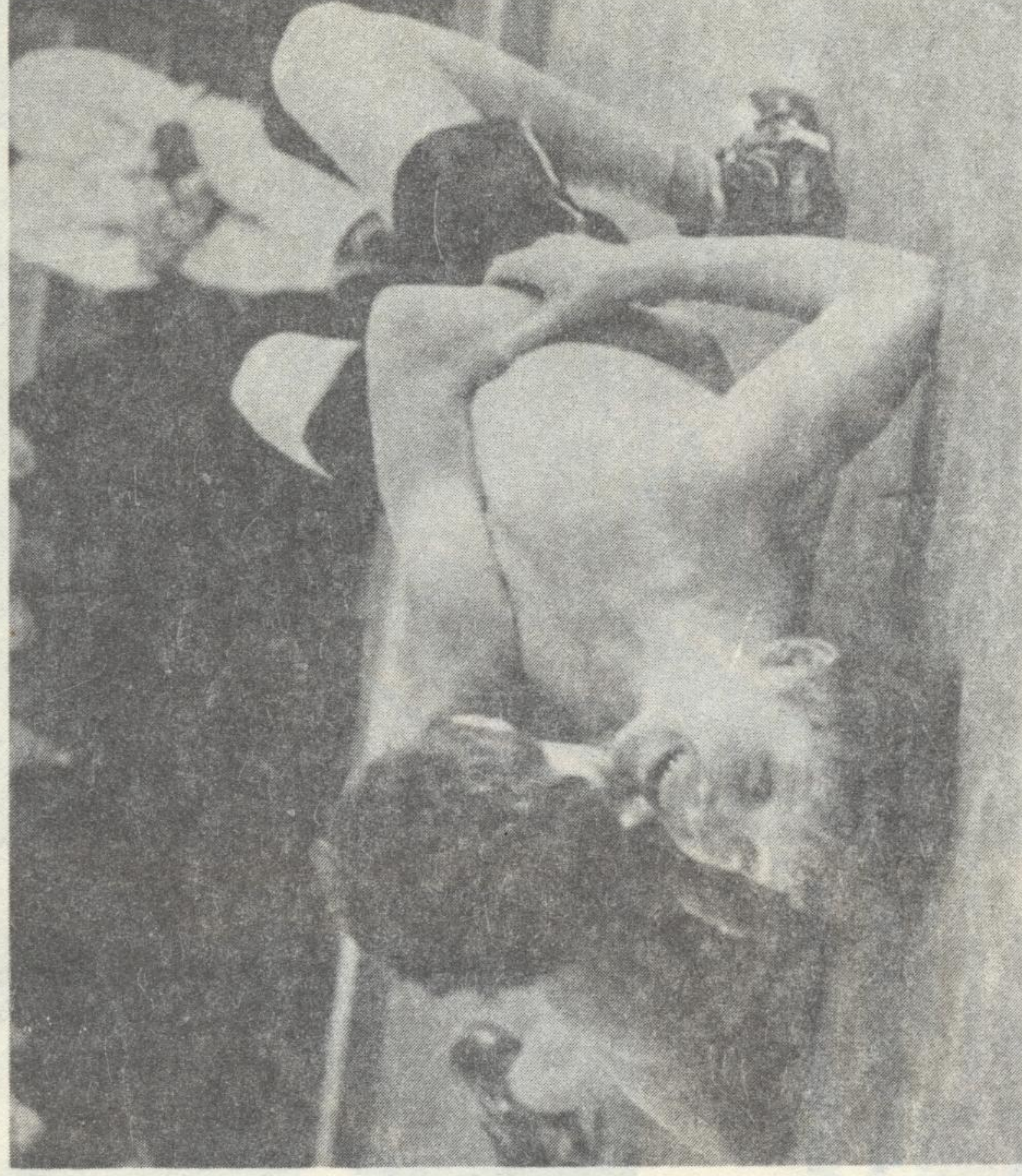

СНЕЖНЫЙ КАРАВАЙ
Лена Золотовская, Владивосток

СЛОЖНАЯ ДЕТАЛЬ
Саша Афанасьев, Чебоксары

БОРЬБА
Игорь Пушкарев, Пермская область

Встретимся два письма

Когда я была маленькой, то очень любила играть со всякими игрушечными пистолетами, автоматами и машинками, которые мне покупали родители. В нашей семье это стало традицией — кукол мне никто не покупал. Только мой дядя был против. Однажды он подарил мне куклу. А я, к огорчению дяди, сломала ее и разобрала на части, а потом забросила на чердак. Так я и росла. Мама называла меня «Соловей-разбойник». Самой любимой

игрой у меня был футбол, в который мы играли с папой. А в хоккей — со старшим братом. Мальчишки иногда смеялись и говорили: «Иди к нам, в обиду не дадим». Но я и так никого не боялась. Если меня кто стукнет, я ему тут же давала сдачи. И во всем старалась походить на мальчиков. Лазила с ними на крыши, на чердаки, прыгала с головокружителейных вышек в речку, дралась.

Но вот уже шестой класс, и мне сейчас не понять, о чем ду-

мают девчонки моего возраста, а их у нас в классе — 15. Мне не с кем поделиться мыслями. Я, как дурочка, играю в машинки сама с собой. А мне так хочется иметь друга.

А. Очирова,
Бурятская АССР

Я живу в новом районе города да только с прошлого года, но успела подружиться со всеми мальчишками. С девочками моего и соседних домов я во-

обще не играю, потому что мне с ними неинтересно. Начнут играть в «дочки-матери» или в «жениха и невесту»! А с мальчишками мы играем в хоккей, футбол, в «войну» и в «БМ». Все мальчишки меня уважают, спрашивают совета. И не потому, что я старше их (я учусь в 7 классе), а потому что, как говорят они, я хороший друг и товарищ.

Аня Иванова,
7-б класс, школа № 337,
Ленинград

Мой папа — военный. Мы живем в ГДР.

Недалеко от нашей русской школы стоит немецкая школа. У нас часто проходят встречи дружки. Зимой немецкие ребята пригласили нас на карнавал. Мы сшили новогодние костюмы. На карнавале все пели, танцевали, играли, обменялись сувенирами.

Программы этих встреч мы готовим сами, без помощи взрослых. Немецкие ребята показывают нам рисунки и показывают свои работы.

Ребята очень любят эти встречи. Раньше, когда мы учились в младших классах, у нас не было возможности разговаривать без переводчика. Сейчас мы изучаем немецкий язык, а они — русский. На встречах немецкие ребята разговаривают на русском, а мы — на немецком языке, и хорошо понимаем друг друга.

Наш КИД решил проводить встречи каждый месяц. На следующей встрече мы сфотографируемся, и я пришлю вам фотографию.

Мы не хотим, чтобы народы мира враждовали между собой. И как ни стараются враги мира, им нас не перессорить.

Снежана Гологречук,
4-б класс.

КРОСС

Беатрис Абондио, 12 лет, Люксембург

Миша Курбатов живет в Ленинграде. Он учится в 5-м классе и изучает испанский язык.

САХАРНИЦА

На столе стоит старинная сахарница. Форма ее необычна. Ручка напоминает сердечко. Сделана она из серебра. Снаружи украшена гравировкой.

Появилась сахарница в нашем доме давным-давно, ее подарили моей прабабушке в день свадьбы. В доме было много детей, и всех угощала старая сахарница.

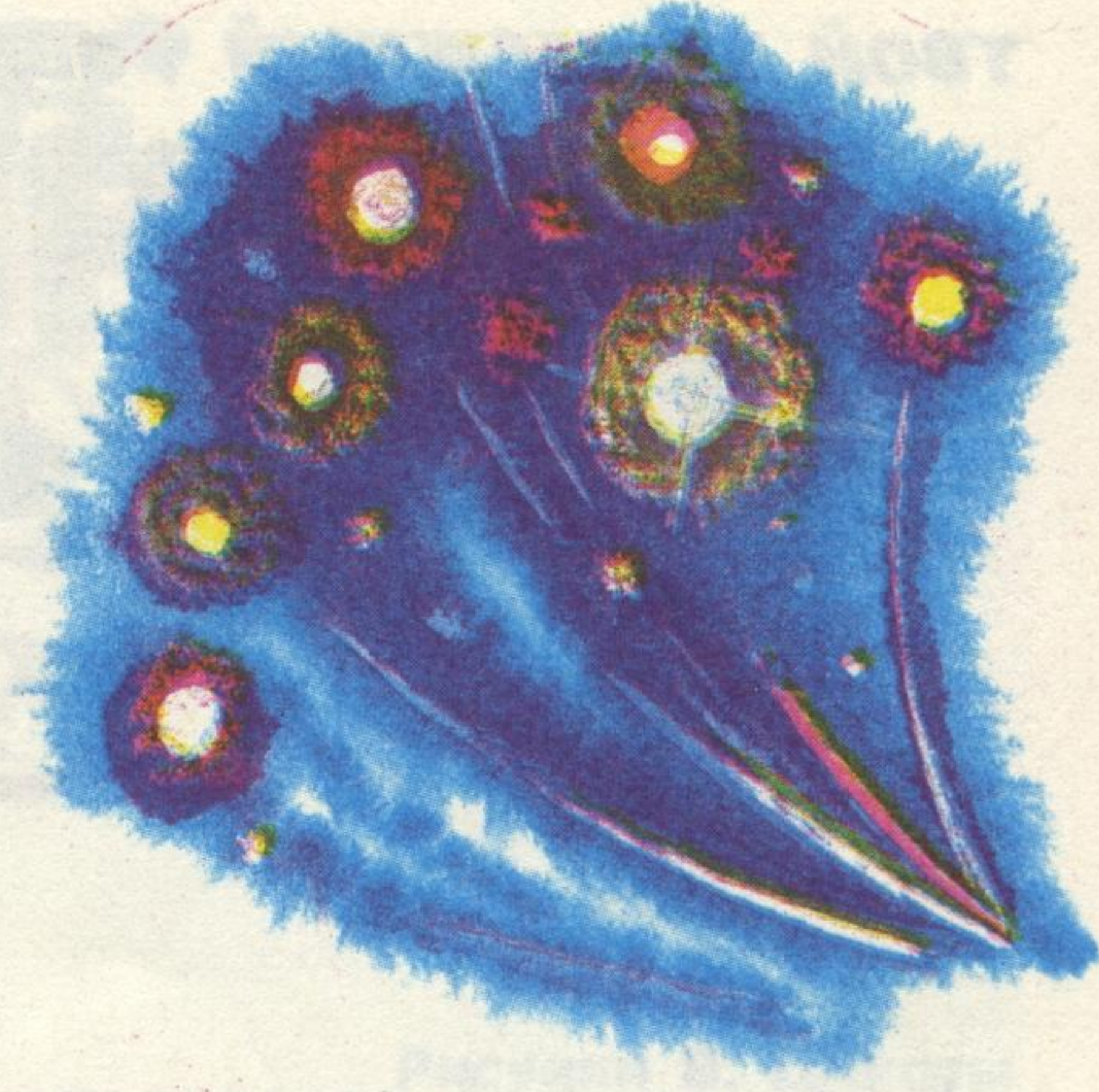
Когда началась война, сахарница стала пустеть, и однажды обнажилось ее серебряное дно. Теперь она мерзла на пустом столе, и никто не брал ее теплыми руками. Сахарница боялась, что не доживет до встречи с людьми, ушедшими на фронт из этого дома. Больше она не слышала веселого звона чашек, прыгавших по углам на столе. Зато она видела, как качался пузатый буфет во время обстрела, а подружки-чашки разлетались на кусочки.

Однажды в дом пришла неожиданная гостья — черная печурка. По сравнению с кафельной печью, похожей на Снежную королеву, она была замарашкой, и имя у нее было противное — буржуйка. Стала буржуйка пожирать деревянных друзей сахарницы. В ее не-

насытном брюхе сгорали стулья и кресла. Ела она много, а тепла давала мало. И сахарница никак не могла согреться.

И вот однажды сахарницу взяли за ручку. Она замерла, подумав, что ее унесут навсегда и обменяют на хлеб. Но случилось удивительное. На донышко посыпался теплый сахар. И сахарница вновь взялась за работу. Теперь из нее каждый день брали сахар. И каждый год в семье праздновали —

ДЕНЬ ПОБЕДЫ.

МАЛЬЧИК из СИДНЕЯ

Волосы у него огненно-рыжие, лицо веснушчатое, а глаза и улыбка — задорные и доброжелательные.

— Мне одиннадцать лет. Зовут Эймон Берк. Я из Австралии. Живу в городе Сиднее. Учусь в католической школе святого Михаила.

— Что говорили в школе, когда узнали, что ты едешь в Советский Союз?

— Наша директриса — сестра Катарина сказала: «Это большая честь. Мы должны тебя снарядить в путь». А девочки из моего класса решили: «Давайте свяжем Эймону теплый свитер. В России очень холодно — он может простудиться». И они связали для меня свитер. Но здесь летом тепло. В Артеке даже в майке жарко. Узнав о моей поездке, ученики нашей школы подготовили для советских ребят подарок — альбом с рисунками, стихами и заметками.

— Что тебе уже удалось увидеть в Советском Союзе?

— Москву. Ленинград. И, — Эймон радостно улыбнулся, — Артек, где отдыхают ваши дети.

Я хотела узнать, как Эймон учится, но меня опередили:

— Эймон, скажи, пожалуйста, а мясо кенгуру едят? — спросила девочка из клуба интернациональной дружбы «Октябрь» Ленинградского Дворца пионеров.

— Нет.

— А какое у тебя самое любимое животное?

— У меня все — любимые. Ведь я собираюсь стать фермером.

Вижу, что со сверстниками ему говорить интересней. Отхожу в сторонку, слушаю, наблюдаю.

— У меня есть сестренка и братишки. А еще есть кошка. Добраться сюда, конечно, было непросто. Пришлось лететь на самолете много часов.

— А что у тебя с рукой? Почему она в гипсе?

— А-а, — морщится Эй-

мон. — Ничего страшного. Не обращайтесь внимания. Играл в футбол и неудачно упал. Скоро заживет.

Потом он внимательно слушал рассказы наших ребят о детских клубах интернациональной дружбы и ярмарках солидарности, антивоенных митингах и трудовых десантах, деньги от которых перечисляют в Фонд мира. Слушая, согласен покачивает головой.

Кто-то из присутствующих интересуется: «А как ты стал борцом за мир, и много ли борцов за мир в Австралии?»

По тому, как посерьезнело лицо мальчика, и как притих зал, всем ясно: вот он, самый главный вопрос.

— В один прекрасный день мне надоело смотреть по телевизору фильмы о войне, надоело слушать по радио и читать в газетах разговоры на эту тему. И тогда я взял и написал в «Дейли Миррор». Это одна из газет, которая издается в Сиднее. В своем письме я написал все, что я думал. «Надо запретить ядерную бомбу. Я хочу, чтобы всегда был мир...» Газета напечатала мое послание, и в ответ я получил очень много писем. Их писали не только дети, но и взрослые. «Мы с тобой, Эймон», «Мы хотим того же самого», «Ты там, в городе, я — тут в деревне, но ты, если надо, на меня рассчитывай...»

Так я узнал, что у нас в Австралии очень много людей хотят мира, а не войны. А чтобы дружить, нам надо встречаться. Вот я к вам и приехал.

Рассказ
о встрече австралийского школьника
с ленинградскими пионерами
записала Т. СКОБЛИКОВА

СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

Л. СТРЕЛЬЦОВ

РАССКАЗ

Рисунки В. Цикоты

Это было тысячу сто лет назад — в IX веке...

В те времена от норвежского побережья отчаливали боевые корабли под полосатыми парусами. На кораблях уходили из дому люди, которым не сиделось в давно обжитом углу. Их манил за собой морской горизонт — к неведомым землям, лежавшим там, далеко-далеко...

Викинги — так называли этих людей.

Они странствовали повсюду — от Белого моря до Средиземного. Викинги торговали на Руси, бывали в Америке и Гренландии, воевали в Англии и во Франции. Их боялись.

В это самое время в северной Норвегии и жил мальчик по имени Арни... Он родился рабом и с малолетства пас хозяйских коров. А лучшие пастбища находились высоко в горах, и Арни подолгу жил вдали от людей. Только один помощник и друг был у него там — верный пес Свасуд...

Арни был рабом, и море притягивало его, обещающая свободу. Он хорошо видел море со своих верхних лугов, ведь пастбище лежало прямо над побережьем.

Однажды судьба послала ему неожиданную встречу: Арни нашел на пастбище человека, раненного в схватке. Человек был беспомощен и одинок. Арни выручил его, поделился едой, отдал последнее, что имел. А потом на острове за проливом вспыхнул сигнальный костер, и человек спустился по скалам и уплыл на огонь, даже не назвавшись.

И только потом Арни узнал, что это был Сван Рыжий, знаменитый викинг. И стал мечтать, чтобы Сван вернулся и забрал его с собой...

Что случилось дальше, ты и прочитаешь в этом рассказе.

* * *

В ту весну на берег навалилась ледяная гора. Целое лето она постепенно таяла под солнцем, и в море со звоном бежали прозрачные ручьи. Северный исполин умирал медленно и трудно. Когда дыхание осени позолотило в горах лиственные деревья, ледяные башни и зубцы возвышались над шхерами по-прежнему величественно и грозно.

Айсберг сидел в проливе между двумя островами, и его было хорошо видно со скал Арнарбрекки, с верхних лугов. Арни нравилось смотреть,

как ледяные утесы день ото дня меняли свою форму, превращаясь в потоки воды. Сияя на солнце, вдалеке возникал то человеческий профиль, то силуэт корабля. Если бы гора не таяла, а росла, Арни, пожалуй, нравилось бы еще больше.

Годом раньше его хозяин, Фридлейв Богач, купил несколько новых рабов. Один из них, по имени Хаваль, почти сразу сбежал. И подался в горы, как раз туда, где пас коров Арни Ингуннарсон. Но не прижился и в горах. Чего они там не поделили, узнать так и не удалось. Только то, что Хаваль убил собаку, помогавшую Арни, и пастух отомстил за нее, как за человека. И поскольку у Хавая не нашлось родственников, способных затеять тяжбу, — на том дело и кончилось.

Свара рабов, не стоившая долгого разговора.

Еще к Арни на верхнее пастбище бегала девочка Турид. Люди видели, она таскала ему хлеб. Когда пастух вернулся со стадом домой, кто-то шутки ради спросил его, уж не было ли между ними любви. Арни огрызнулся в ответ, и этого хватило. После убийства Хавая его предпочитали понапрасну не трогать.

Что же до хозяина, то он вначале хотел наказать пастуха, но потом передумал. От Хавая, пока тот был жив, толку видели немного. И вдобавок он сбежал...

С тех пор прошло три полугодия: два лета и одна зима.

1

Кончалось его седьмое лето на верхних лугах... И шестнадцатое в жизни.

Назавтра предстояло гнать стадо домой. Еще одна ночь в пещере, возле костра — и потом вниз. Скоро праздник Зимних Ночей, которым благодарят богов за урожай и приплод...

Арни загодя связал свою котомку. И бродил напоследок по пастбищу, прощаясь с ним до новой весны. Между валунов разноцветными факелами горели тронутые холодом кусты. Осень в горах всегда наступает раньше, чем внизу.

Арни ходил один. После гибели Свасуда он так и не завел себе новой собаки. Ему предлагали

славных щенят и говорили, что пастух без собаки — не пастух. Это было правдой, и Арни соглашался. И продолжал управляться так.

Арни любил свое пастбище... И черную Арнарбрекку с ее хмурыми скалами, стремительно уносившимися к воде. Весной на этих скалах так и кипела хлопотливая жизнь, но теперь птиц почти не было, все разлетелось. Орлиная Круча молча высилась над морем, и оттого море казалось торжественно притихшим в ожидании шторма.

Осень есть осень: будет и шторм...

Арни подошел к самому краю, и камешки потекли из-под ног, звонко отскакивая от уступов. Холодный ветер веял под пасмурным небом. Он не мог раскачать сильной волны, но вокруг островов кипели белые ожерелья. Осень щедро раскрасила шхеры, и поэтому Арни не сразу заметил корабли. Но когда заметил — больше не спускал с них глаз...

Два словно бы игрушечных суденышка неспешно ползли по ветру. Паруса были полосатые, красные с белым. Арни знал, что такие паруса сшивают из множества полотнищ и для крепости еще простегивают тонким канатом. И не всякому шквалу под силу их разорвать.

Грозные паруса боевых кораблей...

День понемногу клонился к вечеру. Арни видел, как корабли подобрались к острову и спрятались среди скал. Викинги не хотели на ночь глядя соваться в проливы и устраивались на ночлег. Это выглядело разумным.

Остров был тот самый, на котором люди Свана Рыжего разводили для своего вождя сигнальный костер.

Мудрено ли, что Арни всю ночь крутился с боку на бок и думал о викингах! Но под утро его все-таки сморило. И ему привиделась мать.

Светловолосая красавица вошла в пещеру и села у очага, и Арни знал, что ее звали Ингунн. Он очень плохо помнил свою мать, и потому ему нравилось думать, что она была красива. Ингунн молча смотрела на него и только все кивала головой. Словно одобряла какое-то решение, которого он еще толком не принял... Арни проснулся и пожалел, что не удалось с ней поговорить. Своя правда в этом была: если он кое-как еще помнил ее внешне, то голос не задержался в его памяти совсем. Да. Слишком рано она умерла. Даже не успела рассказать ему об отце. А теперь не хотела говорить и во сне.

Арни был на нее за это немного сердит.

Его отцом долго считали Хёрда Рыбака, утнувшего во время лова трески. Люди говорили, Хёрд был таким же молчаливым и имел похожую родинку на плече. Но сам Арни соглашаться с этим не хотел. Рыбак, по слухам, был скверного нрава и трусоват. А когда Арни случалось думать об отце, ему неизменно вспоминался Сван. Вот чьим сыном он назвался бы с радостью. Хотя бы приемным. А если этого не было суждено... лучше уж так и зваться всю жизнь только по матери — Ингуннарсоном.

Может, к нему, как некогда к безродному Оттару, еще явится верхом на ведре ласковая богиня

Фрейя. Разбудит под землей вещую великаншу и заставит рассказать ему о родне?.. Навряд ли. Когда-то боги и впрямь жили среди людей, но те дни давно миновали. И потом Оттар был действительно знатного рода, но только никто об этом не знал... А Арни родился рабом. И светлой Фрейе не о чем было бы ему рассказать.

Но он крепко помнил еще и то, что родившийся невольником не всегда им умирал. И так было во все времена.

2

Пока Арни гнал коров вниз, ему почти не удавалось посмотреть, что делалось в море. И все-таки он видел — корабли медленно ползли к берегу; они осторожно двигались на веслах, и следовало думать, что на носу каждого стоял человек с длинным шестом, постоянно щупавший глубину. Боевой корабль не боится застрять на мели, но притаившийся камень способен его погубить...

Должно быть, к вечеру они войдут в фиорд...

Арни срезал хворостину и принялся подгонять неторопливо шедших коров. Фридлейв-хозяин наверняка прикажет спрятать стадо где-нибудь подальше, чтобы не остаться под зиму без коров. Ибо первое, что делают викинги на чужом берегу, — это забивают скот. Корабли надо было опередить. Арни полагал, что это ему удастся.

Почему-то он был уверен, что окажется первым, кто принесет во двор тревожную весть. Однако ошибся. Едва его стадо миновало лесок, как навстречу верхом на коне попался сам Фридлейв Богач. Отсюда уже было видно устье фиорда, и Фридлейв все оглядывался — не показались ли паруса. Мимо него по дороге одна за другой катились повозки, нагруженные всяким имуществом. Арни понял, что хозяин не надеялся оборониться от страшных гостей. Возницы надрывали глотки, крича на лошадей. И даже крепкий мохнатый конек под Фридлейвом, обычно спокойный, чувствовал общее волнение, вертелся и плясал.

Заметив стадо, хозяин направился прямо к нему. Было видно, что расторопность пастуха принесла ему некоторое облегчение.

— Гони к Трем Головам!

Три Головы были невысокой горой, за которой, если ее обогнуть, открывалась целая путаница ущелий и теснин. Там могло легко затеряться стадо хоть в сорок раз больше того, что гнал Арни Ингуннарсон. Конечно, спрятанное всегда можно найти. Но для этого понадобилось бы изрядно углубиться в страну. А викинги очень не любят удаляться от берега, и все это знают.

Арни уже стал поворачивать стадо, когда Фридлейв вдруг вернулся и велел ему отделить несколько животных — и притом не самых жилистых и старых... Они останутся в покинутом дворе вместе с другими съестными припасами. Викинги должны найти, чем поживиться. Может быть, тогда они хотя бы не спялят дом...

Три коровы сразу же истошно заревели, словно понимая, что ничего хорошего их не ждало. У Арни сердце облилось кровью, но он промолчал.

Мимо него со скрипом и руганью катились повозки. Они тоже спешили к Трем Головам. На одной из них Арни заметил жену хозяина и обеих его дочерей. Арни никогда с ними не ссорился. Другой повозкой правил старый раб, тот самый, что знал целебные травы. Такого невольника Фридлейв, конечно, покинуть не мог. А рядом с повозкой, ухватившись за бортик, бежала Турид. Было совсем не до того, но Арни невольно задержал на ней взгляд... Ему ни разу не приходилось разговаривать с ней с самого прошлого лета, с того дня, когда погиб Свасуд. Но отчего-то радостно было думать, что девчонку не бросили. Турид на миг оглянулась... только на миг. Арни закричал на коров. В суматохе он навряд ли справился бы с ними один, но помощники подоспели со всех сторон. Ведь большинство людей Фридлейва уходило так же, как и сам Арни, — пешком.

У хозяина было всего четыре повозки. И гораздо больше добра, чем эти повозки могли взять.

Очень кстати пришелся бы теперь Богачу его крутобокий и быстрый корабль. Но корабль был послан на юг в Вестфольд, торговать добытыми зимой мехами, и еще не возвращался...

Вечером Арни сидел в кустах на склоне горы и смотрел на фиорд. Некоторое время назад он понадежнее привязал коров, проследив, чтобы всем хватило травы. Почесал каждой за ухом и между рогами. А быка хлопнул, как равного, по налитому силой плечу. Рыжее страшилище в ответ потерлось широченным лбом о его бедро и низко, глухо прогудело что-то на прощание... Арни убежал оттуда бегом. А то как бы не распустить соплю и не передумать...

Арни сидел на склоне горы и смотрел на фиорд. Лук и берестяной колчан висели у него за спиной. Сван Рыжий непременно спросит его, многое ли он умеет из того, что полезно в походе. Он ответит, что вроде неплохо бьет в цель. По крайней мере, люди так говорят. Сван велит показать. Тогда Арни приложит одну стрелу к тетиве, другую схватит пальцами левой руки, а третью возьмет в зубы. И выпустит их быстрее, чем Сван успеет сосчитать до трех...

Солнце садилось прямо против устья фиорда, между горами. Оно било в глаза, и Арни не заметил, как корабли появились из-за скал. Они словно бы выросли из ниоткуда прямо посередине пролива — один несколько впереди, второй следом за ним. Вечер был тихий, и парусов не ставили. Зато весла работали стремительно и сильно, и корабли так и летели. Фиорды глубоки, а на глубине можно не опасаться камней.

Арни хорошо видел ощеренные драконьи головы на штевнях кораблей. И круглые щиты, закрывавшие борта. Под щитами равномерно вспыхивали на солнце мокрые лопасти весел. Потом корабли вошли в тень прибрежной горы, и весла погасли. Только белые бурунчики вскипали под ударами и сразу опадали. Над водой понемногу собирался вечерний туман, и косые лучи заката полосами тянулись к берегу. Корабли с разгону выбежали на песок прямо против двора. Арни никогда не видел зрелища красивее... и страшней. Люди выпрыгивали в мелкую воду и шли к воротам. Все были вооружены: каждый нес щит. А где щит, там недалеко топор или меч...

Сердце гулко и часто заколотилось в груди, и Арни понял, что это был страх. Он боялся туда идти. Не таким виделся ему приход кораблей... Каким? Теперь он и сам не смог бы твердо сказать. Но то, что он видел, его пугало.

Ворота во двор были предусмотрительно оставлены раскрытыми настежь. Викинги вошли в ограду, и скоро над крышей большого дома поднялся сизый дымок разожженного очага...

Арни поправил ремень колчана и зашагал вниз.

3

В доме шел пир.

Мореходы стосковались по горячей пище, по жару огня; здесь всего этого было в достатке. Жаль только, хозяйские дочери не пожелали повеселиться с ними за столом. Но и это невелика беда. Молодые воины еще найдут себе жен.

В разгар веселья со двора послышался какой-то шум. Потом дверь отворилась. Двое викингов, оставленных снаружи, втокнули в дом белобрысого парня в одежде раба. Один из воинов внес отобранные у него лук и колчан.

Лук, как сразу отметили опытные глаза, был совсем неплохой.

Головы стали поворачиваться. Сто человек разом смотрело на Арни: одни весело, другие безразлично, третьи — с раздражением.

И... никого похожего на Свана...

Не в силах поверить, Арни снова и снова обегал глазами длинный дом. Светловолосые, темноволосые, бородатые, безбородые... трое или четверо рыжих... все чужие. Свана не было.

Сердце бешено колотилось. Арни вдруг мучительно захотелось обратно на верхние пастбища, к коровам, в пещеру, туда, где черной стеной поднималась в тумане угрюмая Арнарбрекка...

Сидевший на почетном сидении опустил рог, из которого пил.

— Кого еще вы там привели?

Он был молод — ненамного старше самого Арни. Но если в Арни за сто шагов можно было распознать пастуха, то этот с головы до пят был воином и вождем. Серебряные пластинки мерцали у него на груди и на ножнах меча. Меча, который был частью его тела... и которого Арни никогда не держал в руках. Синие глаза смотрели не мигая, в упор. Навряд ли ему приходилось перед кем-нибудь их опускать.

Воин, принесший лук, усмехнулся в усы:

— Это здешний раб, Вемунд-вождь, и он пришел сам. Он говорит, что хочет видеть Свана Рыжего...

Тут уж на самых равнодушных лицах появились удивление и интерес. Вемунд откинул русоволосую голову и засмеялся:

— Свана Рыжего!.. А Хальвдан конунг ему слушаем не нужен?..

Шутка понравилась — захохотал весь дом.

— Ишь чего захотел, неумойка!..

— А ну, раб, вынеси-ка объедки...

— Если пришел попросить еды, так и скажи!

Большая полуобглоданная кость пролетела и шлепнулась возле ног. Арни стоял неподвижно. Так вот какова она была в действительности, его мечта. Эта мечта сидела по лавкам захмелевшая от ячменного пива, объевшаяся жареным мясом, и потешалась над ним на разные голоса. Следовало бы ему понять это еще во дворе, когда он увидел три коровьи шкуры, растянутые на заборе...

Оставалось только одно: поднять голову повыше. Арни так и поступил.

Вемунд вскинул руку, прекращая шум.

— Я Вемунд хёвдинг сын Асбьёрна из Раумсдаля... и придется тебе беседовать со мной, поскольку Свана Рыжего здесь нет. А сам ты кто таков?

Сердце снова ухнуло в гулкую пустоту. Арни почему-то не подумал, что именно это окажется самым трудным. Назвать свое имя, имя безродного! Он набрал побольше воздуха в грудь и ответил, как прыгнул с обрыва:

— Я Арни Ингуннарсон, пастух у Фридлейва Богача.

Он стиснул кулаки, ожидая новых насмешек. Но их почему-то не последовало.

— Арни!.. — повторил Вемунд-вождь. — Совершенно слову «орел»! Странное имя для раба. Так о чем ты просишь, пастух?

Сникшая было надежда вновь выпрямилась и расправила плечи. Арни сказал:

— Я хорошо стреляю из лука. Возьми меня к себе на корабль!

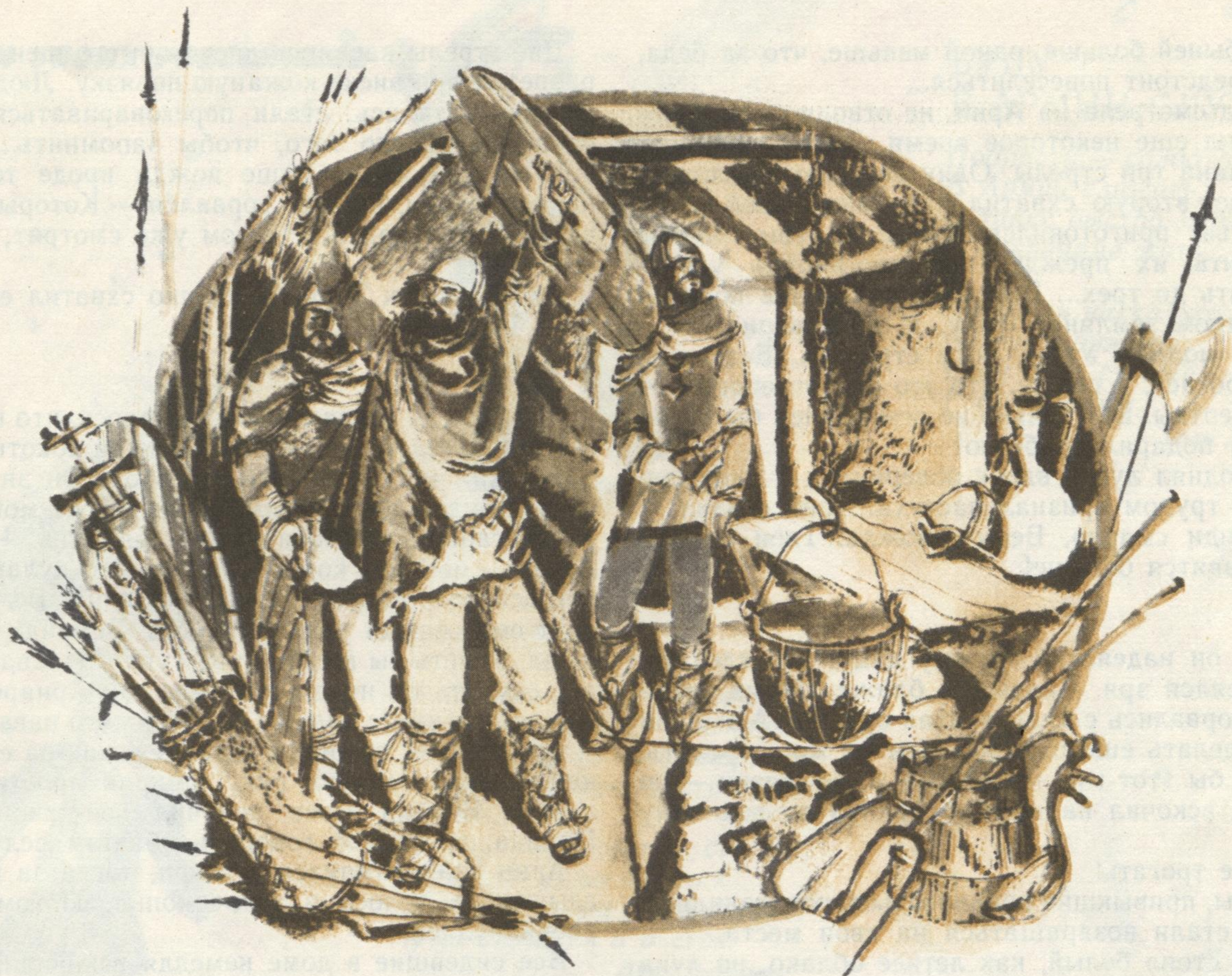
Он посмотрел на руку в черных мозолях, державшую рог, покраснел и добавил, опустив голову:

— А грести я научусь.

Седобородый воин, сидевший поблизости от вождя, приподнялся со своего места:

— Вемунд, я выкину его за ворота...

Другой, молодой и одноглазый, без трех пальцев на правой руке, крикнул из дальнего угла:

— Возьми мальчишку, хёвдинг! Из него будет толк!..

Арни озирался. Длинный дом гудел, как потревоженное осиное гнездо.

— Тихо! — вновь перекрыл все голоса Вемунд-вождь. Явный страх раба его забавлял. — Метко стреляешь, говоришь?.. Для лучника у нас место найдется. Только придется тебе сперва показать, такой ли ты на самом деле Орел. Дайте ему его лук и поймайте какую-нибудь курицу во дворе!

И это называлось испытанием?.. Арни привычно закинул за спину колчан и пробормотал разочарованно:

— Я охотник. Я не привык стрелять в привязанных кур...

Вемунд перебил его, стукнув по столу кулаком:

— А я не привык, чтобы мне перечили всякие пастухи!

Следовало подчиниться. Арни пожал плечами и устался в пол. Не нужно большого искусства для охоты на кур. Но пусть будет так.

Ждать пришлось недолго. Скоро снаружи слышался хохот, и дверь открылась вновь:

— Смотри, Вемунд, какая славная курочка! Уж очень хотела взглянуть, весело ли у нас тут!..

Арни обернулся...

Однажды ему довелось увидеть, как на другой стороне фиорда случился обвал. Люди рассказывали — накануне там появлялась какая-то старуха и ходила кругами против солнца, бормоча и плюясь...

В полной тишине половина горы вдруг заскользила вниз и накрыла работника, перегонявшего коз...

И лишь много мгновений спустя долетел до слуха страшный голос оползня...

Между двумя воинами на пороге стояла Турид.

Подле могучих парней она казалась цыпленком. Готовя потеху, викинги живо выволокли несколько столов и толкнули Турид к бревенчатой стене. Она выпрямилась и замерла, сомкнув ладони на груди. Она смотрела на Арни, державшего в руках лук. Она понимала, что должно было произойти.

Арни сглотнул. Нет, не такой ценой. Во рту было сухо. Он облизнул губы и сказал негромко, но услышал почему-то весь дом:

— Я не стану в нее стрелять.

Вемунд расхохотался.

— Я смотрю, ты трус, никогда не видевший крови... Чего еще можно ждать от раба! Ладно, не убивай ее, если так уж боишься. Но позабавить меня тебе все-таки придется. Если ты действительно не впервые стреляешь, ты сумеешь пригвоздить ее волосы, не поцарапав щек. И поживей, если не хочешь, чтобы я велел тебя выпороть!

Кто-то из викингов заворчал, осуждая такое решение. Но вслух возражать никто не стал. Од-

ной рабыней больше, одной меньше, что за беда, если предстоит повеселиться...

Турид смотрела на Арни, не отводя глаз. Арни помедлил еще некоторое время. Потом вытащил из колчана три стрелы. Одну он сразу приложил к тетиве, вторую схватил пальцами левой руки. А третью приготовился взять в зубы. Чтобы выпустить их прежде, чем кто-нибудь успеет сосчитать до трех... Покрепче расставил ноги на утопанном земляном полу. И проговорил:

— Я молюсь Уллю, богу стрелков. Если моя рука дрогнет, я скажу, что это он потребовал от меня жертвы. Вот только не оскорбился бы Улль, что ему подарили рабыню!

Он поднял лук и вдруг повернулся к Вемунду, и тот с трудом признал пастуха. Арни сказал:

— Сиди смиренно, Вемунд-вождь. Твои волосы мне нравятся больше!

Если он надеялся, что ему дадут это сделать, то надеялся зря. Сидевшие ближе других мгновенно сорвались с мест, хватая оружие. А это они умели делать еще быстрее, чем он мог стрелять. И стал бы этот миг последним в его жизни — но Вемунд вскочил на ноги и гаркнул во всю силу легких:

— Не трогать!

Воины, привыкшие повиноваться, остановились. Потом стали возвращаться на свои места...

Арни стоял белый, как летнее облако, но лука не опускал...

Вемунд сел. Положил ногу на ногу. Отхлебнул пива. И сказал спокойно:

— Стреляй, Арни Ингуннарсон. Не станут говорить, будто я тебя испугался.

... Ох и далеко же она была теперь — Арнарбрекка!.. Пасущееся стадо и костер под каменным сводом пещеры! И утреннее солнце, встающее из-за гор! Не было туда больше дороги. Прыгнувшему через пропасть не вернуться с середины прыжка. Арни прицелился. Насмешливые синие глаза смотрели в упор. Они не мигали. Вемунд сидел нога на ногу и не спеша потягивал пиво. А в доме стояла тишина.

И Арни понял, что этого урока ему не позабыть до конца его дней. Он смотрел на Вемунда и знал, что будет счастлив, если когда-нибудь станет таким... хотя бы вполовину таким...

Хотелось отшвырнуть лук и броситься на колени.

Арни спустил тетиву. Потом второй раз и третий — пока первая стрела еще дрожала в стене. Он высыпал их, как камешки из ладони. Это было просто. Ведь Вемунд сидел в каком-нибудь десятке шагов. Куда проще, чем подбивать стрелу стрелой на лету...

— А ты мне нравишься! — сказал Вемунд хёвдинг. — Пожалуй, я и вправду возьму тебя на корабль. Садись за стол! Мне по душе дерзкие щенки вроде тебя!

Две стрелы касались древками его шеи, третья разрезала на виске кожаную повязку. Люди в доме зашевелились, стали переговариваться. Случившееся стоило того, чтобы запомнить...

— А мне не по душе вожди вроде тебя!.. — крикнул Арни, и голос сорвался. — Которые сперва унижают людей, а потом уже смотрят, на что они годны!..

Он шагнул к Турид и крепко схватил ее руку. — Пошли!..

Арни шел к дверям, и ему казалось, что пол под ногами качался. Он тащил Турид за локоть и старался как мог заслонить ее собой. Он знал, что сейчас будет убит. Иным кончиться не могло. Не рассчитавший прыжка срывается вниз. Что это будет — меч или копье? Или просто кулак тяжелее всякого топора?.. Какая разница. Вемунд не даст ему отсюда уйти. А не сам Вемунд, так его люди. Успеть бы вытолкнуть Турид. И Свасуд будет скулить по ночам над скалами Арнарбрекки, потому что никто больше не придет его навестить...

Арни шел к дверям и не видел, как за его спиной Вемунд вскинул руку, смирив ярость своих людей. Вемунд тоже получил кое-какой урок. Правда, не стоило говорить об этом вслух...

Арни уже потянулся к двери, когда за ней слышались голоса и топот копыт. Потом дверь распахнулась.

Все сидевшие в доме немедленно вскочили, крича и потрясая оружием. В том числе и Вемунд — приветствуя вождя много старше себя.

И встал на пороге... В синей рубашке, шерстяном плаще и кожаных штанах. И были у него темно-медные волосы и такие же усы. И одна нога — деревянная ниже колена.

Он показался Арни выше ростом, чем в прошлый раз. Может быть, оттого, что в тот раз он так и не видел его толком во весь рост...

Сван Рыжий смотрел на Арни.

Арни смотрел на Свана.

Потом викинг шагнул вперед, сгреб Арни в охапку и стиснул так, что в колчане хрустнули стрелы:

— Я ездил на Арнарбрекку и в Жилище Купца... Пастушонок, где ты пропадал?

Арни ничего на это не ответил, ибо лицо почему-то внезапно стало мокрым, и показывать это не годилось. Взрослый парень, рядом со Сваном он вновь почувствовал себя маленьким мальчиком. Он никогда и не думал, какое это блаженство. Наверное, именно так и бывает, когда обнимает отец...

Потом он нечаянно коснулся его деревянной ноги и подумал, что Свана ранят еще раз только в том случае, если он, Арни, не сумеет вовремя спустить тетивы. А этого произойти не могло.

А Турид стояла рядом с ним и не могла убежать, потому что он продолжал крепко держать ее руку в своей. И выпускать не намеревался.

— Пастушонок, — сказал Сван. — Я не спросил тот раз, как тебя звать...

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

БУДУ В АРМИИ СЛУЖИТЬ

Подрасту — солдатом буду
В Армии служить,
В танке быстро мчаться
И в казарме жить.

Не боюсь несколько
Вьюги и дождей,
Буду я на страже
Родины своей.

Толя Денисов,
Грозный

НА ЛЬДУ

Я на каток иду во двор,
Где снег сверкает и искрится,
И вот лечу во весь опор,
И день за мною быстро мчится.

И мчусь я, кажется, сто лет,
А позади зима смеется.
Я нахожу свой старый след,
А он теряется и вьется.

Лена Бычкова,
Саратовская область

ЧЕЛОВЕК НЕ ОДИНОК

Я иду, вся закутана в воздух, —
Эту грустно-прозрачную свежесть;
Дома — запах жаркого в ноздрях,
Дома я закутана в нежность.

В школе я искупаюсь в ученье,
Окунусь в болтовню переменок,
Закручусь в жарком вихре мгновенья
Мной полученных школьных оценок.

Я с продленки бреду тротуаром
И домов люблю фасадом:
Понимаю, послушная чарам,
Что укутана всем Ленинградом.

А когда через мглу мирозданья
Встречусь взглядом со звездочкой смелой,
Ощущаю тогда с замираньем,
Что Вселенной укутана целой!

Катя Заостровцева,
Ленинград

Рисунок Н. Куликовой

КТО КАК ЗИМУЕТ

Б. СЕРГЕЕВ

Жизнь на севере тяжела. Коротко лето и бесконечно длинны зимы. Для многих обитателей севера выпадение снега — настоящая катастрофа. Зима страшна морозами. Температура тела птиц и теплокровных животных около $+40^{\circ}$. Если температура у них снизится на несколько градусов, животные погибнут! Как же быть? Для северян важнее всего обзавестись теплой одеждой. Зайцы, белки, куницы и соболи надевают к зиме теплые шубы. На их изготовление используется два типа волос. Тонкие, мягкие, но не очень длинные пуховые волосы прекрасно сохраняют тепло, но они легко рвутся и одежда из них непрактична. Более грубые остевые волосы значительно надежнее, зато греют намного хуже.

Лосям, которым постоянно приходится продираться сквозь лесные чащобы, наткаться на коряги, нужна особенно прочная одежда. Она у них из чисто остевых волос. Не слишком тепло, но зато надежно. А утеплить ее может подкладка — подкожный слой жира.

Птиц греют перья. Их тоже несколько видов. Мелкие пухо-

вые перышки — отличная теплоизоляция, а более крупные кроющие перья защищают пух, предохраняют птицу от дождей и ветра. К зиме птицы меняют свой гардероб. На летнюю одежду чижа идет полторы, а на зимнюю две с половиной тысячи перышек! Заметная разница.

Одежда зверей и птиц обладает удивительным свойством, она по желанию своих владельцев может стать то более теплой, то начинает хуже сохранять тепло. Все зависит от того, как ее носят. Если холодно, птица взъерошивает перья, зверь распушит волосы и им становится теплее. Кукша умудряется наохлеться и во время полета.

Зимой люди пользуются рукавицами, валенками, рейтузами. Звери тоже обзаводятся ими. У зайцев, песцов, лисиц лапы к зиме покрываются густой шерстью. Волосы растут на пальцах и между ними. У куропаток перья на лапах разрастаются так, что пальцев почти не видно. Однако на севере немало птиц, вроде чаек, которые и зимой и летом шлепают по льду и снегу босиком. Не считайте их легкомысленными существами. Они хорошо переносят зимние холода и не отмораживают лап, так как пользуются теплыми «носками». Правда увидеть их трудно, они находятся под кожей. Носки связаны или, вернее, сплетены из кровеносных сосудов — артерий и вен. Каждая артерия, несущая кровь к ногам, спрятана в футляр оплетающих ее вен, по которым она течет обратно в сердце. Конечно, в артериях кровь теплая, а по венам она возвращается уже настолько охлажденной, что если бы в таком виде добралась до сердца, в считанные минуты погубила бы птицу. Но этого не происходит. Венозная кровь здесь же

в лапах успевает согреться. Благодаря тесному соприкосновению вен с артериями, она отбирает от артериальной крови все ее тепло и возвращается в сердце, имея нормальную температуру. В свою очередь артериальная кровь оказывается настолько холодной, что в лапах теряет уже совсем немного тепла. Благодаря этому удивительному приспособлению, вынос тепла из организма птиц весьма невелик. Правда, во время отдыха многие из них предпочитают стоять в воде, в морозы она значительно теплее воздуха, или полежать где-нибудь в укромном местечке, спрятав лапы в густые и теплые перья.

СНЕГОПАД

Когда в воздухе закружит снег и земля исчезнет под белоснежным покрывалом, для животных начинается трудная пора. На белой скатерти, покрывшей тундру, не только олень, маленький лемминг виден издалека. Даже в лесу, где деревья мешают широкому обзору, крохотной полевке редко удается преодолеть расстояние в 100—200 метров, если она по молодости и неопытности рискнет появиться днем на поверхности снега. Обитатели нашего севера только глубокой ночью могут чувствовать себя уверенно. Днем им приходится или не покидать убежищ, или пользоваться маскхалатами. Большинство северян надевают их к моменту выпадения снега. Покровительственную окраску спешат приобрести зайцы-беля-

ки, ласки, горностаи, белая и тундровая куропатки, песцы. Горе тому, кто не успеет сменить одежду.

Вторая проблема — транспортная. В снегу немудрено и увязнуть. Для бега по заснеженным равнинам нужны длинные ноги, чтобы они доставали до земли. Длинноногим зверям зимой легче, чем коротколапым. Если ноги не очень длинные, можно обзавестись «лыжами». У многих зверей и птиц на пальцах вырастают длинные густые волосы или перья. Это не просто зимняя обувь, но одновременно и «лыжи». Недаром американцы своего беляка называют лыжным зайцем. Чтобы меньше вязнуть, животные, путешествуя по снежной целине, широко расставляют пальцы, а северные олени копыта и дополнительные копыта.

Зимой в Арктике царит голод. И не потому, что там мало пищи. Она здесь есть, ее достаточно, но скрытая метровой толщей снега, она становится недоступной. Там внизу трава, стебли ягодников и кустарников с зимними почками, ягель. Под снегом проводят зиму лемминги и мышевидные грызуны. Но как угадать, где спрятана эта пища, а главное, как до нее добраться? Северные олени, чтобы добыть 5—6 кг корма, должны перекопать не менее 70 м² снежной поверх-

ности. Белые куропатки самостоятельно добраться до земли не в состоянии. Зимой они следуют за стадами северных оленей и подъедают остатки травы.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

Много сложных проблем приносит снег, но зато он создает надежное укрытие для всех самых маленьких четвероногих: под белым покрывалом тепло. У мелких животных длина волос невелика, без снега не спаслись бы от мороза не только мыши, но и значительно более крупные существа. Белки, соболи, куницы не могут подолгу оставаться на открытом воздухе. Немного побегав, они спешат в теплые норы, дупла или гнезда, иначе замерзнут или простудятся.

С наступлением холодов даже крупные звери начинают пользоваться снежными логовами. Лось в глубоком снегу не может полностью зарыться. На поверхности всегда остается голова и спина с особенно густой и длинной шерстью. Но и эта защита уменьшает теплопотери наполовину.

Особенно важен теплый дом для белой медведицы, у которой дети появляются зимой. Он строится из одного снега, но бывает большим и просторным. Здесь медведица может встать на все четыре лапы, а медвежатам есть где порезвиться.

Снежными убежищами широко пользуются птицы. Рябчики, тетерева, глухари, куропатки, побродив по снегу, роют небольшую пещерку, реже ныряют в снег прямо с лета или с ближайшего дерева. Горизонтальный ход делается на небольшой глубине 20—30 см. Угнездившись, птица затыкает ход рыхлым снегом. От того, насколько тщательно она это сделает, зависит температура в убежище. Если хозяйка пещерки не поленилась, то несмотря на небольшую толщину снежной крыши, температура в спальне даже в тридцатиградусный мороз не опускается ниже -1° . Под снегом птицам так тепло, что рябчики проделывают в потолке своей спальни форточку.

В снег зарываются пуночки, чечетки. Птички ныряют в снег с лета. Такие же ночевки

устраивают большие синицы. Их норки похожи на тетеревиные, только значительно меньше размером. А иногда большие и длиннохвостые синицы спускаются под снег по вертикальным стеблям ивовых кустов.

Наступление зимы ставит перед обитателями полярных областей массу проблем. Но природа богата на выдумки. Она снабдила зверей и птиц такими удивительными приспособлениями, которые позволяют им жить в этих крайне тяжелых условиях.

Рисунки В. Шаронова

Оформление Т. Панкевич

ФЕВРАЛЬ

Февраль — месяц вьюг, глубоких снегов, трескучих морозов... Ледяной ветер гонит снежную пыль, наметает большие сугробы. Но утихнет метель, выглянет солнышко, и, глядишь, в ясный полдень падают с сосулечек звонкие капли...

В народе называют февраль так — «лютень-месяц»... Что значит — лютый. А еще — «бокогрей»: лежи на печи и грей бока...

А для лесного зверья февраль — самая трудная пора. Запасы в норах на исходе. Жир под кожей, накопленный с осени, нагулянный на хороших кормах, — сошел. Только бы дотянуть до тепла... Потому на языке лесных жителей у февраля еще название — месяц «Дотерпи до весны».

ЛЕТО НА СНЕГУ

В наших краях в зимнее время нет-нет да и встретишь рыжую плутовку. Выйдешь на лесную опушку и вдруг увидишь лисицу, кувыркающуюся в снегу. Мышкует!

Как-то ранним утром, любуясь узорной вязью березовых веток, внезапно повстречался с лисой. Признаться, никогда еще не видел так близко рыжую. До чего же красива огненная шубка! Среде хрустальной белизны будто пламя бежит по снегу! Сделала несколько шагов и замерла на месте... И мгновенно скрылась в зарослях.

Тишина необыкновенная. Ничто не шелохнется. Солнце высоко. Только мороз властвует... А мне радостно! То ли оттого, что с рыжухой повстречался, то ли — ярко светит солнце и небо голубое, чистое...

А может, оттого, что у самой лесной опушки только что распечатали стог сена. И из него будто вырвалось и рассыпалось по снегу душистое, теплое лето!

Кажется, сейчас вся эта подсохшая, спрессованная луговая зелень заполнит собой все снежное пространство и задымится летним зноем. Закрыв я глаза, стою и вдыхаю запахи лета, запахи июльских лугов...

А. ДОРОХОВ

Сообщают юннаты

Мы живем в Алма-Ате. По заданию ученых наши юннаты занимаются разведением камышовых котят, которые почти исчезли в Казахстане. На острове Зеленого озера юннаты оставили пять котят. Ежедневно носили им пищу. Но делали это незаметно. Котята быстро выросли, стали больше домашних. Камышовые коты уже сами ловят мышей, хорошо плавают. Теперь их выпускают в глухих Балхашских камышах, где им никто не страшен. Наши ребята разводят рыб и других животных, ведут селекционную работу, работают на бахче, охраняют природу.

Юра Ульрих, Казахская ССР

УГОЛОК "Тогомися отьтам"

...Хочу поделиться опытом наших юннатов. К любым праздникам — даже зимой — мы выращиваем цветы. Это называется выгонкой. К весне у нас уже цветут выгоночные гладиолусы и тюльпаны. А я занимаюсь выгонкой ирисов. Может быть, некоторые не знают, что ирис не только декоративное растение, но и лекарственное. Цветки ирисов и желтые, и лиловые, и белые, и коричневые. И много еще оттенков. Недаром в греческой мифологии так звали богиню радуги — Ирис.

Для выгонки я выкапываю ирисы осенью и два месяца держу на холоде. В январе приношу в теплое помещение. Теперь нужно создать растениям искусственный день, определенную температуру и режим поливки. Были у меня и неудачи: в теплице, например, оказалось слишком влажно и температура до $+30^{\circ}$. Некоторые растения сгнили. Но теперь все хорошо и в марте мои ирисы зацветут!

Юннат-цветовод опытного участка
Ленинградского Дворца пионеров им. А. А. Жданова
Вера Метлина

НАШЕ ГЛАВНОЕ ДЕЛО

Мы занимаемся в биологическом кружке. Узнаем о растениях и животных нашего края. И главное — как их надо охранять! Мы вместе ходим в лес, наблюдаем за муравейниками, птицами. Мы сделали много скворечников, синичников

и кормушек, развесили их и приносим туда корм. Подкармливать птиц зимой — наше главное в эти месяцы дело.

Юра Белоусов,
с. Ивановка Павлодарской обл.

Справочный отдел

— Дорогой Дятел! Мы с мамой хотим сделать прививки двум яблонькам от хорошей яблони. Расскажи, пожалуйста, как заготовить черенки.

Вадим Трохин, Тула

— Дорогой Вадим! В феврале не поздно заготовить черенки, если зима была мягкой, не очень морозной. Срезать нужно черенки со здоровой и урожайной яблони. Лучше черенки — с южной стороны кроны, с двумя-тремя почками. Место срезов замажь садовым варом или масляной краской. Черенки свяжи в пучки, обмотай еловыми ветками и закопай в снег с северной стороны дома. Главное, чтобы почки на черенках не проросли до весенней прививки.

— Дорогой Дятел! Что нужно делать в саду до наступления весны?

Лена Григорьева, г. Пушкин

— Зимой твой сад отдыхал. Если снега было в досталь, очень хорошо: деревья и кусты отлично перезимовали. Снег сохранил корни от морозов. Сейчас следи, чтобы после обильных снегопадов не скапливалось на ветвях много снега, снег осторожно стряхивай и утрамбовывай, утаптывай ногами вокруг стволов.

Плотный снег не даст мышам проложить к стволу ходы и грызть под снегом кору. В феврале нужно сделать побелку стволов и оснований крупных ветвей: это предохранит их от солнечных ожогов. Раствор свежей гашеной извести для побелки будет держаться лучше, если его приготовить на снятом молоке — оброте.

Темьва гамьки

Обрадовались птицы:

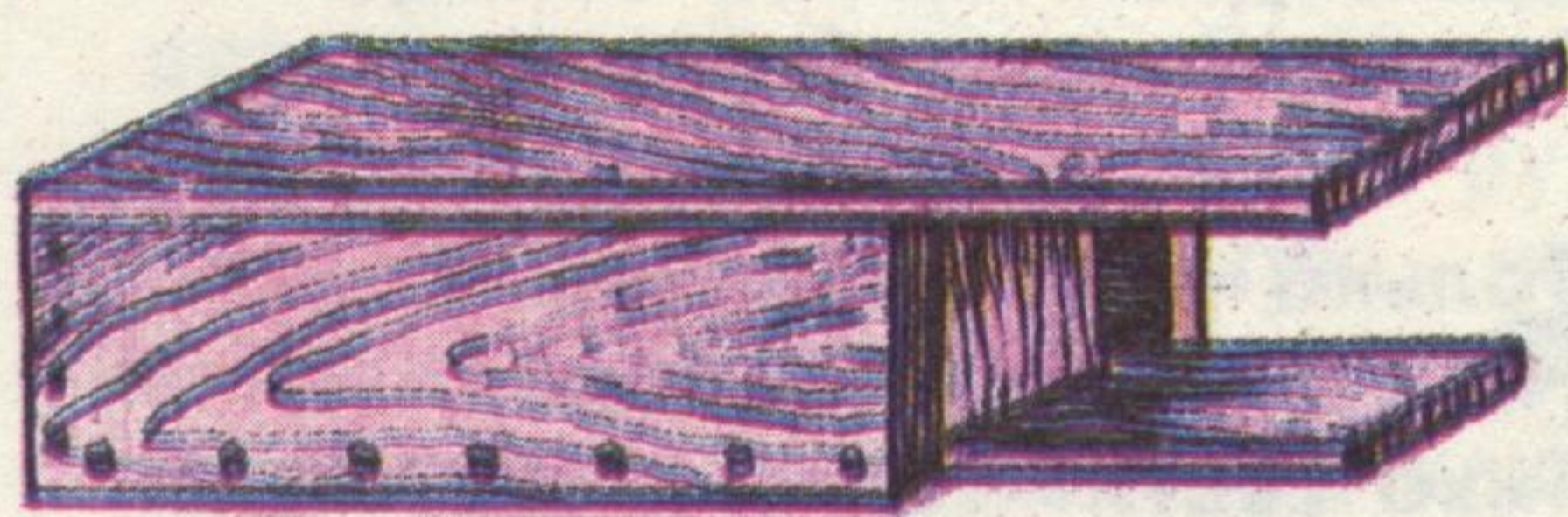
— Жилье для нас готово!

— Для нас! — сказали трясогузки.

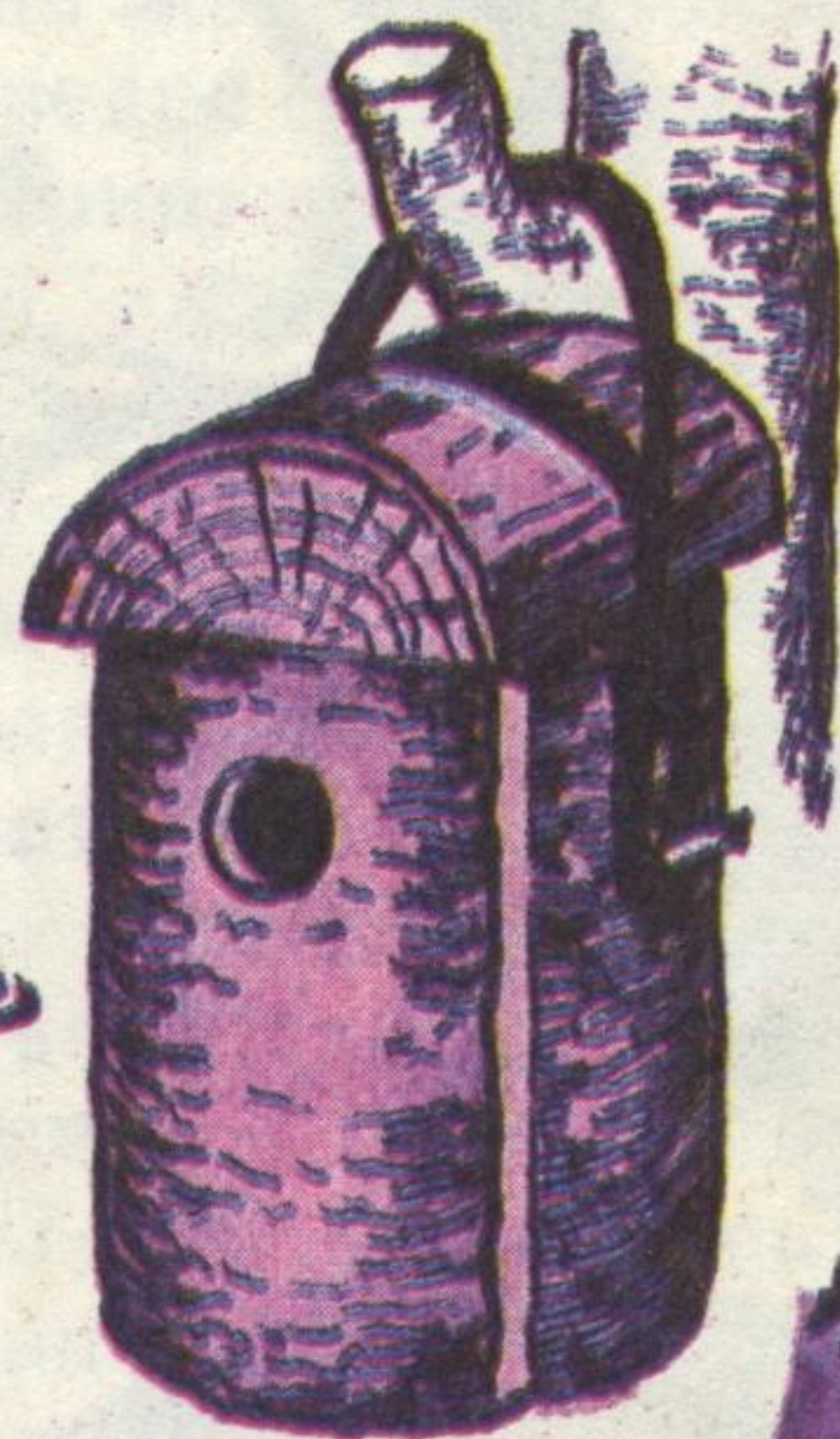
— И для нас! — сказали синицы и скворцы.

— И для нас тоже! — пропищали пищухи.

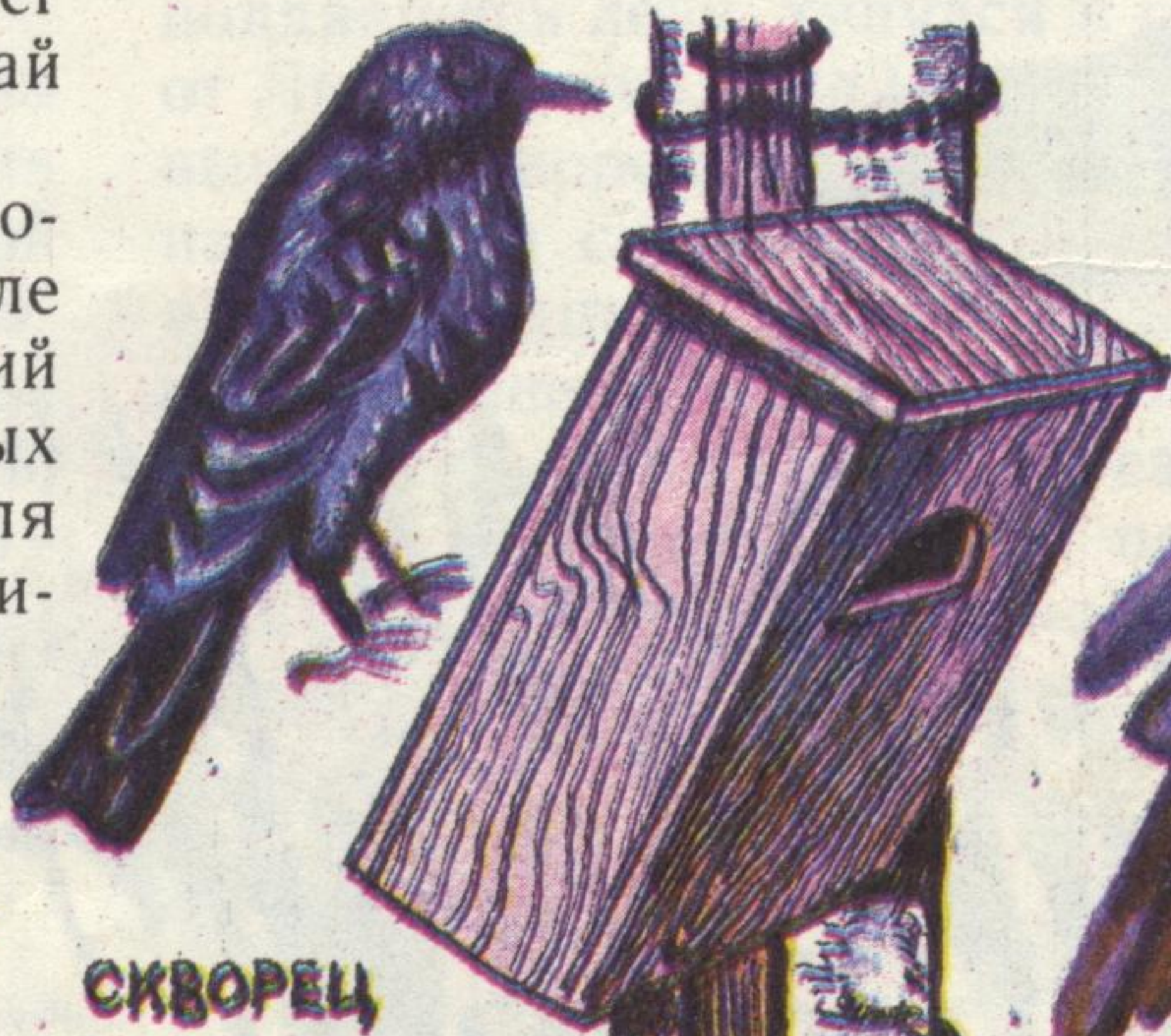
Кому какая квартира придется по душе? — как вы думаете, ребята?

ТРАСОГУЗКА

СИНИЦА

СКВОРЕЦ

ПИЩУХА

Янис БАЛТВИЛКС

МЕЖДУ МОРЕМ И ЗЕМЛЕЙ

Морю

Чайки рассказывают о земле:
о хвоинках острых,
о полянах пестрых,
о зверях мягкошерстных,
и о нас, о наших братьях и сестрах.

Земле

Чайки рассказывают о море:
о зюйдах и остах,
о рыбах длиннохвостых,
о мерцающих звездах,
и о даях, где сливаются волны и воздух...

ОВСЯНКИ НА СНЕГУ

Всюду темень, темень, темень,
Снег занес дороги.
Даже днем таится солнце
В тучах, как в берлоге.

Только робкие овсянки
На кустах, по склонам,
Тихо светят теплым светом —
Желтым и зеленым.

Рисунок Л. Уральской

ЗИМНИЙ ПРИВЕТ ОТ ВОРОНЫ

Усердная ворона
Везде
Оставит след:

тут
ничего
нет!

тут
ничего
нет!

тут
ничего
нет!

тут
ничего
нет!

А рядом —
След от клюва,
Как радостная весть:

Есть!
Есть!
Есть!

Перевел с латышского
Михаил ЯСНОВ

О ЧЕМ ОН ПИШЕТ

Тихо течет огромная река, бредут по ней караваны барж, как водяные блохи, шныряют взад-вперед катера, неторопливо плывут мимо зеленой, подступившей к самой воде тайги, белые теплоходы. Но вот замедлилось течение, разлилась до горизонта вода — встала поперек плотина электростанции. Вот уже и серые бетонные стенки шлюза, по обе стороны зашагали опоры, потянулись линии электропередач.

Рукотворное море... Свет по проводам... Укротили реку.

А под килем теплохода — крыши. В черной глубине лежат деревни, из которых выселены люди, угнана скотина. Илом и тиной затянуло огороды и пашни. Теперь там дно.

Помню, как на прилавках магазинов появилась книга, в которой рассказывалось, как крестьяне одной деревни, обреченной на затопление, покидают ее. Уезжают люди из домов, где

родились, где у них самих пошли дети, где за околицей остаются отчие могилы, а каждая тропка, каждый поворот дороги известны до того, что, кажется, закрой глаза — ноги сами пройдут их и выведут к дому.

Повесть называлась «Прощание с Матёрой». Нет, автор не протестовал против строительства, не хулил электростанцию, из-за которой ушло на речное дно селение, он просто показал то, на что другие годами закрывали глаза: за стройкой и общей выгодой увидел боль живых людей и их душевные потери. Конечно, нельзя строить не ломая и не расчищая, но неторопливый распутинский рассказ — а повесть написал писатель Валентин Распутин — напомнил: за всяким делом, каким бы нужным оно ни казалось, нельзя забывать человека. Каждый человек неповторим и удивителен — не просто ушла из дома, бросила его героиня повести Матрена, а вымыла все дочиста, оклеила, побелила, отдала последнюю дань благодарности семейному крову.

В странной связи мне тогда вспомнилось: матросы перед Цусимским сражением надели чистые рубашки...

Обычно говорят — писатель пишет о том, что лично его волнует, тревожит. Боль Распутина — всегда народная боль. Одна на всех. Вот отчего такой любовью и известностью пользуются его книги «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Пожар»... Прочтя их, не можешь не заметить — Распутин всегда пишет правду, какой бы горькой она ни была. Скажем, во многих ли книгах о войне говорится о том, что были и среди наших солдат изменники, те, кто перебежали на сторону врага? А отрывок из повести «Последний срок», который мы вам предлагаем, прямо начинается со слов «власовцы». Были такие. И сразу видно — зло, совершенное человеком однажды, тянется за ним, не отпуская.

Распутин пишет честно. Знакомство с его книгами — всегда радость и потрясение. У читателей нашего журнала они еще впереди.

С. САХАРНОВ

КУСТ ЧЕРЕМУХИ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»

В. РАСПУТИН

Рисунок С. Острова

Это случилось сразу после войны — жизнь тогда, не успев опомниться после четырех окаянных лет, гуляла еще крепко, зло: голодовка, разбой, суды, слезы. Второе лето вдоль реки откуда-то с севера бежали власовцы, наводя на маленькие деревеньки повальный страх: там зарезали корову, там убили бабу, там ограбили магазин, там усыпили чем-то всю семью и обчистили ее до последней нитки. Одно время мужики выставляли на ночь караулы, но беженцы творили свои дела, когда их не ждали. Правда, где-то в низовьях двоих поймали; Люся вспомнила, что она видела, как их везли в район. Они сидели в одной телеге спиной друг к другу, со связанными руками, обросшие, оборванные, злые, и смотрели на людей с усталым вызовом.

Власовцы, как правило, бежали в начале лета, а к концу слухи о них затихали, и деревенская жизнь снова успокаивалась, бабы безбоязненно шли опять в лес, плыли за реку — хоть на колхозную работу, хоть куда, словно для беженцев, как для клещей, существовал какой-то определенный сезон, после которого они никому уже были не страшны.

В августе, ближе к середине, мать отправила Михаила и Люсю к этому кусту. Наверно, она заприметила его еще раньше по густой, яркой цветени, а потом проверила и ахнула: в тот неурожайный на черемуху год он ломился от ягоды. В высоких хлебах с дороги его было не видеть, а сам он от тяжести пригнулся к земле — поэтому и сохранился, дал черемухе доспеть до полной готовности.

Рвать ее было одно удовольствие. Уж на что Михаил не любил возиться с ягодой, не находя терпения, чтобы одни и те же движения повторять тысячи и тысячи раз, но тут загорелся и он. Черемуха была крупная, в длинных и чистых без листа, тяжелых гроздьях — только успевай подставляй под них руки. Михаил передвигал за собой ведро, а Люся для удобства подвязала запан и ссыпала из него лишь тогда, когда груз на животе начинал оттягивать. Зато вывалишь, и в ведре сразу прибавится на ладонь, а то и больше. Приятно было даже пропускать черемуху через руки, словно подставлять их под прохладную, нежную струю; хоть и мягкая, поздняя, она чудом не мялась и ложилась ягодка к ягодке. За каких-нибудь два часа Михаил и Люся до краев наполнили свои ведра, а куст едва ли удалось обобрать даже наполовину.

Они сходили домой и решили вернуться. Оставлять куст с ягодой на другой день не хотелось. Теперь, когда они знали к нему дорогу, казалось, что в любую минуту наткнуться на него может кто угодно. После обеда настоялся жар; Михаил, поддавшись лени, тянулся в гору кое-как и отстал от Люси далеко. Она не захотела его ждать и одна вышла к короткой, незаметной в хлебах меже, на которой стоял куст. До него оставалось еще шагов двадцать, может, чуть больше, когда куст вдруг зашевелился и на землю с него, как привидение, прыгнул какой-то незнакомый, страшный человек в зимней шапке с подвязанными наверх ушами, страшный уже одной этой шапкой в невыносимо душный летний день. Это было так неожиданно,

данно, что Люся остолбенела и, вместо того чтобы кинуться от него, застыла как вкопанная. Человек засмеялся нервным, нетерпеливым и радостным смешком и поманил ее к себе пальцем. Она успела рассмотреть его: невысокий, коренастый, с черным, небритым лицом, скрадывающим годы, бесцветные глаза горят белым, сумасшедшим огнем.

Вот здесь, вот здесь он и стоял, удобно расставив ноги в сапогах, уверенный, что никуда она от него не денется, настолько, что позволил себе, как кошке с мышкой, еще поиграть, позабавиться с ней, чтобы полней и сытнее была потом победа, — перед тем как праздновать ее, он разжигал в себе голод. И снова Люся в полную меру пережила весь тот ужас, которым грозила ей тогда эта встреча, и ее пробрала дрожь. Оглядываясь, она отступила от куста в поле, но вспомнила, что совсем уйти отсюда ей все равно сейчас не удастся, ее не отпустят.

Когда человек засмеялся и поманил ее к себе пальцем, Люся попятилась. Он сделал обиженное лицо и развел руки: что, мол, еще за фокусы? Она пятилась все дальше и дальше. Не выдерживая, он осторожно, как бы стараясь не вспугнуть, пошел на нее; на лице его, скошенном от холодного волнения на одну сторону, прыгала короткая жесткая улыбка. И тут Люся наконец бросилась бежать.

Она выскочила на дорогу и припустила по ней вниз, к деревне. Человек, отставший на пашне, где его сапоги проваливались в мягкой земле и заплетались в хлебах, теперь догонял ее — она уж слышала за своей спиной его шумное, всхрапистое дыхание. Она обезумела от страха и неслась с ведром, загребая им воздух. Сзади ее уже царапнули руки, но в последний момент она успела оторваться от них и выпустила ведро — громыхая, оно покатило за ней по дороге.

— Минька-а-а!

Она закричала и тут же увидела впереди фигуру брата. Он шел неторопливо, вразвалку, а услышав крик, остановился совсем. Но уже в следующее мгновение он рванулся навстречу Люсе. Человек успел разглядеть, что перед ним почти мальчишка, сопляк, и теперь наступал на него крадущимися, издевательскими шагами.

— Минька-а! Убегай! Убегай! Минька-а! — надрывалась Люся.

Михаил поднял с земли камень и напружинился. Человек быстро, как для прыжка, присел, и Михаил отскочил назад. Человек зло, отрывисто засмеялся. Он снова попробовал испугать Михаила, но тот больше не двинулся с места; сжимая камень в руке, он ждал. Тогда человек и правда бросился на него — бросился и сразу свернул в сторону; нарочито припадая на одну ногу, он неторопливо, с видом сильного, не захотевшего заниматься пустяками, побежал через все поле к Нижней речке. Пока не поздно, он решил скрыться, уж очень громко кричала Люся.

Так же неожиданно, как возник, крик вдруг прекратился, и вокруг далеко и полно упала ясная, веселая от солнца тишина.

**ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕНИНГРАДСКОГО МАЛЬЧИКА
ГЕРМАНА ПОПОВА
1941-1944 г.г.**

15 ноября. Опять тревога. Видел низко пролетевший штурмовик.

Сочинил рассказ «Подвиг зенитчиков». Посвятил его Владимиру Андреевичу Бондаренко. У меня уже два рассказа. Один «Мост», другой «Подвиг зенитчиков».

20 ноября. Переезжаем в маленькую комнату. Мой бедный стол! Он, наверное, останется в большой комнате. Как я буду без него? Большая комната опустела. Маленькая переполнена.

Ура! Мой стол со всем имуществом стоит в маленькой комнате. Норму хлеба все уменьшают. Сначала давали 500 граммов. Потом 400, 300, 250, 200. Недавно уменьшили до 150 г. С завтрашнего дня будут хлеба давать всего по 125 граммов на служащих, детей и иждивенцев, потому что Ленинград окружен кольцом блокады.

24 ноября. Получил письмо от В. А. Бондаренко! Он мне послал на память открытку. Там нарисован почтальон с письмом. Навстречу ему встают из-за стола женщина и мальчик. На обороте написано: «Письмо отважного бойца родные радуется сердца...» Владимир Андреевич пишет: «Мне 23 года. У меня детей нет, а есть мамочка. Брат тоже бьет фашистов. Сестра в партизанском отряде».

1 декабря. Близкие разрывы снарядов. Летают наши «ястребки». Все мальчишки катаются на коньках. Хочется научиться.

Вечером я рисовал. Вдруг все закачалось. Я чуть не упал со стула. Лампа звенела. «Это сбросили бомбу», — сказал я. Мы оделись, чтобы в случае чего быстрее идти в бомбоубежище. Я посмотрел в окно. Ночь была, как день. Небо щупали 5 прожекторов. Их лучи рыскали по небу.

8 декабря. Трамвайные пути до основания занесло. Рельс не видно совершенно. На улице много сугробов. Снег чуть не по колено.

Папа в 6 часов утра пошел в магазин. Принес на всех нас четверых на декаду 200 граммов говяжьего жира и 400 граммов колбасы из конины. Все приободрились, потому что сегодня будем сыты.

19 декабря. Около рынка все меняют на продукты, в том числе и на хлеб. Меняют санки детские, фуфайки, валенки, галоши и т. д. Мы испекли из кофейной гущи печенье. Вышло довольно хорошо.

22 декабря. Когда стало темнеть, в стороне Лиговки было яркое зарево. Был обстрел какого-то района.

Люди в Ленинграде умирают от голода.

27 декабря. Стреляют наши корабли, которые стоят на Неве. Написал письмо Владимиру Андреевичу Бондаренко. Хотя от него вот уже месяц нет писем. Что с ним?

1942 год

7 января. Есть хочется ужасно. Все голодные. Мы с мамой, чтобы не ощущать голод, пошли в кино. Смотрели фильм «Пятый океан».

17 января. Мама, папа и бабушка опухли. Опухоль от истощения. Сердце плохо бьется. Еще опухоль от того, что много пьют и от холода. Если питание улучшится, то опухоль у всех спадет.

28 января. Соседка тетя Женя умерла.

2 февраля. Бабушка умерла. Без сознания, тихо.

Папа ушел за моей карточкой в 10 часов, а вернулся в 19 часов, совершенно обессиленный.

3 февраля. Мы пришли утром с мамой из кухни и увидели, что папа мертвый.

15 марта. Сегодня мама купила 300 г хлеба за 105 рублей. Потом неожиданно принесли повестку на имя папы — эвакуироваться. А его уже нет...

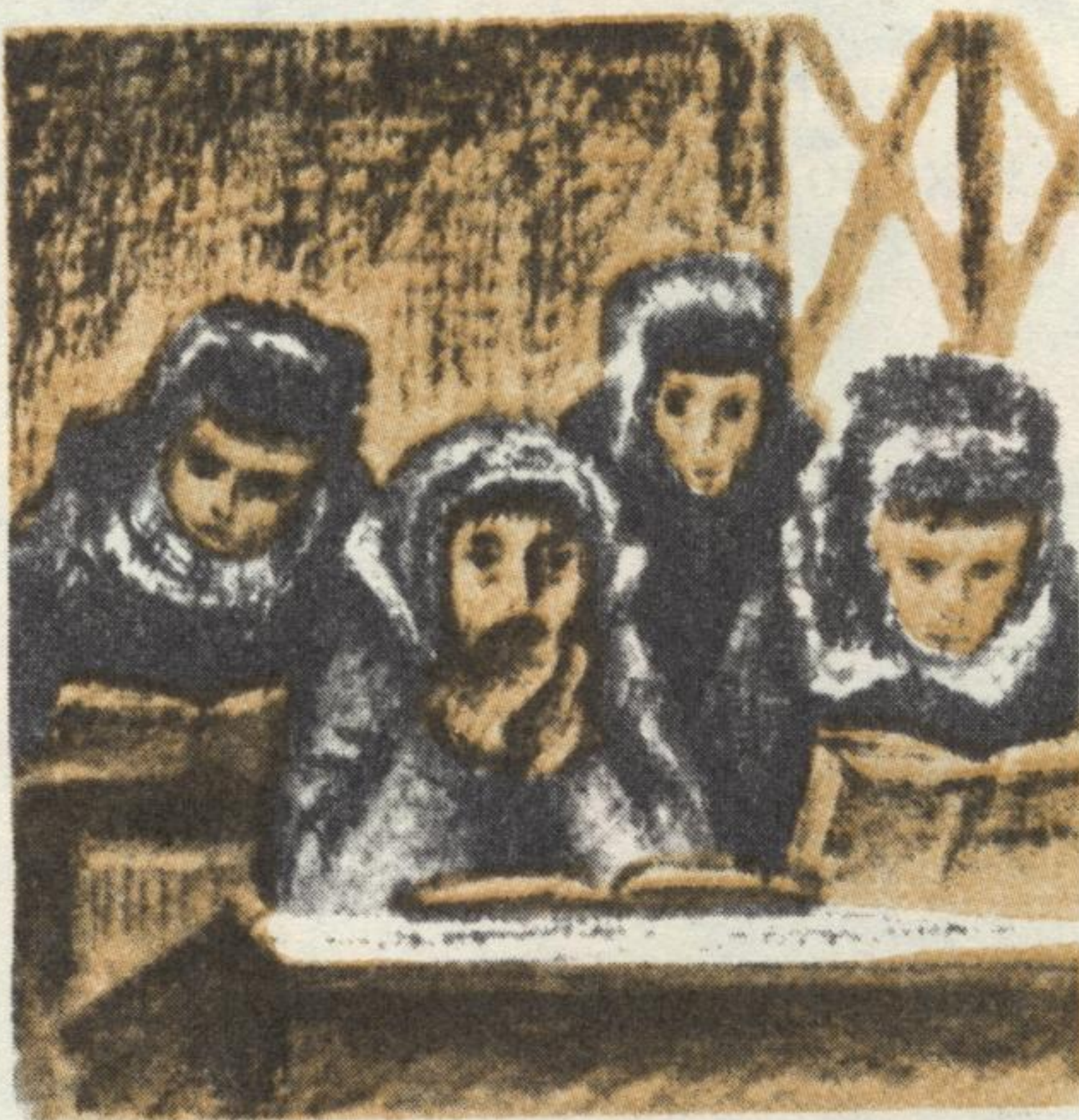
31 марта. Мама пошла на работу давать уроки и за карточками. Всем учителям с 1 апреля будет рабочая карточка. Это для того, чтобы сохранить кадры учителей. А то в Ленинграде раньше было 25 тысяч учителей, а теперь стало только 9 тысяч. Чтобы учителя не умирали, с 1 апреля им будет дана первая категория.

20 апреля. Сегодня мы с мамой поехали на трамвае к ней в школу. У Технологического института мы слезли с 9-го и стали ждать 3-го номера трамвая. Но на Марсовом поле были оборваны провода, и третий номер не ходил. Тогда мы пошли к Петровым. Но они, оказывается, все умерли.

22 апреля. В Ленинград привезли много продуктов. Их развозят по магазинам. Наверное, к майским праздникам выдадут шоколад.

С 4 мая будут работать некоторые школы. Я уже зарегистрировался.

Мы с ребятами выкачивали воду из подвала. Подвал затоплен. В комнате дворничихи Кати плавают вещи.

3 мая. В школе было собрание. Завтра будут занятия. Меня записали в 3-а класс. В школу надо идти с противогазом, а то не впустят в класс. Я пойду с маминим. Сумка хотя и большая, но маска как раз.

6 мая. Утром шел мокрый снег, а сейчас все растаяло до основания. В ожидании обеда сидели в классе до 5 часов 30 минут. Тут объявили тревогу. Учительница Нина Романовна повела нас в бомбоубежище. Но так как все бомбоубежище было затоплено, мы стояли под аркой ворот.

21 мая. На деревьях в саду распустились почки. Все зазеленело. Весна в самом разгаре. Постреливают из орудий. Уроков не было, но Нина Романовна читала нам сказки.

Думаю с мальчиками ехать за город за щавелем и крапивой. Там и того и другого очень мно-

го. Из молодой крапивы выходит хороший суп, а из щавеля замечательный. С сегодняшнего дня открылось кино «Молот». Идет «Шампанский вальс».

15 июня. Скоро мы будем пионерами, весь класс будет пионерами! Меня выбрали редактором стенгазеты. Но все-таки заголовок я нарисовал плохо.

Каждый день хожу читать журналы в нашу школьную библиотеку. Читаю теперь очень много.

26 июня. Мы с мамой поели вчера травяных лепешек на олифе и заболели. Но в школу я хожу. У нас уже есть 65 ростков укропа и 33 ростка редиски. Особенно быстро всходит укроп.

4 июля. Настали тревожные дни. Стали в срочном порядке эвакуировать семьи с тремя и двумя детьми. Везде делают пулеметные и пушечные гнезда — амбразуры. Со стороны фашистов, очевидно, ожидается наступление.

5 июля. Мы с классом пошли во Дворец пионеров. После завтрака были всякие игры и развлечения в Саду пионеров. Потом смотрели фильм «Ночь в сентябре».

9 июля. Мы приехали работать в совхоз на станцию Кузьмолово. Нам дали помещение — грязную, замусоренную избу. Мы ее вычистили, вымыли. Всего в избе нашли: и противогазы, и молоток, и доски, скамейки, кастрюлю, солому и т. д. Уже сделали постели. Дом как дом! Завтра с раннего утра до вечера будем полоть. Целый день сегодня летают истребители.

10 июля. Встали в 6 часов и пошли полоть. Задание: прополоть каждому 120 кв. метров грядки с турнепсом. После завтрака работали еще три часа. Сначала пололи, а потом дергали и складывали в корзины турнепс. Его вместе с другими травами отправят сегодня на грузовике в Ленинград. Конечно, ленинградцы и не подумают, что этот турнепс заготавливали им мы.

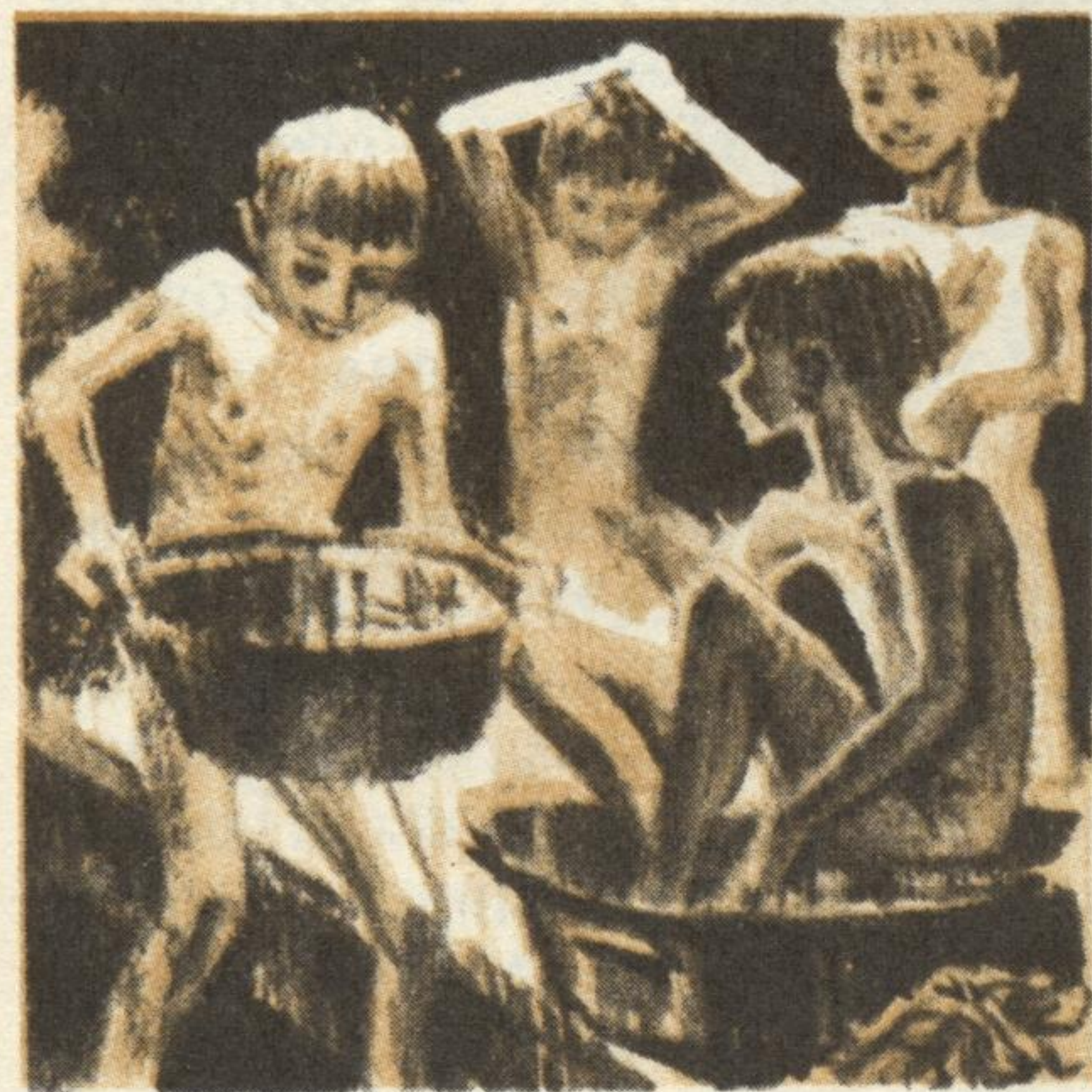
15 июля. Для того, кто перевыполнил норму по прополке, сегодня были щи с картошкой. И я получил.

24 июля. Вова Ефимов должен сегодня эвакуироваться. Я подарил ему карандаш, конверты и почтовую бумагу. Он обещал мне писать, как только приедет в Башкирию.

4 августа. Вчера после упорного боя на Ленинградском фронте наши войска взяли пункт Я. Немцы отступили.

Мы никуда не будем эвакуироваться. Останемся в Ленинграде. Уже сушим и солим на зиму овощи: листья капусты, сельдерей и укроп.

Гудит самолет. Один раз так шарахнули из зенитки по небу, что стекла чуть не вылетели. Все по парадным кинулись, а я не испугался нисколько. Да чего ж тут бояться?

1 сентября. Хожу в другую школу, № 301, на Лиговке, 3-б класс.

16 сентября. Учились очень мало. Были только арифметика и шитье. Нам выдали противогазы, новенькие «ДП».

18 сентября. Занимались физкультурой в Свечном садике. Сначала метали гранату, а потом бегали на 60 метров, на время.

24 сентября. На первом уроке началась учебная тревога. Мы пошли в бомбоубежище. Потом занятия продолжались.

После обеда принялись за уборку класса. Вымыли пол, повесили плакаты и портреты, кое-что еще сделали. Класс стал просто неузнаваем. Все ведь сами сделали!

28 сентября. Ходили в 3-а класс читать вызов на соцсоревнование. Прочитали и ушли. Думаем, что мы будем впереди.

На нашей второй колонке сегодня стоит знамя. Первая колонка держала его два дня, а сегодня мы его взяли. Будем знамя держать у себя!

2 октября. Нас приняли в пионеры! Пионервожатая построила нас в три ряда, и мы хором произнесли «Торжественное обещание».

12 октября. Сегодня мы ходили классом в санпропускник. На улице просидели почти два часа. Потом нас пустили. Сдали белье, получили мыло, и мыться! В бане мы дрались мочалками, обливались холодной водой и сидели в шайках с водой. Потом помчались в школу. Там до 4-х часов ждали девочек.

9 декабря. С каждым днем по утрам становится все темнее. Когда я собираюсь в школу, то зажигаю мигалку. Иду в школу ощупью. У нас дома иногда только 3 градуса тепла.

1943 год

3 января. В школе была елка. Зал в середине был пустой. В углу стояла елка. Она была, как палка, и игрушек совсем мало, но это ничего.

Начали выступать. Наш класс играл больше всех и лучше всех. Были: дед-Мороз, королева, медведь, шоколад, зайчик, лиса, орех, мужичок с ноготок и еще всякие «артисты». Елка продолжалась долго, до двух часов. Очень было весело и интересно.

6 января. Катался с Тумановым на лыжах в саду. Потом съездили на Боровую к разрушенному дому.

*Я подарил маме рисунки
ножки, кусочек хлеба с
маслом и сахарными
песком. А она мне по-
ка ничего не подарила.*

*В этот день на
демон в Мо
годня
Прик
ли к*

*Таня ушла за кар-
точкой в 10 часов, а
вернулась в 19 часов
совсем одесситкой.
Мама ей поставила
ла горькихники.*

5 февраля.

*Еще одна тяжелая
утрата. Железнодорож-
ник ушел на работу.
Всю ночь он прокаш-
лял, утром стоял
и в 9 часов ушел с*

*45 минут
от го-
лова.
ла!*

*...лу, скоро же
маленькая придет? А
вдруг она до утра не
придет? Очень может
быть.*

Ходил в красный уголок за кипятком. Принес целый чайник.

14 января. Нам выдали мандаты на районный пионерский слет, и вместе с директором и пионервожатой мы строим, со знаменем двинулись к райкому комсомола. Там уже были другие школы и детдом. В зале было электричество и тепло. Сначала выступал какой-то человек из райкома партии. Потом из райкома комсомола. Выступал командир 12-го гвардейского артиллерийского полка. Все время стреляли, но несмотря на это, слет продолжался. После этой части был концерт детской самодеятельности. Говорили стихи, пели песни, танцевали. Потом прочитали список делегатов на городской слет, в конце которого была моя фамилия.

19 января. Великий праздник! Наши войска вчера прорвали блокаду Ленинграда, заняли большое число населенных пунктов и соединились с войсками Волховского фронта. Это очень большая радость!

Целую ночь без перерыва по радио говорили о победах. До 8 часов утра горело электричество. На улицах вывешены флаги. Все очень рады, лица повеселевшие. Я весь воспрянул духом.

27 января. Очень здорово стреляли шрапнелью. Меня

даже чуть не убило в Свечном переулке.

15 февраля. Я лежу в детской больнице имени Карла Либкнехта. Плакать хочется, но я креплюсь. Надо быть мужчиной, а не какой-то размазней, кисейной барышней.

21 февраля. Делал физкультуру. Только руками, в постели. По-моему, если ежедневно делать такую «зарядку», то можно укрепить руки и сделаться посильней, чем сейчас.

2 марта. Умерла одна девочка из нашего отделения. Пришла ее мать и стала плакать. Ох, как мне тяжело было!

7 марта. Мама пишет, что наш класс послал мне письмо. А я его так и не получал...

25 марта. Меня наконец выписали. На набережной ждал трамвая. На Неве стояли эсминцы, подлодки, разные катера. Моряки и военные уже с погонами (я даже удивился, хотя и знал), довольно красиво. На углу Литейного и Невского видел из трамвая мальчишку-лентяя одного из нашего класса. Он растолстел, хотя раньше был, как скелет. Ну и хорошо! Приехал в детдом на Тамбовскую улицу: мама на казарменном положении.

10 апреля. Спали в газоубежище. Я спал около печки, очень горячей. На этой же кровати лежал какой-то мальчик. Голова от духоты разболелась... Вода затопляла отсеки, ее откачивали.

Ребят в нашей группе 25 человек. В комнате повешено много плакатов, картин, газет и т. д. Интересно!

Вот как мы обедаем. Приходим в столовую, садимся за

стол, тарелки уже расставлены. Воспитатель раздает хлеб, а дежурные приносят все остальное. Самим надо мыть посуду, носить котлы. И я тоже буду дежурить.

13 апреля. На третьем уроке в школе всякие физкультурные упражнения делали во дворе. Но я из-за своих «дредноутов» (валенки с галошами) не мог бегать и слишком много упражняться. Обидно... Попрошу поскорей выдать мне ботинки.

15 апреля. Тамару Чернову, Симу Говердовского и еще несколько человек, которым уже по 14 лет, берут в ремесленное училище при заводе «Электросила». Они прошли врачебную комиссию. Там им будут давать 700 г хлеба.

3 мая. Опять я в больнице, но уже в другой, у Волкова кладбища, в госпитале № 106. До обеда снаряд попал в какой-то завод совсем рядом, и он загорелся. Все небо застелено дымом. Сверкает изредка огонь и что-то грохает. Сколько жертв, наверное, принес этот обстрел, сколько горя. Проклятый Гитлер!

5 мая. Сегодня меня выпустили гулять! Около приемного покоя с ребятами разбирал валявшийся на земле... пулемет. Откуда, интересно, он сюда попал? Потом ловили бабочку, очень красивую, но, конечно, она от нас благополучно улетела.

20 мая. Мы с Сережей Розовым видели в окно наших детдомовцев на том берегу р. Волковки. Хотя и плохо различали лица, но мы узнали Сему Аронштама, Повха, Борю Славницкого, Жохова, Лебедева. Все они копали огород, носили ведра с водой для поливки. Очень хотелось нам высунуться из окна и помахать им. Но так как форточка была высоко, а ребята далеко, мы отказались от этого намерения. «Хоть кусочек своего увидели», — так сказал Сережа.

29 мая. Была учеба по противохимической защите. Весь медперсонал был в противогазах целый час. Сажу в противогазе. Душновато. Но надо тренироваться, надо!

21 июня. Наконец-то я дома!

Лето проведу на детской площадке в маминой школе на Заставской улице.

2 июля. Утром был объявлен артобстрел. Я только вышел из дома (думал ехать в школу), как меня остановила тетя из группы самозащиты: «Мальчик, иди обратно!» Вернулся, стал переключать книги. Издали были слышны взрывы. Наконец можно было ехать. У парка имени Коняшина трамвай остановился, вагоновожатый сказал: «Вагон дальше не пойдет: провода оборваны...» Я слез и пошел к школе по Международному проспекту. Провода висят, мостовая усеяна штукатуркой, осколками кирпичей, стеклом и осколками снарядов. Воронки от снарядов были уже засыпаны песком и заложены кусками асфальта. На посту стоял раненный в голову милиционер. Дворники подметали мостовую, а бойцы из батальона восстановления чинили провода. В школу тоже попало два осколка — во второй класс и в нашу комнату.

17 июля. Днем мы с мамой пошли на огород. Только прошли через первую заставу, как в воздухе появился наш аэростат воздушного наблюдения с привешенной к нему корзиночкой для наблюдателей. Сразу немцы стали палить по аэростату шрапнелью. Он опустился и поднялся в другом месте. Фашисты снова стали бить по нему. И так несколько раз. Когда мы на огород пришли и стали осматривать растения, опять началась стрельба. Пули шлепались на грядки, совсем недалеко. Но, несмотря ни на что, мы пололи, чтобы редиска выросла сочная.

28 августа. Целый месяц я был в пионерском лагере № 5 Московского района на станции Всеволожская, в деревне Пугарево. Это в 24 километрах к северу от Ленинграда. Купались, загорали, устраивали военные игры, собирали клюкву. В лесу находили немецкие каски и даже гранаты. С пригорка видели, как в Ленинграде рвутся фашистские снаряды.

1 сентября иду в свою школу на Лиговке, в 4-й класс.

27 октября. Вечером пришла мама в разодранном пальто. Оказывается, в их школу попал снаряд. Убило двух детей, а мамино пальто продырявило осколками.

17 ноября. У нас урок гимнастики вел новый преподаватель. Он вышел на середину зала и скомандовал: «Становись!» Мы построились по росту. Первым как всегда стал самый высокий — Витя Пафнутьев, начальник штаба нашего пионерского отряда.

Учитель скомандовал: «Направо! Шагом марш!» Мы двинулись в обход зала. «Левой! Левой!» И вдруг — «Стой!» Преподаватель подошел к Вите и сказал: «Что ж ты? Такой большой, а ходить не научился. Топочешь, как жеребенок...»

Пафнутьев стоял и ничего не говорил. И тут кто-то из ребят сказал: «А он не может, как вы показываете. В прошлом году ему коленку осколком раздробило...» Тут мы увидели, как учитель покраснел. Он отступил назад и тихо сказал: «Шагом марш!»

8 декабря. В конце третьего урока нам объявили, что девять человек из нашего 4-а сегодня получают в райсовете медали «За оборону Ленинграда!» В их числе я и Пафнутьев.

Когда выкликнули мою фамилию, я поднялся на сцену, какой-то мужчина передал мне коробочку с медалью и удостоверение. Пожал руку и сказал: «Поздравляю с высокой наградой!» Я ответил: «Спасибо».

1944 год

14 января. Целый день и ночь палили наши орудия. Может быть, начинается наступление?

27 января. Ура! Ленинград освобожден от вражеской блокады, от варварских артиллерийских обстрелов! Только что передавали по радио приказ войскам Ленинградского фронта: «Город Ленина в 20 часов салютует доблестным войскам Ленинградского фронта, освободившим от немецкой блокады Ленинград, 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий!» Я побежал на улицу. Сразу же прогремел первый залп. Темнота рассеялась, и стало светло, как днем. Лучи прожекторов бродили по небу. Люди, столпившись на улице, с восторгом смотрели на отблески орудийных залпов. Какая же радость! Вовек не забудут ленинградцы этот день.

Рисунки Е. Дубицкого

ДОТ

РАССКАЗ

Е. и А. КОВАЛЕНКО

Рисунок К. Почтенной

От конечной станции метро еще пять остановок на трамвае, и по одну сторону от дороги, называемой проспектом, встанут новенькие многоэтажки, а по другую окажется пустырь. И что там будет — то ли дома, то ли парк — пока неизвестно. Громадные здания окружили маленькую, в 4 этажа, букву «П». Это школа. Ее только что построили, ребята учатся тут первый год. В десяти минутах бега от школы на холме посреди пустыря — дот. На нем красная звезда и цифры: 1941—1944. Еще есть надписи: «Зенит» — НЕ чемпион!», «Саша + Лена = любовь», «Катька — дура», «MONTANA». Вход в дот завален, чуть-чуть виднеется плотно закрытая железная дверца. Мальчишки пытались откапывать: покопают-покопают и бросят. Слабó. Не земля, а сплошные камни с кусками бетона, отбойный молоток нужен. А в амбразуры ничего, кроме противоположной стены, не видно.

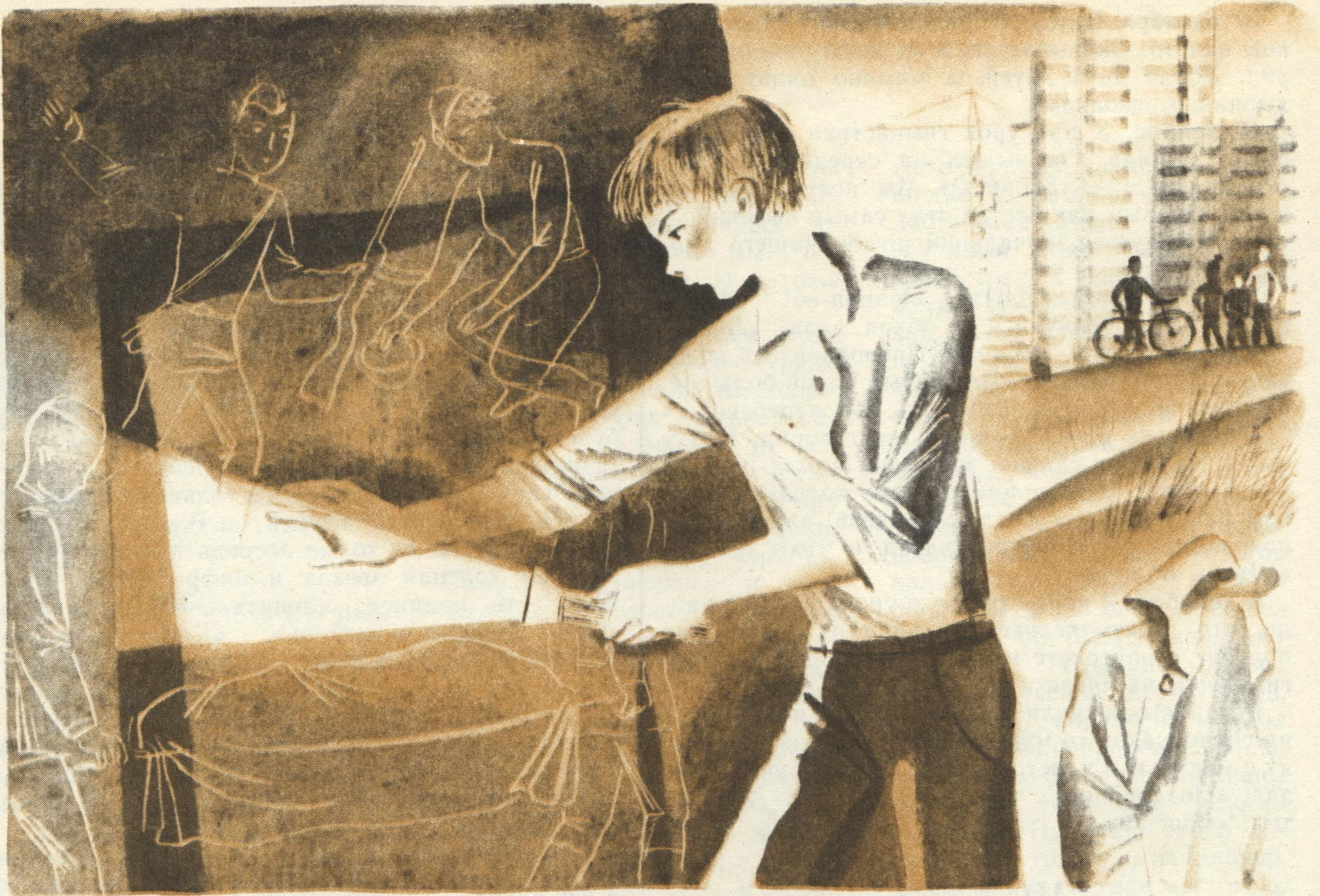
Ну разве не интересно, что там внутри и как там внутри? Неужели правду говорят, что дело глухо и без отбойного молотка никак? Надо попробовать! Вот об этом и болтали в один из дней самого начала второй четверти Юрик с Колькой, ученики 6-а класса. (Оба они были новоселами, оба переехали этим летом, попали за одну парту и подружались). «Где взять орудия труда?» — первый вопрос. Решили встать пораньше и попросить у рыжей дворничихи-студентки.

После уроков ребята побежали копать. Верхний слой грунта сняли довольно легко, а вот потом пошел действительно чуть ли не каменно-бетонный монолит. Ломики отколупывали лишь маленькие кусочки. Вглубь продвижения не было никакого. Смеркалось. «Может, хватит на сегодня? — сказал Юрик. — «Д. З.» еще делать надо, родители скоро домой придут».

На следующий день Юрик с утра охал: спина болит, руку не поднять. И без конца рассматривал потертости на ладонях, гордился белым пузырем. На последней перемене он, глядя в потолок, произнес: «Ну отроем мы вход. И ничего, кроме дохлых лягушек, в доте не найдем». Колька ответил — Юрику не понравилось. И через минуту сцепившихся приятелей уже разнимали дежурившие по школе девятиклассники. Юрик из лучшего друга превратился в смертельного врага. Колька стал откапывать один. Каждый день после уроков он брал свой лом и шел к доту. И долбил. Сантиметр за сантиметром.

За ужином Колькина мама подняла шум:

— А вдруг там заминировано, а вдруг там гранаты. Алексей, отец ты или не отец, скажи хоть что-нибудь, наконец. Этот олух ведь подорвется!

— Наташ, никакого оружия и боеприпасов там нет. Сто процентов. Во-первых, солдаты, когда уходили, все забрали, а во-вторых, после войны пацаны так дот обчистили, что там даже стреляной гильзы не осталось. Ни одной, я уверен.

— Слышишь, Коля?! Зачем же тогда копать?!

— Это его дело. Только чтоб двоек не было. Схватишь двойку — до тех пор, пока не исправишь, от рытья свободен. Понял?

Вот и весь разговор. Утром Колька по дороге в школу обнаружил в карманах куртки рабочие рукавицы — отец положил. Вечерами теперь он усердно учил уроки, телевизор не смотрел.

А класс изо всех сил хотел сдружиться, классу ведь шел всего третий месяц. Ребята скидывались, покупали ящик пепси-колы и пирожные; собирались на «сейшн» на квартире у кого-нибудь, конечно, без родителей; врубали маг. Колька опаздывал, потому что до темноты копал и потому что не носил часов. Над ним, отчасти благодаря стараниям Юрика, посмеивались.

— Колястик в детство впал.

— Найдет ржавую пулю и будет в войнушку играть — пиф-паф! Юрик, потанцуем.

Юрик придумал Колке кличку — Дот. С намеком на то, что Колькины мозги сделаны из того же железобетонного материала. Приклеилась. А Колька не обижался. И после уроков каждый день с ломиком, майонезной банкой и детским совком уходил к доту на холме. К доту, который остановил врага в 41-м, у которого враг топтался два с половиной года, но через который врагу

так и не удалось пройти. За ночь вода набегала в яму. Ломая тонкий ледок, Колька вычерпывал банкой воду. И начинал долбить. Совком выбрасывал каменно-цементную крошку. И опять долбил. Куртку скидывал, а затем и пиджак, оставался в рубашке, и снежинки падали на горячие мокрые плечи.

Ладони без шуток болели, пальцы плохо сжимались. Мама заставляла Колку парить руки и, пугая гнойным панарицием, смазывала йодом бесчисленные ссадины и сорванные пузыри. Говорила: «Ну дался тебе этот дот. Отец ведь сказал, что внутри там ничего нет. Так что ж тебе нужно, чего ты уперся, как баран? Имей, наконец, мужество признать, что замысел твой глуп, и откажись от него». Колька не отвечал.

Яма медленно, но, все-таки, углублялась. Ежедневно. Несмотря на непрерывные ноябрьские дожди. Дверь постепенно как бы вырастала из земли. К работающему Колке не подходили ни ребята, ни взрослые — смотрели издали. Даже собаки, которых выгуливали на пустыре хозяева, и те не подбегали близко, в нерешительности останавливались на расстоянии. Колька яростно орудовал ломом. Вверх и с силой вниз. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Глухие удары сливались в один монотонный звук, он постепенно отдалялся, и наступало ощущение плотной, густой тишины. Когда лом врезался в сухое, высекались искры. И Колька слышал, как за железной дверцей строчит пулемет. А иногда оттуда доносились голоса...

— Кухня, ты почему нам так много хлеба принес?

— Сколько положено, столько и принес.

— Что это значит, Кухня? Мы что, не говорили тебе, что нам по кусочку хватит? Мы что, тебе мешочек для остального хлеба не давали?

— Капитан приказал все мешочки ликвидировать. Капитан сказал, что без хлеба сильного солдата не бывает, а ему нужны только сильные солдаты.

— Значит, капитану свой хлеб ребятишкам отдавать можно, а нам, выходит, нельзя...

Ложки скребли по дну котелка. И Колька вынимал из кармана штанов горбушку, прихваченную в школьной столовой. Он нюхал хлеб и жадно откусывал. Однажды железная дверца открылась, и двое бойцов вынесли носилки, покрытые плащ-палаткой. А как-то раз из дота выскочила санитарка, зачерпнула каской снег и скорей бросилась обратно. Снегом она стала растирать солдату ноги. Бой длился всю ночь. Солдат простоял у амбразуры, у пулемета. И не заметил, как обморозился. Санитарка терла и терла, она не хотела, не могла смириться с тем, что уже поздно. И неминуема ампутация. Вдруг раздался оглушительный грохот, трещина прошла через железобетонное тело дота. И Колька потрогал зеленый мох, росший по всей длине трещины. С ударом из-под лома иногда вылетали каменные осколки. Иногда они врезались в лицо, жалили до крови. Но ведь это чушь, это мелочь! И Колька гладил бетонный бок — неровный, в бесчисленных выбоинах... И держался за прутья амбразуры.

Наконец, наступил день, когда Колька надел резиновые сапоги и взял с собой к доту, помимо лома, банки и совка, еще лопату и карманный фонарик. Ему оставалось выдолбить последние сантиметры. И он выдолбил их.

Колька очистил косяк от налипших кусков цемента, подцепил лезвием лопаты сбоку дверь, и она поддалась. И с жутким ржавым скрипом открылась. Он снял с головы вязаную шапочку, вытер ею лицо и спрятал в карман. Включил фонарик. Вошел.

В доте было пусто и сухо. На бетонной полке между двумя амбразурами стояла сплюснутая гильза-коптилка. Больше Колька не нашел ничего. Никакого оружия, никаких запчастей от оружия, никаких патронов. Он обшарил весь пол. Ни одной пули, ни одной гильзы. Все унесли. Только коптилку забыли на самом видном месте. Странно. Вообще в доте было на удивление чисто, без грязи. Даже вода в луже, заполнявшей дальний угол, была чистой. Колька осветил стены и потолок. Никаких надписей. Посмотрел в амбразуры на пустырь. Непонятно, кому это потребовалось бетонировать дверь.

Дома Колька почистил гильзу-коптилку, приспособил новый фитиль. А на следующий день сразу после школы поехал в хозяйственный магазин покупать бензин для зажигалок. Он объездил несколько магазинов, пока, наконец, не нашел этот вдруг исчезнувший из продажи бензин. Уже сгу-

щались сумерки, когда он вылез из трамвая на остановке у своей школы. Не заходя домой, Колька побежал к доту, сорвал шапку, сунул ее в карман. Дверь в дот была настежь раскрыта. Колька вошел. Никого. Под ногами что-то звякнуло. Луч фонарика осветил осколки зеленого бутылочного стекла, окурки папирос и сигарет, обгоревшие спички. Два окурка были приклеены к потолку. Скомканная пачка «Маг1бого» плавала в луже в углу. И пахло.

Колька собрал и выбросил весь мусор. Потом он заправил коптилку бензином, приладил фитиль, поставил ее на бетонную полку, на старое место. Зажег. Она загорелась ярко. Он стоял и смотрел на огонь. Поднял глаза. Выпуклости на стене давали длинные тени. Неожиданно он увидел буквы. Они были выдолблены в бетоне и в косом свете коптилки чернели. Колька разобрал слова: «За Родину! За Ленинград!»

Было уже совсем темно, когда он вышел из дота. Маленькая белая луна светила с холодного черного неба. Ночной мороз схватил осеннюю грязь, лед поблескивал. Колька вспомнил про шапку, достал ее из кармана и натянул на самые уши и лоб. И побежал. Но не к дому, нет. Он побежал к стройке, освещенной прожекторами. Там работали: кран поднимал бетонную плиту, сварщики чем-то сваривали на разных этажах; от большого деревянного корыта с раствором шел пар. Длинный парень-рабочий накладывал лопатой в тачку раствор.

— Дайте мне, пожалуйста, немного раствора.

— Бери,— парень сплюнул.

— А ведро свободное у вас найдется? Я верну... 60 шагов в правой руке, 40 — в левой. 60 — в правой, 40 — в левой. Колька тащил раствор к доту. Пятое это было ведро или уже десятое, он сказать не мог, сбился. Бегал туда-сюда, туда-сюда. 60 шагов — в правой, 40 — в левой. Вдруг он почувствовал, что кто-то вырывает у него ведро. Колька вцепился в дужку из последних сил и закричал: «Отдай!»

— Да очнись ты! Это же я. Я помочь хочу.— Колька узнал голос отца.

И они пошли рядом. К доту. В одной руке отец нес ведро, а в другой держал ледяную ладонь сына.

— Одиннадцатый час уже,— проговорил отец.— Мать вся издергалась: куда ты запропал. Сгонял бы домой, сказал, так, мол, и так — бетонирую.

— Я не думал, что так долго получится,— пробубнил Колька.— Я сейчас сгоняю.

— Не надо. Мы с ней вместе вышли. Она тебя видела — как ты тащишь. Я ее домой отвел.

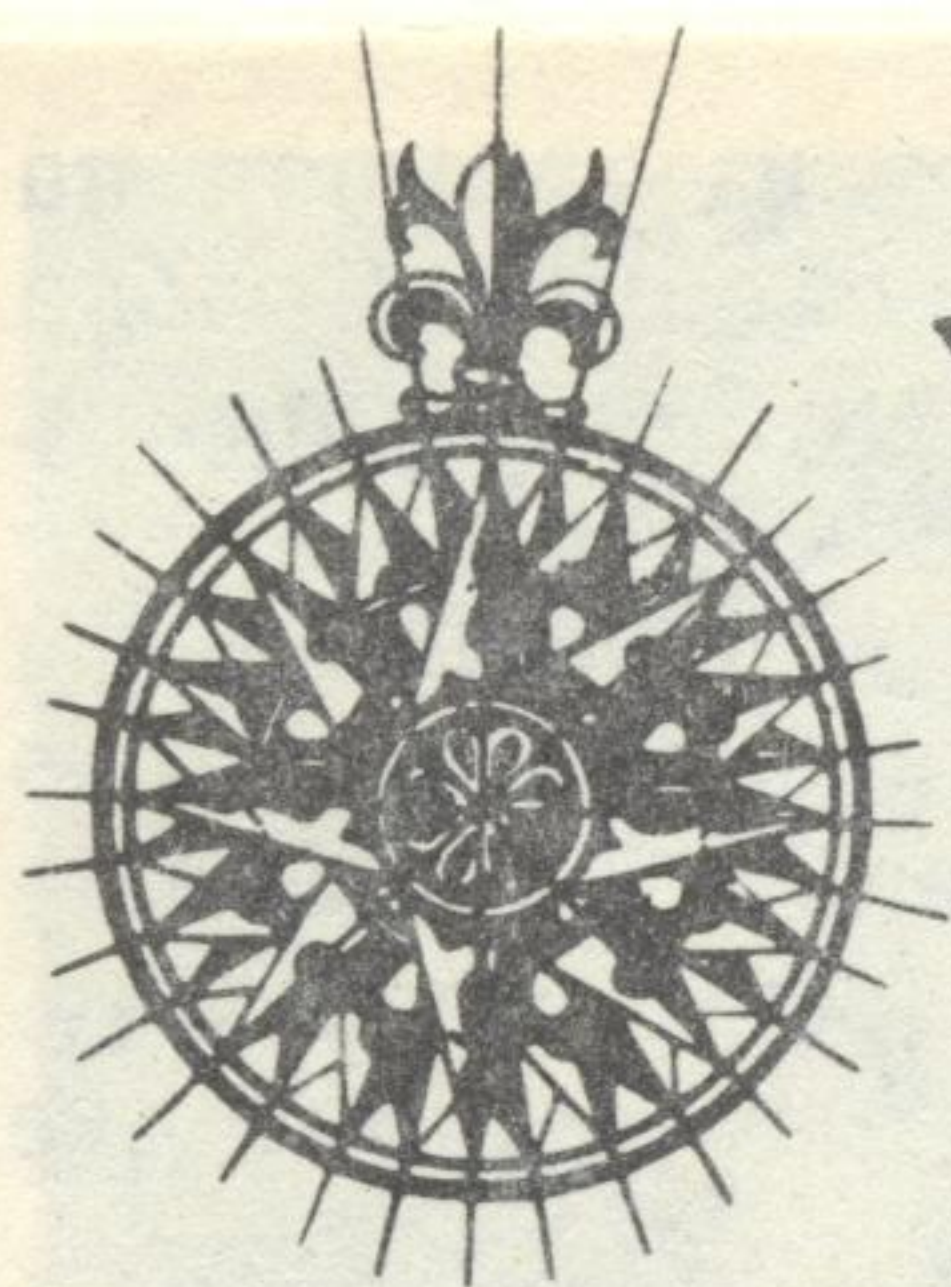
Отец положил руку Кольке на плечо:

— Проголодался, наверно? На.

И он достал толстый кусок черного хлеба.

Они еще несколько раз ходили на стройку за раствором. Когда все было закончено, обошли дот кругом. Сняли шапки.

Амбразуры светились. На бетонной полке, снаружи невидимой, горела гильза-коптилка. Нарочно оставленная Колькой.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Оформление
Л. Московского

Как секретную карту захватили

уже начались. Под катером мины, должно быть...»

Мчится катер, отсчитывает мили, а на дне, где мины затаились, отсчет другой идет...

Однако проскочили благополучно. Вот и порт наконец. Военные склады на берегу догорают. А от японских кораблей только мачты над водой виднеются! Хорошо поработали летчики!

Развернул Быков свой катер и на обратный курс лег.

Туман стал над морем густеть. Включили локатор. Идут. И вдруг на экране — цель! Какой-то корабль. Кроме японских — быть здесь некому... Быков командует: «Боевая тревога! Торпедная атака!» Подошли ближе. И видит Быков сквозь поредевший туман — шхуну. На мачте — японский флаг. На шхуну торпеду тратить ни к чему. Да и что за добыча это? Но враг есть враг, упускать и шхуну нельзя. Решил Быков взять ее на abordаж. Еще ближе подошел катер. А со шхуны вдруг как ударит пулемет. Ого! Шхуна-то вооружена... На катере тоже пулеметы. Быков приказывает: «Огонь!» Пулемет на шхуне замолк. Шхуна застопорила ход, закачалась на волнах. С катера Быкова четверо моряков мигом перескочили на шхуну. Видят: на палубе — никого. Только из рубки с поднятыми руками выходит капитан. Где же остальные? Наши люк в машинное отделение открыли. Там люди. Японские моряки. И среди них — офицер. В машинном отделении вроде бы горелым пахнет... Вывели японцев на палубу, обыскали. Вот оно что! Офицер-то не зря в машинное отделение спустился — что-то начал жечь там, только все не успел уничтожить. Наши у него под одеждой пакет с бумагами нашли.

Случилось это в самом начале войны с милитаристской Японией.

Япония захватила Корею, и в корейских портах укрывались японские корабли.

Однажды наши самолеты сбросили на такой порт бомбы. И нужно было разведать: удачным ли был налет? На задание послали торпедный катер Быкова. Командование предупредило его: «Подходы к порту заминированы! Мины хитрые. Возможно, даже с прибором кратности...»

Что такое прибор кратности? Это такой механизм, вроде счетчика. Пройдет над миной корабль, счетчик отметит — «1». Пройдет другой, на счетчике — «2». А прибор, скажем, поставлен на цифру «6»... Так вот, под шестым кораблем мина и взорвется...

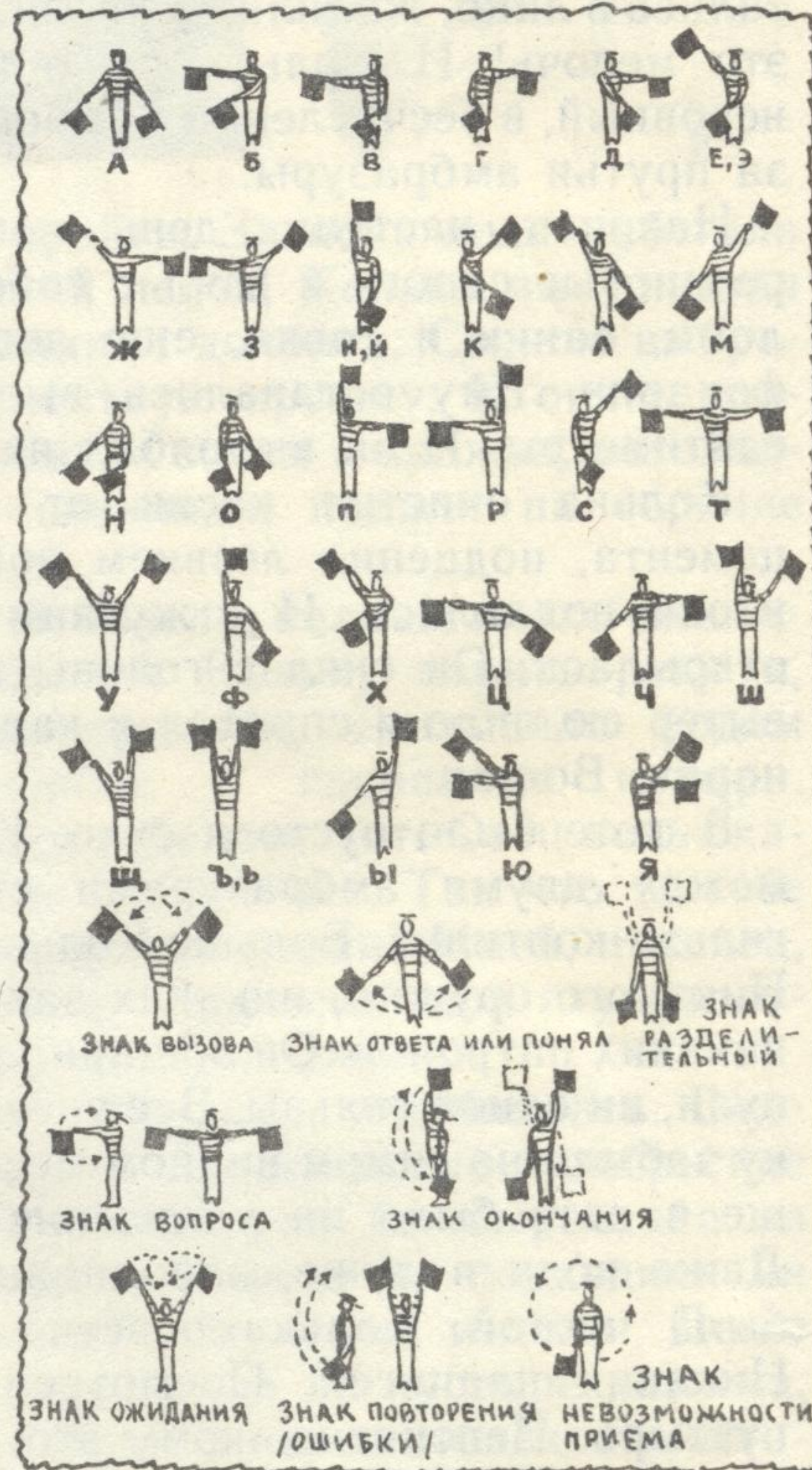
Помчался катер Быкова. Вот уж и Амурский залив проскочили. Вот и корейский берег близко. Ведет Быков катер и думает: «Значит, минные поля

Пленных, ясное дело, на катер переправили. Шхуну потопили. И дальше помчались. А Быков стал смотреть бумаги. Видит: бумаги не простые — морские карты. А на картах обозначены проходы в минных полях! Вот это удача!

Быков карты в штаб доставил, и они нашим морякам оченьгодились.

О. ОРЛОВ

ФЛАЖНЫЙ СЕМАФОР

В прошлом выпуске мы попросили читателей попытаться прочитать фразу, написанную флажным семафором. Юные моряки справились с этим заданием. Для тех, кто еще не знает флажного семафора, художник нарисовал его полностью. А фраза была такая: «Вместе с нами по морям».

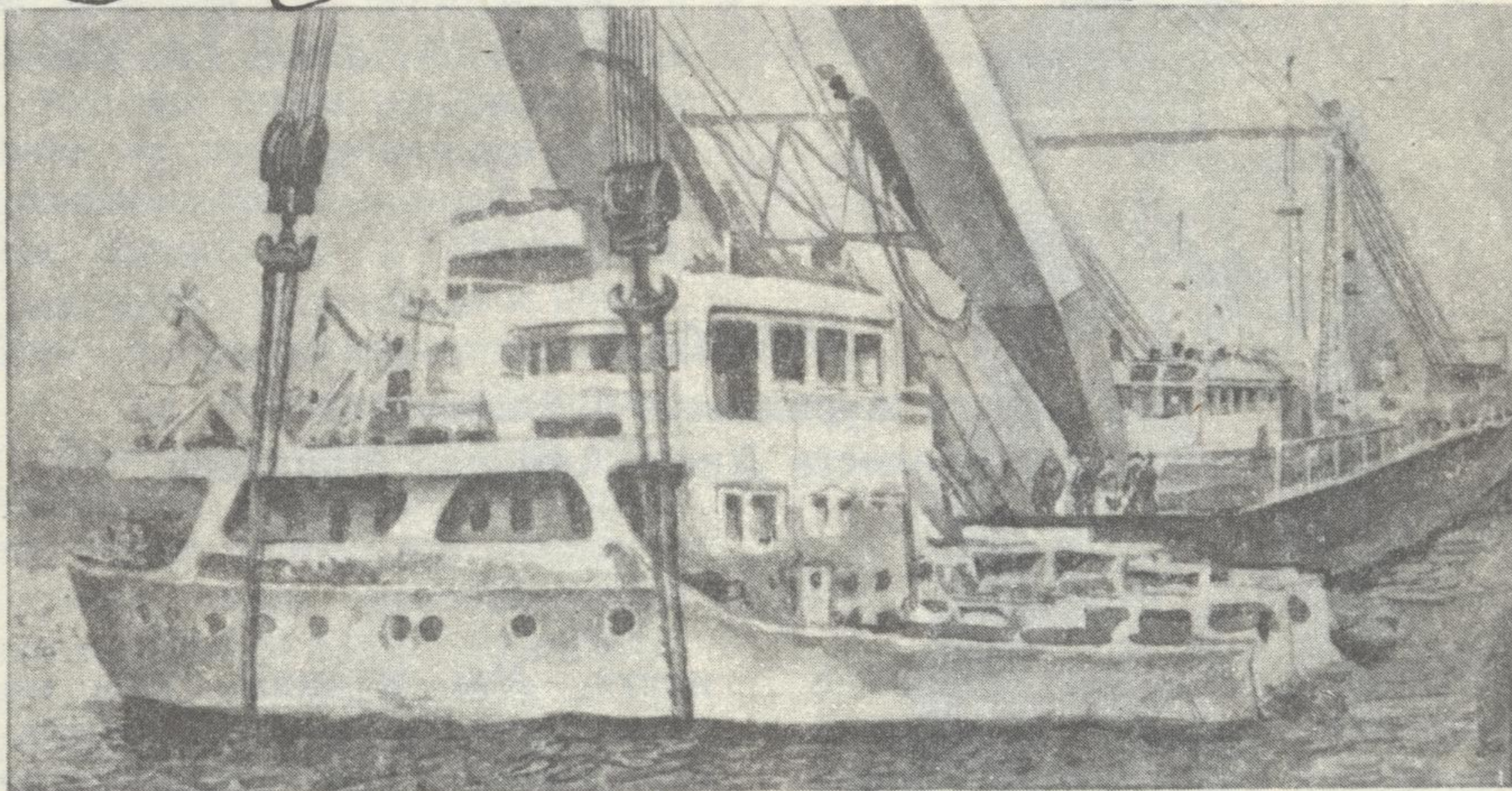
КРАН-БОГАТЫРЬ

Затонул один грузовой корабль. А на корабле — ящики-контейнеры с ценным грузом... Решили груз поднять. Подошел к этому месту большой плавучий кран. Под воду спустились водолазы. Стали водолазы цеплять крюками контейнеры. Кран все их наверх и поднял.

— А корабль поднять не сможете ли? — спрашивают водолазы капитана плавучего крана.

— Не сможем... Кран у нас сильный и может поднять 800 тонн, да корабль то весит вдвое больше... Разве что пополам его разрезать!

— Разрежем! — сказали водолазы.

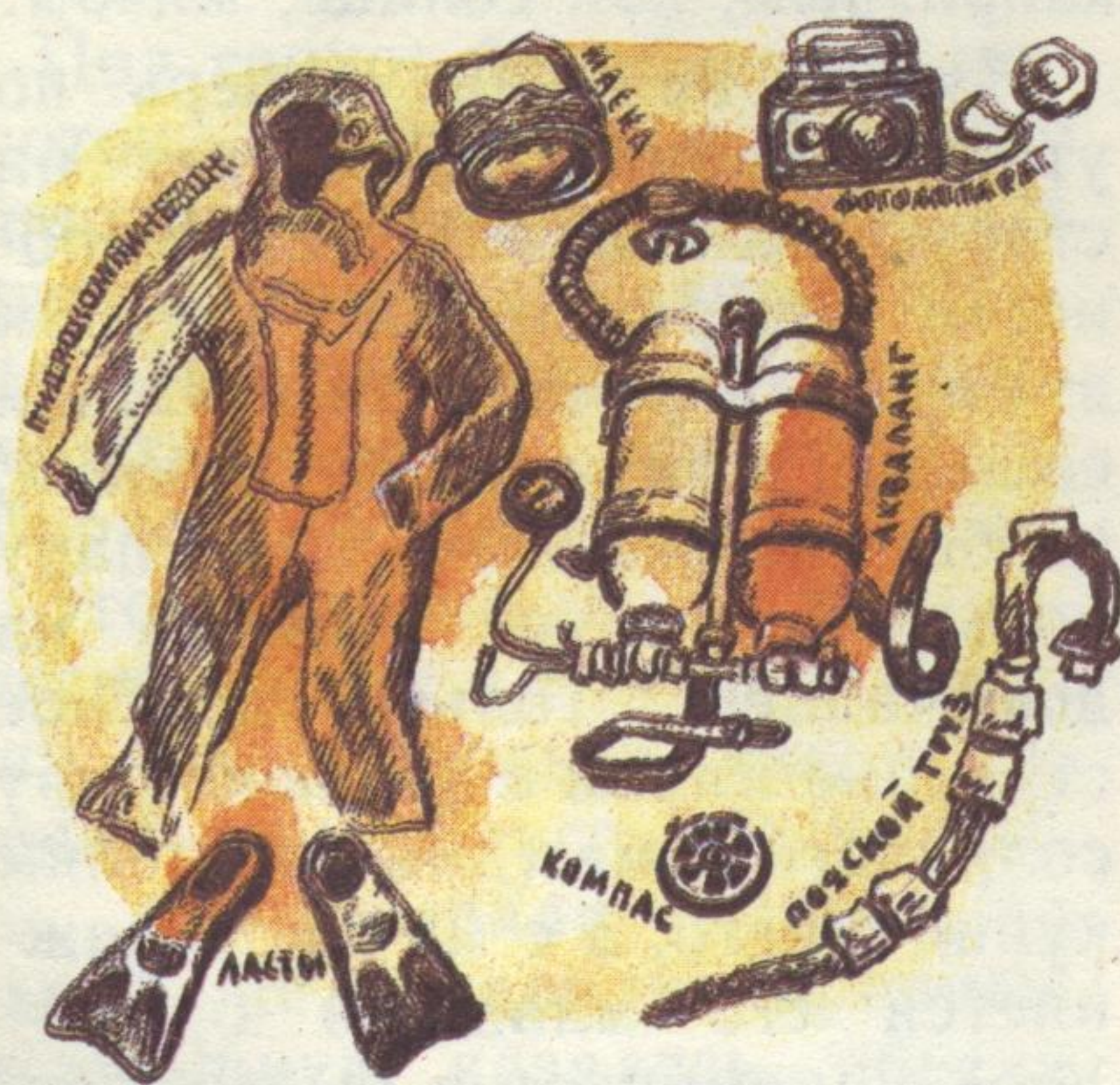

Привезли аппараты для резки металла под водой. Называется такая резка — плазменная. Раскаленная плазма режет металл... И работа за-

кипела. Так плавучий кран смог поднять судно. Сначала одну половину, потом — другую. А в доке их соединили.

КАК ЧЕЛОВЕК ОПУСТИЛСЯ ПОД ВОДУ

(рассказ в картинках)

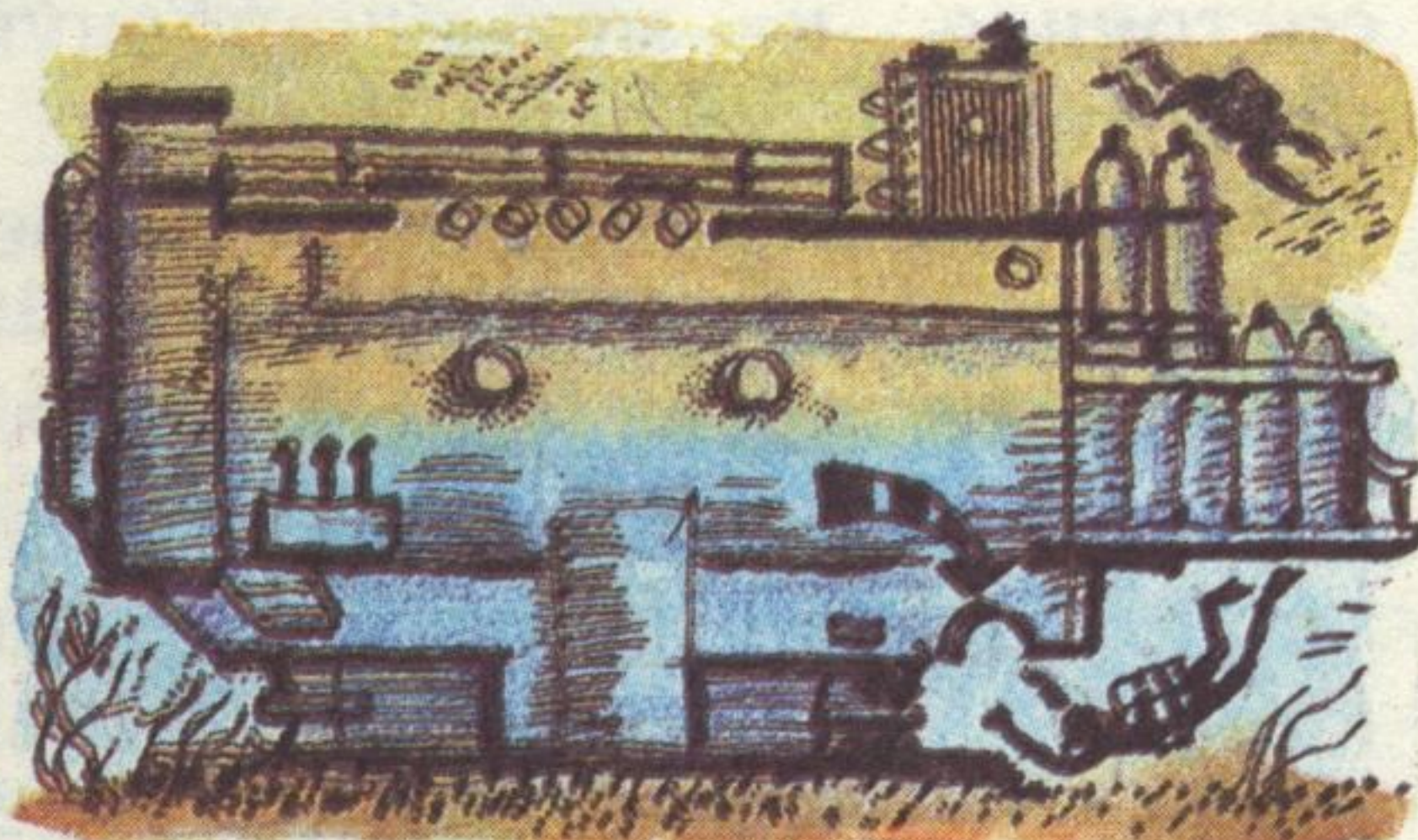
7. В сороковых годах нашего столетия придумали акваланг — дыхательный автомат и баллоны со сжатым воздухом. Настоящие «искусственные легкие». Изобрели их Жак-Ив Кусто, будущий знаменитый исследователь морей, и его друг — Ганьян.

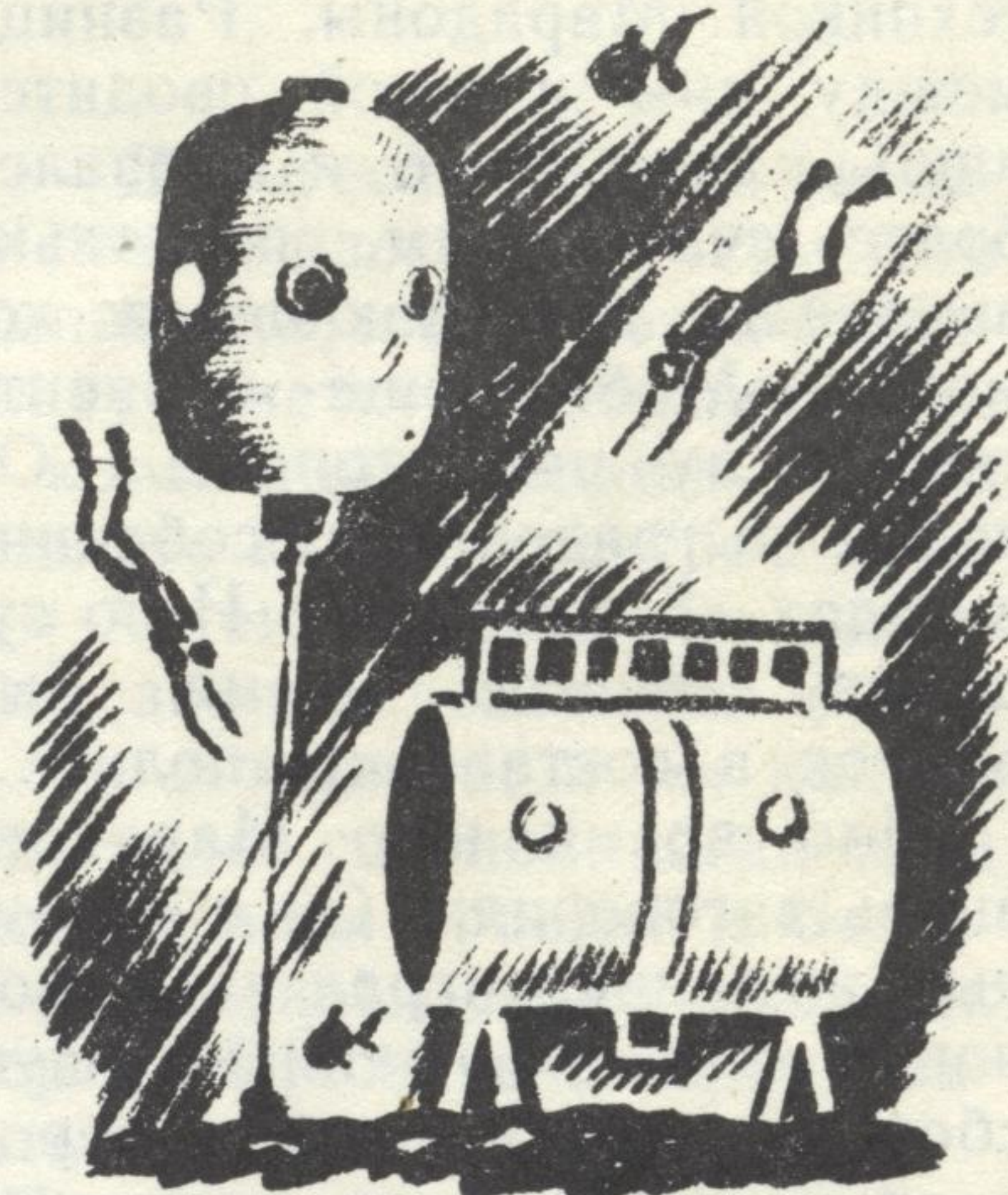
8. Аквалангисты свободно плавают под водой и опускаются на глубину 100—150 метров.

* Начало смотри в «Костре» № 1

9. Одно плохо — запас воздуха в баллонах — на 20—30 минут. А что если под водой поставить дом? Чтобы для воды он был непроницаем, а внутри полон воздуха. Аквалангисты смогут заплывать в него снизу через

дверь-шлюз, отдыхать и заменять баллоны. И уходить в море — за новыми тайнами.

10. Так появились на дне морей подводные дома. Внутри них можно готовить пищу, смотреть телевизор, читать книги...

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

СТАРИННЫЙ ПАРОХОД
Леня Волков,
пос. Северный,
КазССР

ДИЕГИТО ИЗ КОМАНДЫ „КРАСНАЯ ЗВЕЗДА“

ЗАПИСКИ

спортивного журналиста о знаменитом
аргентинском футболисте Диего Армандо Марадоне

Пять лет назад на страницах спортивной печати Марадона подавался как один из лучших игроков в мире. Потом о нем забыли. Перебравшись из Испании в Италию, он на первых порах оказался в тени великолепного французского мастера Мишеля Платини. Хотя сам Платини не раз заявлял: «Я не обладаю фантастической техникой Марадоны. Разница между ним и мной сводится лишь к тому, что я оказался более счастливым, поскольку выступаю в выдающейся команде. Мне проще проявить себя с лучшей стороны... Он ведь выглядел обособленно в рядах «Барселоны». И по существу долгое время был одинок в составе «Наполи»...»

Шло время и о Марадоне вновь заговорили. Он с огромным желанием играл и за свой новый клуб, и за национальную сборную Аргентины, порой дважды на неделе пересекая Атлантический океан. Стали писать о новом Марадоне, не индивидуалисте, а возмужавшем лидере, способном подчинить свою игру интересам команды.

А потом был чемпионат мира — Мехико-86, собравший лучших футболистов современ-

ности. Мы помним, как на мексиканских полях демонстрировали свое мастерство бразилец Карека и датчанин Элкьяер, француз Платини и англичанин Линекер, советские игроки — Беланов и Заваров. Но лучшим из лучших Мехико-86 назвал Марадону.

ИГРУШКА ДЛЯ ДИЕГО

В Аргентине Марадону называют «золотым мальчиком». Мальчишка из бедняцкой семьи, заработавший футболом состояние и международную известность.

Все, чем обладал до недавнего времени отец футболиста — дон Диего, так это парой натруженных рук, привыкших споро управляться с тяжелыми мешками, набитыми костной мукой из-под жерновов старой мельницы, на которой Марадона-старший проработал почти столько, сколько помнит себя. Да еще развалюхой-домишком с окнами на грязную улицу — единственную «авениду» района Фифито, затерявшегося на крайнем западе огромного Буэнос-Айреса. В семье не то что игрушки — поужинать не всякий день было чем: так складывалась жизнь.

Когда дядя принес трехлетнему Диегито на именины настоящий кожаный мяч, больше всех был доволен папа Марадона. Папа Марадона слыл пылким поклонником футбольной игры. Он и стал первым тренером сына и его дружков. Местом постоянных встреч они облюбовали заброшенный пустырь на задворках квартала. Именно на этом пустыре и родилась

команда, с громким названием — «Красная звезда».

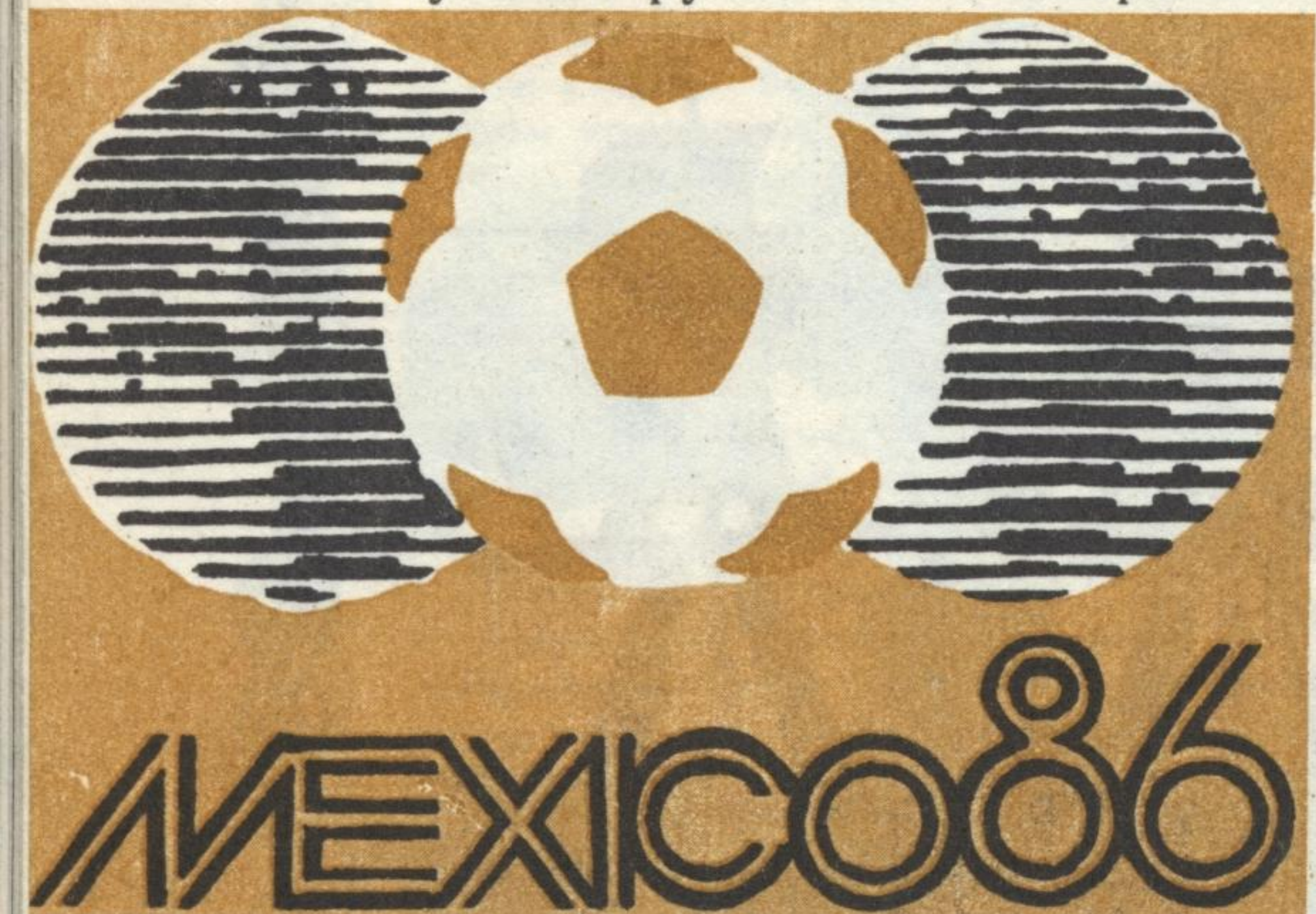
С кем бы ни сводил случай на истоптанной земляной площадке мальчишек из команды «Красная звезда», противник, как правило, уходил побежденным. С помощью отца мальчик научился многому из того, что можно сотворить с круглым и капризным, как солнце, мячом.

Нужда не гонит теперь по утрам старика Марадону на старую мельницу. И нет необходимости отправляться вечером в бар и ворочать там ящики со льдом и пивными бутылками, чтобы подработать на пару новых башмаков кому-то из домочадцев. Только дробное стучание мячом в заднюю стену солидного дома (дом родителям купил Диего, а с мячом упражняется его младший брат — Уго) напоминает о былых временах.

Впрочем, нет, наша беседа с доном Диего все время возвращается к прошлому. Он рассказывает, как 14-летний Диегито явился к нему просить разрешения на подписание профессионального контракта с клубом «Аргентинос Хуниорс».

— Он уже играл так, как можно мечтать, а мечтал о большем. Чего же было еще требовать? Мы с женой очень хотели, чтобы ему повезло.

— Это же какое-то безумство, — жалуется, хотя и не без гордости, мать Диего, донна

Долма, — он каждый вечер звонит из Неаполя. И подолгу разговаривает с каждым из нас: со мной, с отцом, с братьями, даже с самой младшей сестренкой.

Отец заговорщицки улыбается:

— Кажется, у меня появился способ сократить трату денег на эти бесконечные звонки. Стоит мне начать рассказывать о «неповторимом» голе, который забил Уго в воскресном матче, Диего тут же не выдерживает: «Передай этому мальчишке, что таких мячей я забил больше пятисот. Пусть попробует повторить», — бросает трубку. Но не принимайте все это всерьез. Диего очень привязан к братьям. Знаете, у него есть мечта: после завершения контракта с «Наполи» вернуться домой и создать с ними линию нападения Рауль — Диего — Уго. Для «Бока Хуниорс» — этот клуб сделал сына нужным всем аргентинцам.

РИТУАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ

Под грохот барабанов и трещоток, слившийся с бурными аплодисментами переполненных трибун главного стадиона страны «Монументаль», Марадона дебютировал в аргентинской сборной 15 марта 1977 года.

Это произошло в товарищеском матче с командой Венгрии, за несколько минут до конца игры. Венгры безнадежно проигрывали — 1:5. Но охрипшие, удовлетворенные болельщики, казалось, обрели второе дыхание, завидев у кромки газона юного футболиста. Нет, ему не удалось тогда забить гол. Но самолюбие публики он потешил на славу. Пару раз Диего оставлял за спиной центральных защитников Венгрии. И делал это виртуозным, точно из африканского танца, неуловимо быстрым круговым движением живота и поясницы. Когда торс нападающего как бы сам по себе, а ноги и мяч... Впрочем, мяч-то уже успел проскочить мимо соперников.

Рассказываю об этом эпизоде вот почему. Возможность

встретиться с Марадоной и задать ему несколько вопросов я получил лишь однажды. Это было на тренировочном сборе аргентинской команды, когда она готовилась к Мехико-86. Тренировка подходила к концу. Диего расположился поодаль от всех, за воротами. Морщась от боли — в предыдущей игре соперники сильно зацепили ему левое колено, он медленно кружил над неподвижным мячом. Потом вдруг останавливался, склонялся вперед и выполнял тот самый, словно из танца, прием.

Помню, я пошутил тогда, мол, не ритуал ли это. Марадона отрицательно покачал головой. И сообщил, что этот финт был изобретен аргентинскими футболистами Рохасом и Рене Хоусеманом. А он, Диего, репетирует его много лет потому, что ему недостает гибкости в пояснице.

— В «Наполи», — сказал Диего, — мы тренируемся раз в день. Но мне этого недостаточно. И я беру частные уроки по общефизической и специальной подготовке.

— После чемпионата мира в Испании одной из причин вашего личного неуспеха вы называли как раз проблему физической готовности...

— Никогда в жизни я не готовился так, не проделывал такого объема работы, как перед чемпионатом в Испании. Чтобы не быть хуже других, чтобы никто не мог подумать, что где-то не дорабатываю. И приехал в Испанию перетренированным. Без рывка, без... — Диего щелкает пальцами, так и не найдя нужного слова. Может, имел в виду то вдохновение в игре, за которое его так любят болельщики.

— Я не знал тогда собственных возможностей, — продолжает Марадона. — Сегодня это не так.

— В Испанию вы приехали под руководством Сесара Менотти, которого нередко упрекают за его пророчество — помните? Он заявил в одной из газет, что чемпионат в Испании станет для Вас тем же, чем было первенство мира 1970 года в Мехико для Пеле...

— Даже если бы меня назвали самым плохим игроком того чемпионата, я бы и тогда сохранил ту заметку. Чтобы показать ее когда-нибудь своим детям. Ведь это сказал тренер, с которым Аргентина впервые завоевала звание чемпионов мира. И эти его слова, и то, как он обращался со мной, когда меня преследовали травмы и болезни. Он относился ко мне, как к сыну. Такое невозможно забыть.

Признаюсь, я не случайно задал Диего этот последний вопрос. До встречи с ним я уже спрашивал то же у Менотти. И Менотти сказал: «Быть может, я поспешил. Но ни на минуту не сомневаюсь: у Марадоны будет «его» чемпионат мира, игру Диего будут помнить. До сих пор история мирового футбола знала четыре имени, не подлежащие какой-либо дискуссии, — Ди Стефано, Пеле, Яшин, Круифф. Кандидатами на место в этой галерее стали Платини и Марадона. Француз — выдающийся мастер, но его карьера почти завершена. А у Диего впереди еще долгий и славный путь».

Как видите, Менотти не ошибся. Мехико-86 стал чемпионатом Марадоны.

Е. МЯСНИКОВ

Весёлый

звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Сажу я на уроке, Павел Андреевич в таблицу Менделеева указкой тычет и что-то рассказывает. А я не слышу, что он рассказывает, потому что мысли у меня далеко. Сказать точнее — мысли мои во Дворце спорта, вот где. Потому что сегодня там хоккей. «Спартак» с нашими играет, а билет у меня в кармане! Так что у меня в голове другая таблица, а не Менделеева.

Тут звенит звонок, я вскакиваю — и к двери. Вдруг слышу: Славка Грошев, староста, кричит:

— Рябинин! Останься!

— Вот еще! Почему это? — спрашиваю.

— Твоя очередь убирать класс!
Я вспомнил, что действительно, моя очередь. А хоккей?

А Славка Грошев спрашивает:

— Чего это ты так скривился, будто клюкву проглотил?

— Что-то голова болит, — говорю. — Раскаляется. Наверно, от таблицы Менделеева.

— Да? — Славка посмотрел на меня озабоченно и говорит:

— Ну тогда иди домой, в другой раз подежурь. Да не забудь дома пиринал принять, здорово помогает!

Во Дворце спорта я сразу забыл и про Славку, и про его пиринал. Болельщики кричат: «Шайбу! Шайбу!» А я ору громче всех.

Тут наш форвард как бросит шайбу, она перелетела через борт, и прыг — прямо около меня! Не поверил я своему счастью — давно уже мечтал о таком сувенире! Но, видно, не один я мечтал, потому что еще один мальчишка бросился к шайбе. Ка-ак стукнулись мы лбами! У меня даже искры из глаз стрельнули, а на лбу шишка вздулась. Посмотрел я на мальчишку — а это Славка Грошев! И самое обидное, что шайба ему досталась!

— Ну, как, — спрашивает Славка, — голова перестала болеть?

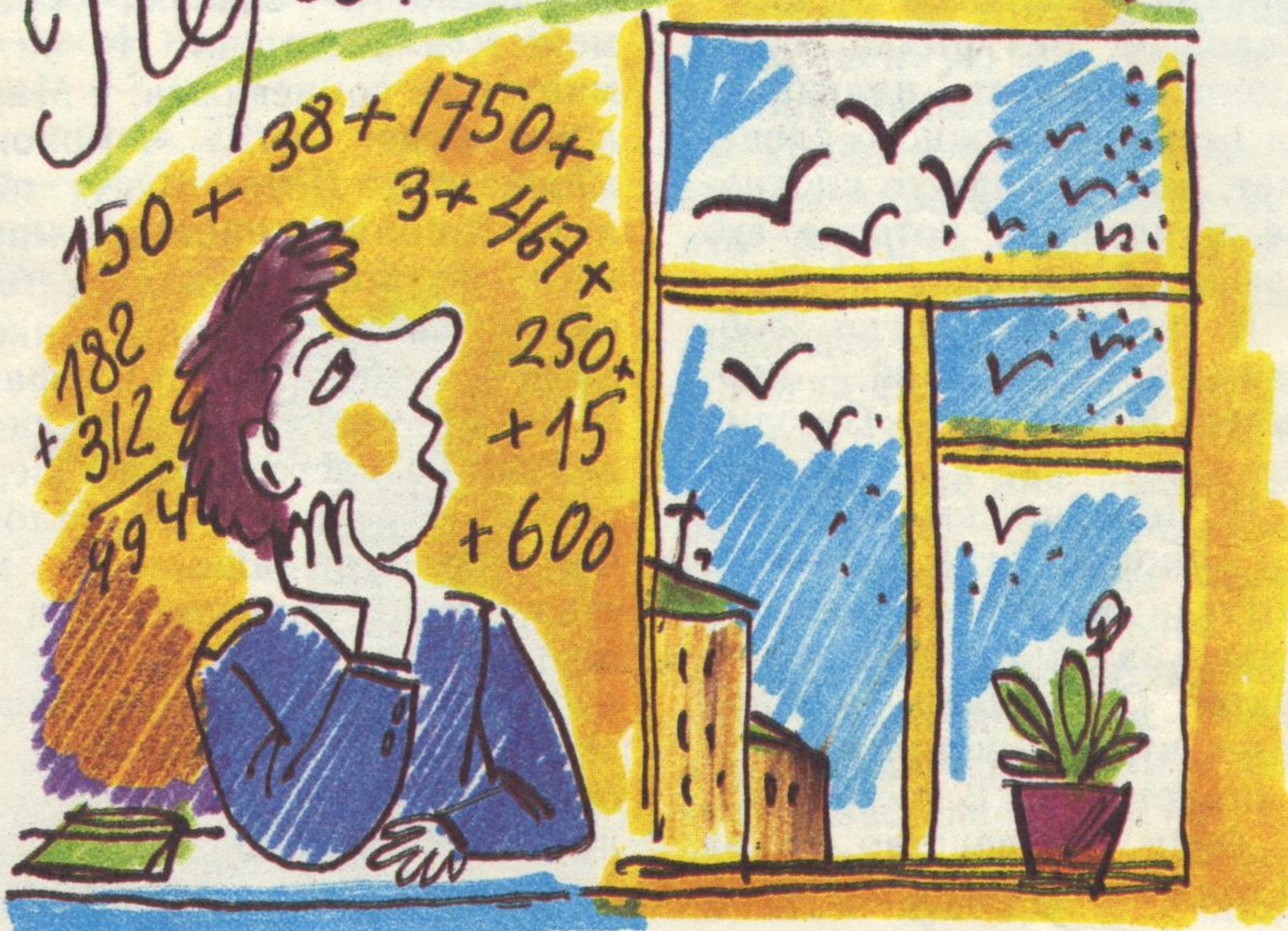
Я осторожно потрогал шишку на лбу и сказал:

— Вроде перестала...

— Тогда завтра будешь класс убирать!

Анатолий САВЧУК

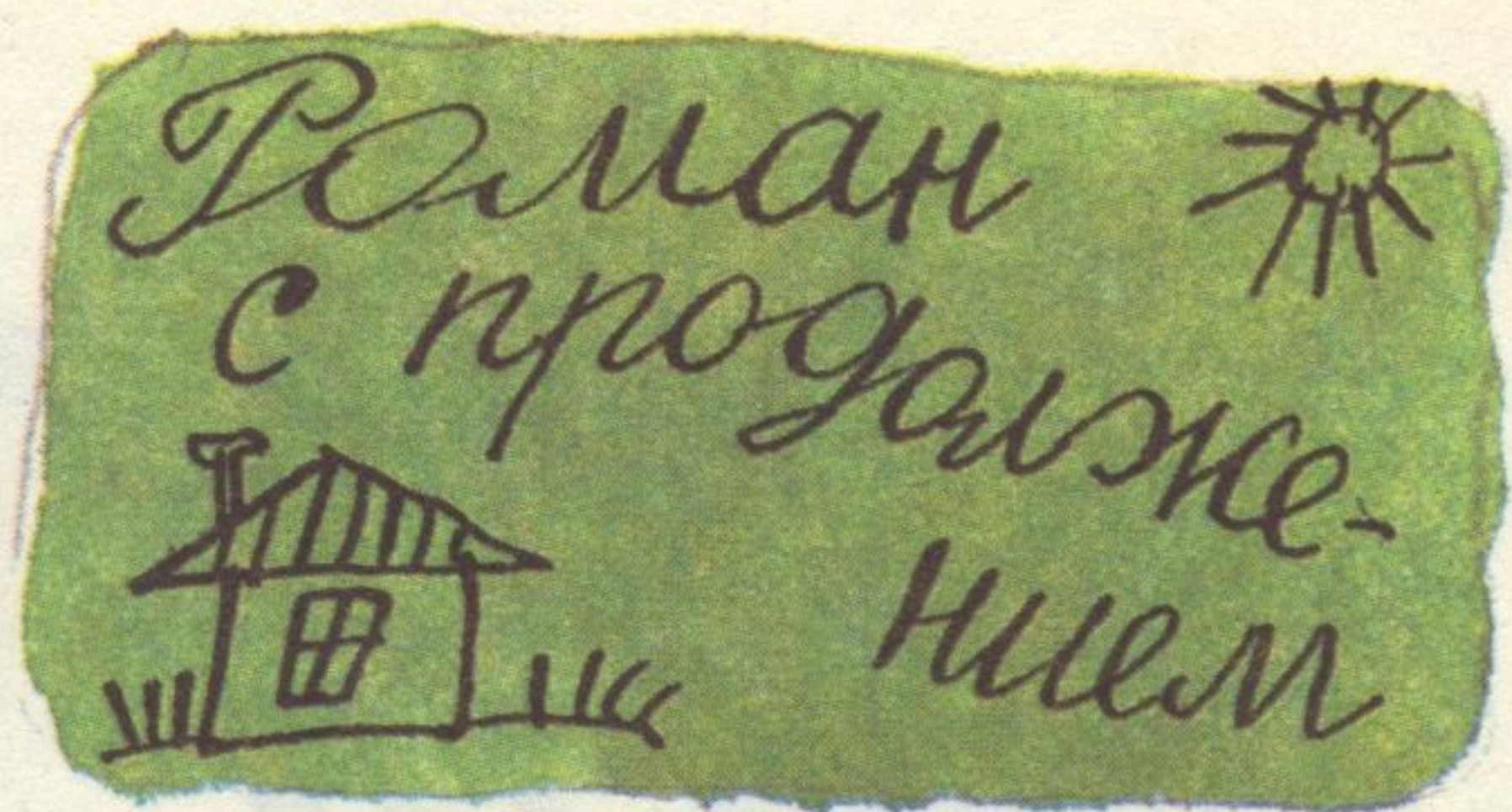
Перепись птиц

Один мой знакомый,
Кукушкин Ерема,
На каждом уроке
Считает ворон.
Гордятся вороны,
Что он за сезон
Уже насчитал их
Почти миллион!

А если б считал он
Еще и скворцов,
Чижей и стрижей,
И щеглов-сорванцов,
И хитрых сорок,
И веселых синиц,
Какую провел бы он
Перепись птиц!

Олег СЕРДОВОЛЬСКИЙ

Однажды мы писали в классе сочинение на тему «Как я провел зимние каникулы». Первым сочинение написал Максим Яблоков. На следующем уроке учительница прочла сочинение Максима. Оно было кратким: «Зимой я гостил у бабушки в деревне. Там очень хорошо. Продолжение следует». И все засмеялись!

Алеша Сетов,
Шелехов
Иркутской обл.

— Сегодня мы повторяем тему «Круговорот воды в природе», — сказала Ирина Георгиевна. — Кто приведет пример этого явления?

Я встал и сказал:

— Ну, представим, что дома закипел чайник, и его забыли выключить. Вода вся выкипела и образовалось облако. Ветром облако унесет в горы и там пойдет дождь. Из воды получается река, которая течет обратно...

— Куда обратно? — спросила учительница.

— В чайник! — ответил я, и все засмеялись!

А. Шочинов,
Балаково
Саратовской обл.

Шел урок немецкого языка. Учительница объяснила:

— Запомните, ребята: слово «дочь» по-немецки звучит «тохтэр». Похоже на наше слово «доктор», только «Р» — мягкое.

Вася и Боря, как всегда, болтали и слушали объяснение краем уха.

— Ну-ка, болтуны, — обратилась к ним учительница, — как будет по-немецки «дочь»? Вася встал и неуверенно произнес:

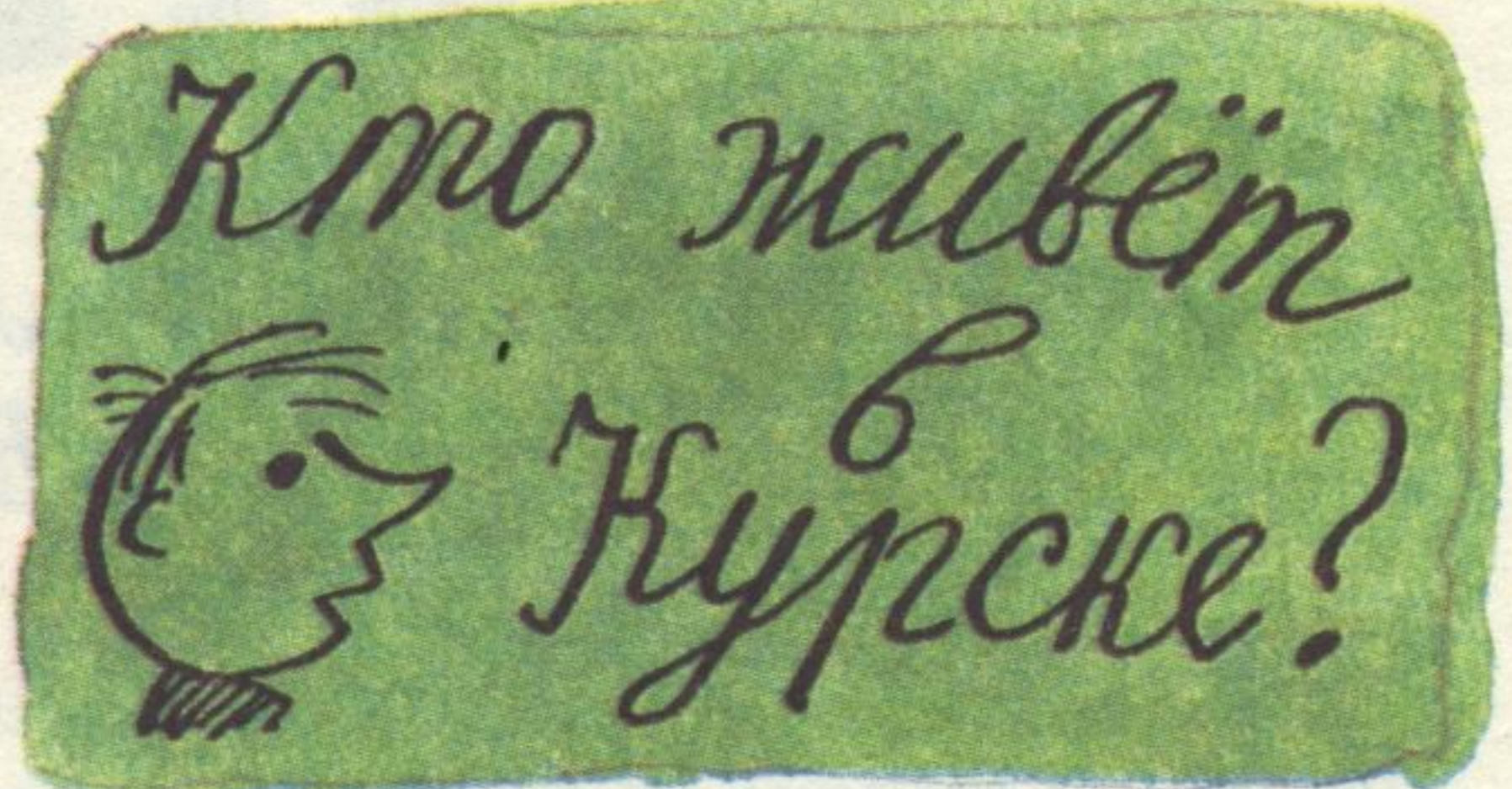
— Кажется, «врач»...

А Боря добавил:

— Только «Р» мягкое!

И все засмеялись!

Оля Воронкова,
5 класс,
с. Ботьево
Кемеровской обл.

На уроке русского языка мы проходили тему «Суффикс».

— Давайте разберем, — сказала Валентина Ивановна, — как называют жителей разных городов. Например, в Волгограде живет волгоградец, в Киеве — киевлянин. А кто живет в Курске?

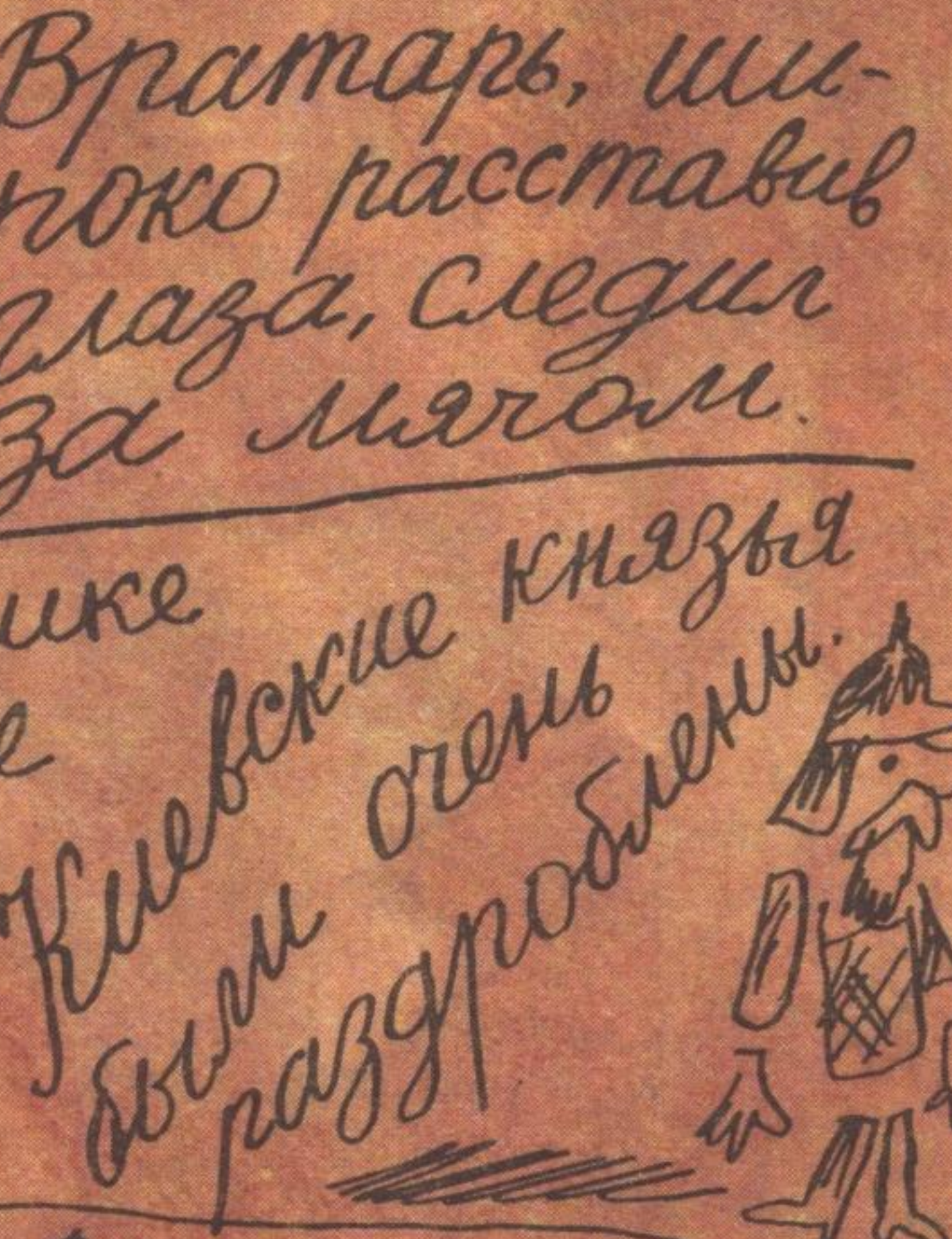
Тут Вова Кандыбин встал и сказал:

— Моя сестра.

И все засмеялись!

Пионеры отряда
4 класса
с. Эсто-Алтай
Калмыцкой АССР

Из неполного собрания школьных сочинений

Прислали: Вася и Ростик Филипповы (г. Братск), Саша Гаврилов (г. Валмиера Латвийской ССР), Мехрибан Ахмедова (г. Баку), Ира Гайнанова (г. Усть-Катав Челябинской обл.), Марина Дедович (г. Лида)

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

СКАЗКА

Жила когда-то маленькая лесная мышка. Но вот она состарилась и сказала себе:

— Я стала стара и слаба и не могу уже день-деньской бегать в поисках корма. И каждый в лесу норовит обидеть меня. Ах, если бы я могла жить в темноте, летать, как птица, есть бананы и папайю. Когда-то в детстве я слыхала от своей бабушки, что если сказать волшебное слово и повиснуть вниз головой, могут вырасти крылья. Надо попробовать.

И лесная мышка, пропищав волшебное слово, забралась на дерево и, уцепившись за ветку задними лапками, повисла вниз головой. Она висела так очень, очень долго. Тело ее онемело, голова раскалывалась от боли, лапки свела судорога.

Мышиный писк услышала пролетающая птица.

— Отчего ты плачешь, лесная мышка? — спросила птица. — И почему висишь вниз головой?

— Я заколдовываюсь, — ответила мышка. — Я состарилась и на земле меня всюду ждет смерть. Я хотела бы летать, как вы, птицы...

Вдруг хвостик ее отвалился, а кожа около лапок стала растягиваться все шире и шире.

Птица, увидев такое чудо, поспешила к своим сородичам.

— Там на дереве висит лесная мышь. Она хочет стать летучей мышью. Она о-ле-ту-че-мы-шест-ву-ет-ся!

И все птицы закричали:

— Мы хотим видеть эту мышь!

И все птицы, сколько их было в лесу, собрались вокруг дерева, на котором висела лесная мышка.

И в самом деле, у нее уже появились перепончатые крылья.

— Так ты уже о-ле-ту-че-мы-шест-во-ва-лась? — спросили птицы.

— Мне кажется, да, — ответила мышка.

Тогда все птицы радостно закричали:

— Не бойся полета! Лети! Это прекрасно!

Мышь попыталась взлететь, задрожала, задрожала, но от страха не смогла разжать лапки и осталась висеть на ветке.

Тогда птицы закричали еще громче:

— Не бойся полета!

Мышь взмахнула лапками, ее перепончатые крылья раскрылись и она плавно взлетела.

— Да, это удивительно и прекрасно! — воскликнула мышь, планируя на своих широких крыльях. — Спасибо вам, добрые птицы! Теперь я спасена!

Вот эту самую летучую мышь мы видим и сегодня. Она вылетает в вечерних сумерках, чтобы поесть спелых бананов и папайи, а днем спит в укромном местечке, завернувшись в крылья и повиснув вниз головой.

Пересказала Л. КОКОРИНА
Рисунок Е. Каменской

Рисунки
Ю. Беломлинской

К президенту Линкольну пришли за советом в одном запутанном деле.

— Бьемся, бьемся, никак не можем решить, — пожаловались визитеры.

— Если вы держите слона за заднюю ногу и он вырывается, самое лучшее — отпустить его, — посоветовал президент.

Однажды английскому философу Бэкону рассказали о недостойном поведении человека, который не останавливался ни перед чем во имя достижения собственной выгоды.

— Эгоисты все такие! — вздохнул м дрец. — Для них ничего не стоит поджечь чужой дом, чтобы поджарить себе яичницу.

— Отчего вы так рано оставляете научную деятельность? — спросили французского географа Андре Зигфрида.

— Искусство жизни состоит не столько в том, чтобы сесть в подходящий поезд, сколько в том, чтобы сойти на нужной станции.

СООБЩАЕТ ШТАБ АРЧЕБЕКа

1. Чемпионат Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток стартовал успешно. Все заявки рассмотрены и все писавшие их допущены.

2. Тем, кто еще не писал заявку на участие в шахматном или шашечном чемпионатах АРЧЕБЕКа, это разрешается сделать сейчас. Писать заявку нужно на открытке («Прошу принять меня...» и т. д.)

ЧЕМПИОНАТ — 2-й ТУР

Боевые задания перед вами, доблестные разведчики!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крс8, Лf7, Лh7; черные: Кра8, Сg7.

Б. Белые: Крд1, Фd4, Ла7, п.g6; черные: Крh8, Лg8, пп.g5, g7.

Цель разведки: и в А (Юрий Селявкин, Воронеж) и в Б (Николай Зиновьев, Усть-Каменогорск) дать черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: в решении задачи на мат в два хода нужно найти и сделать за белых такой первый ход который по данным разведки обеспечит мат при любых ответах черных.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: b2, b4, d6, e7; черные: с5, e3, g7.

Б. Белые: a3, b6, с5, e1, h2; черные: a7, d4, e3, h4.

Цель разведки: и в А и в Б (автор обеих Рушан Валеев, Пермь) найти пути к победе белых.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 22, 28, 32, 39, 40; черные: 12, 19, 21, 23, 35.

Б. Белые: 24, 27, 31, 32, 33, 41; черные: 7, 8, 9, 10, 17, 29.

Цель разведки: и в А и в Б найти победные комбинации за белых.

Разъяснение обстановки: чтобы провести комбинации, потребуется воспользоваться правилами, которыми МШ отличаются от РШ. Об этих правилах читай ниже.

ОТВЕЧАЕТ ПЕШКОЕДОВ

Некоторые разведчики спрашивают: какие есть в международных шашках (МШ) отличия от русских шашек (РШ)?

В РШ доска разбита на 64 клетки, а в МШ на 100, в РШ 12 белых и 12 черных шашек, а в МШ 20 и 20. И еще в МШ есть три особых правила для ходов со взятием.

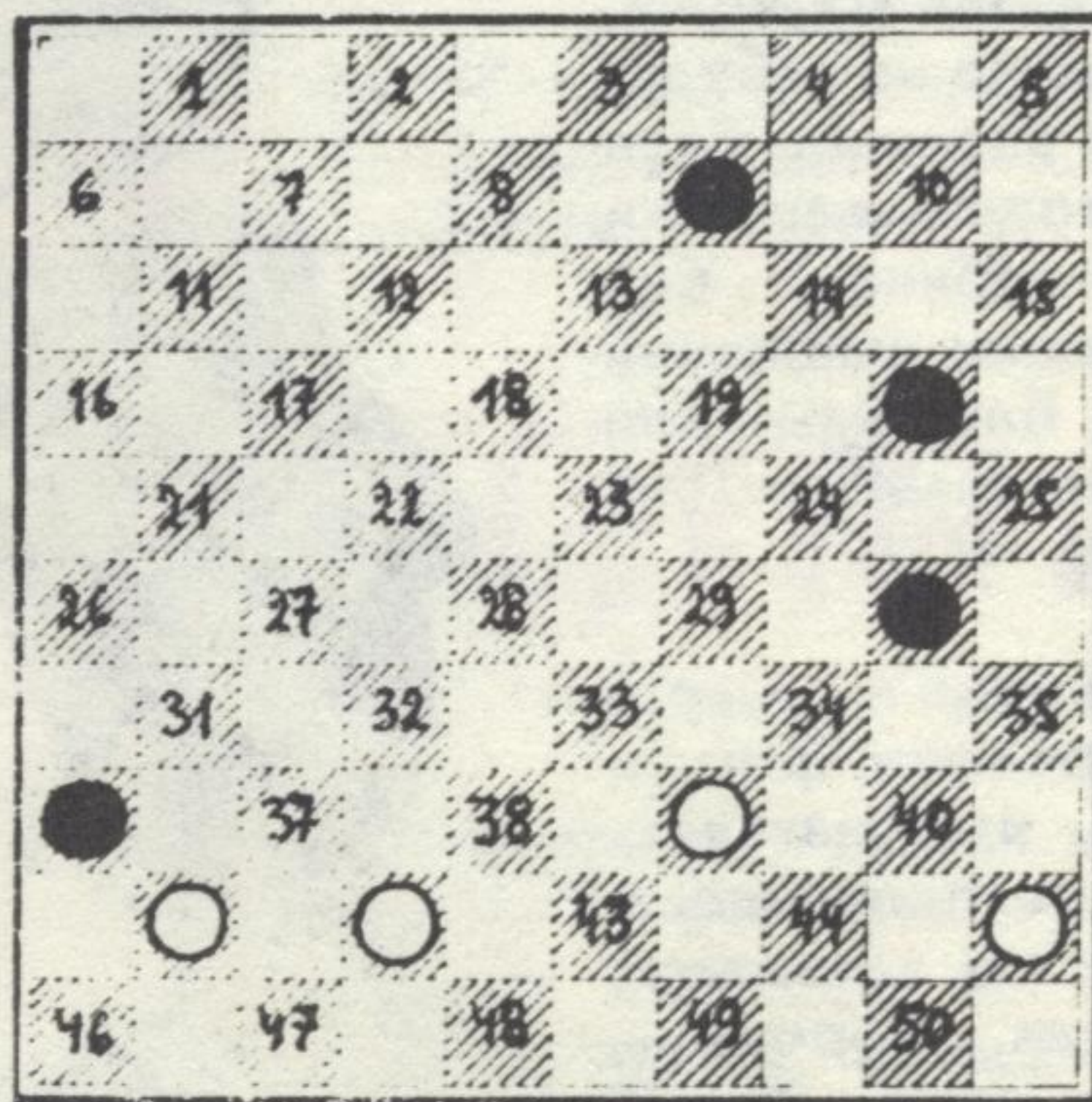
Первое. При нескольких возможностях удара обязательно бить там, где бьется больше шашек.

Второе. Если простая с удара попадает на дамочное поле и может еще дальше бить как простая, то она, не останавливаясь, продолжает бить, но в дамку не превращается — остается простой.

Третье. Если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как простая не может, то она останавливается и превращается в дамку. Эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника.

Вот типовой пример применения этих правил. Белые играют 1.42—38! Черные бьют 36:47 (простая превращается в дамку, но останавливается: третье правило). 2.39—34! 47:40 (у черных были две возможности взятия — простой 30 и дамкой 47, в таких случаях они обязаны бить там, где бьется больше шашек: первое правило) и теперь — 3.45:3X. А что, если бы белые сразу сыграли 1.39—34? Тогда черные побьют бы 36:38 (их шашка осталась бы простой: второе правило), и была бы ничья.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Сыграй 25 партий (разумеется, не сразу). Когда закончишь эту тренировочную серию, напиши рапорт о результате. Постарайся указать свои главные ошибки. В этом же рапорте напиши, что такое рокировка и зачем ее делают, а также укажи, когда рокировать нельзя.

ТЫ САДИШЬСЯ ЗА ДОСКУ...

Играется партия, фигуры размещаются, как подсчитывается их ценность? Принято считать, что если нет особых обстоятельств, то конь равен трем пешкам, слон — тоже трем,

ладья — почти пяти, а ферзь — чуть больше восьми. Зная это, ты можешь определять, выгоден ли тебе тот или иной размен.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 10. Задание резерву. Белые прорывают оборону черных так — 1.b6! и если 1... a:b6, то 2.c6!, а если 1... c:b6, то 2.a6!

«Костер» № 11. Из кладовой теории. 4.Крс4 Кр:a2 5.Крс3 ничья. **Тренировочная кабина.** А. 1.d8K! Б. 1.Ki4! В. 1.g5! 2.e5!X. Г. 1.d4! 2.g3!X. **Кто? Кто? Кто?** В задаче Пети — Б.Крд1, Лd4, Са1; Ч.Крb3, 1.Крe1 Кра2 2.Лd3. В задаче Коли — Б.Крс1, Ка2, Кс3; Ч.Кра1, па5. 1.Крс2 а4 2.Кс1. Призер будет назван в № 6.

«Костер» № 12. Новогодний приз. Решения и призеров узнаешь в № 6.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКа

За решение двух призовых задач в «Костре» № 8 (1986) награждаются — Миша Ефимов (Изобильный), Вероника Богданова (Львов), Гога Хведелидзе (Кутанси).

Эти задачи решаются так: первая — черный король стоял на h6 (и тогда — 1.g7 h4 2.g8KX); вторая — белый король стоял на d5, ферзь на a2, черный король — на b4, ладья на a3, слон на a5 (и тогда — 1.Фс4X).

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Всем разведчикам отправить рапорты с решениями боевых заданий в течение двух недель со дня получения журнала.

§ 2. Рапортовать на почтовых карточках.

§ 3. В левом верхнем углу рапорта указать номер тура и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

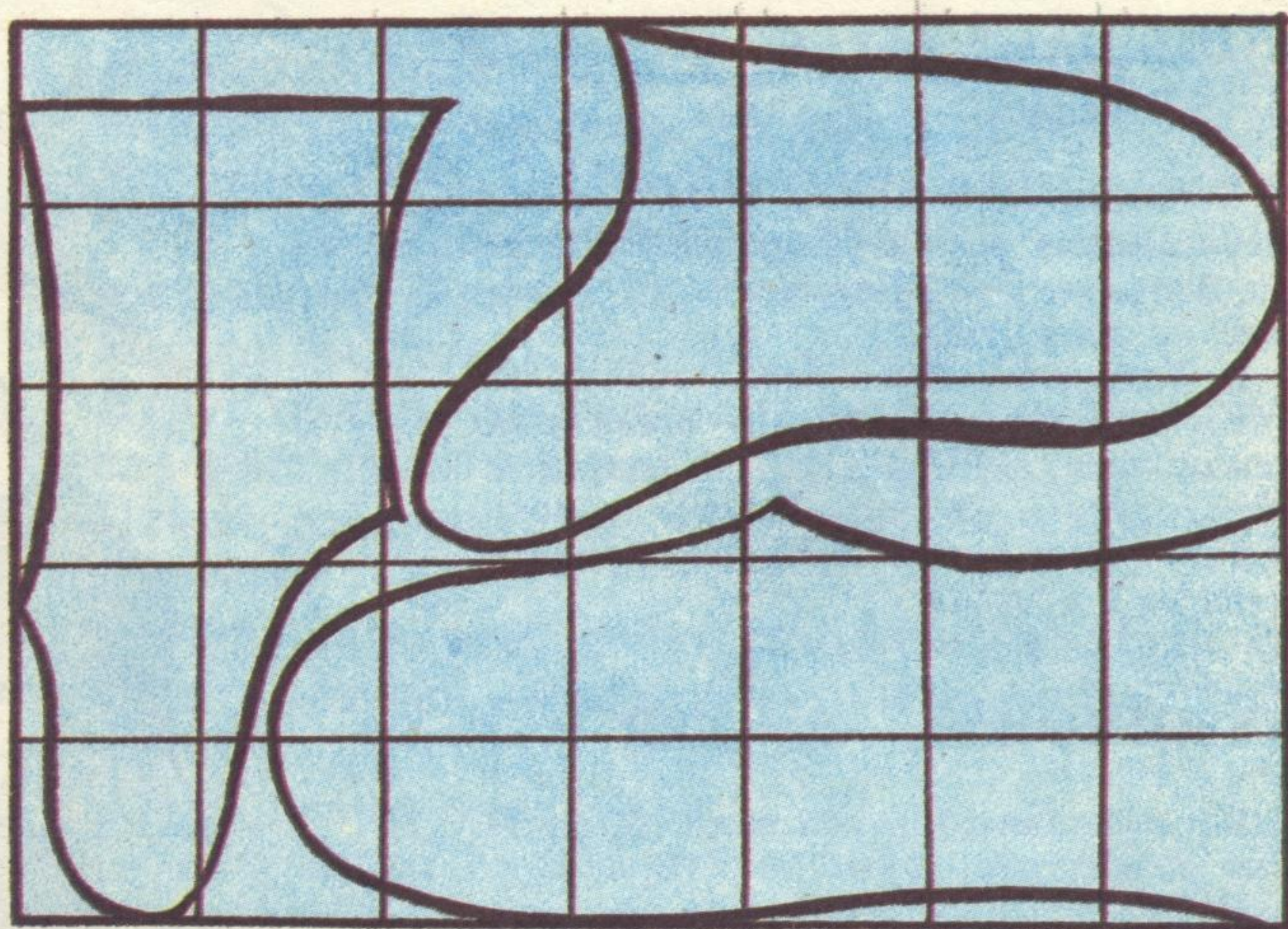

В своих письмах вы просите рассказать о ПРАВИЛАХ ПОВЕДЕНИЯ. Лиля Салахова вообще сомневается в их существовании. Она пишет: «Всякие манеры хорошего тона устарели». Хорошие манеры устареть не могут. Конечно, они упростились по сравнению со старыми временами. А первое руководство по поведению было

написано в 1204 году в Испании. В разное время и в разных странах и манеры были разные. Но существовали они всегда и будут существовать. Таня и Лариса Моисевы просят напечатать правила поведения. Девочки, эти правила вам известны. На отдельные вопросы мы ответим в следующем номере журнала. А главное, что помогает вести себя правильно в любой обстановке, понимать ситуацию, — ЧУВСТВО ТАКТА. Тактичный человек никогда не обидит и не унижит другого, не будет ни высокомерным, ни фамильярным, ни чопорным. Он будет естественным, самим собой. Чувство такта можно воспитать. Для этого почаще ставьте себя на место другого человека. Вам приятно, если вы ложитесь спать, а за стеной кричат или телевизор включен на полную громкость? Если булку, которую вы покупаете в магазине, перед вами кто-то трогает руками? Если вы смотрите кинофильм, а рядом громко смеются, переговариваются, шелестят конфетными бумажками? Нет, мы не любим, когда нам мешают. Но признайтесь, что, оказавшись в кино с подружками, и вам иногда хочется посмеяться, обменяться мнением. В компании ребят вы не замечаете, как громко кричите и толкаете прохожих на улице. Умение не причинять другим беспокойства — вот основа правильного поведения. Это скучно, трудно? А попробуйте сделать опыт, последите за собой месяц, поучитесь сдерживать себя. Уступите в транспорте место старшему десять раз, а на одиннадцатый, увидев пожилого человека, вы подыметесь машинально, и потом вы уже не сможете спокойно сидеть, если рядом стоит старик или женщина с авоськами.

ВАРЕЖКИ шейте из кусочков замши, бархата, плюша, мягкой шерстяной «пальтовой» ткани. Верх можно выкроить из меха или другого материала, нижнюю сторону из кожи. Теплая подкладка делается по той же выкройке. Но не забудьте прибавить на швы 0,5 см. Запястье утеплит варежки. Если умеете, вывяжите его крючком. Край готовой варежки обшивается стебельчатым швом, на нем столбиками без накида вывязывается запястье. Украсьте варежки вышивкой /шерстью, ирисом, шелком, мулине/, бисером, блестками или бахромой. Середина цветов /см. рисунок для вышивки/ из бусинок.

Если у тебя нет цветов, подари своей учительнице к 8 марта распустившуюся веточку тополя, орешника, черемухи, форзиции или каштана. Лида Семидельная пишет, что пыталась выгнуть листочки на ветке, но ничего у нее не получилось. А что это была за ветка? Быстро распускаются и зацветают ольха, осина, тополь /на 7—10 день/. Черная смородина, жимолость, бузина, ива, береза распускаются через 20—40 дней. Ветка вишни и черемухи, срезанная в первой половине зимы, дает не только листья, но и цветы. Ветку надо держать в полутемном месте, в воде комнатной температуры. Снизу расщепить на 7—10 см, опрыскивать, менять воду через 2—3 дня, подрезая низ на 1—2 см. Красиво, празднично смотрятся в вазе веточки сладко-горького паслена с гроздьями красных ягод. Стебли их дают новые зеленые побеги.

5 см.

КОНКУРС! КОНКУРС! КОНКУРС!

Внимание! Сегодня — второй тур нашего традиционного конкурса. Те любители головоломок, которые не успели ответить на задания первого тура, пусть не огорчаются — они могут включиться в конкурс с этого тура, а недостаток очков восполнить подробными, интересными ответами. Учтите, что в этом году будут присуждаться дипломы самым активным участникам.

А сейчас, как всегда, профессор Сеницын задаст свою каверзную задачу.

НЕДОУМЕНИЕ ПРОФЕССОРА СЕНИЦЫНА

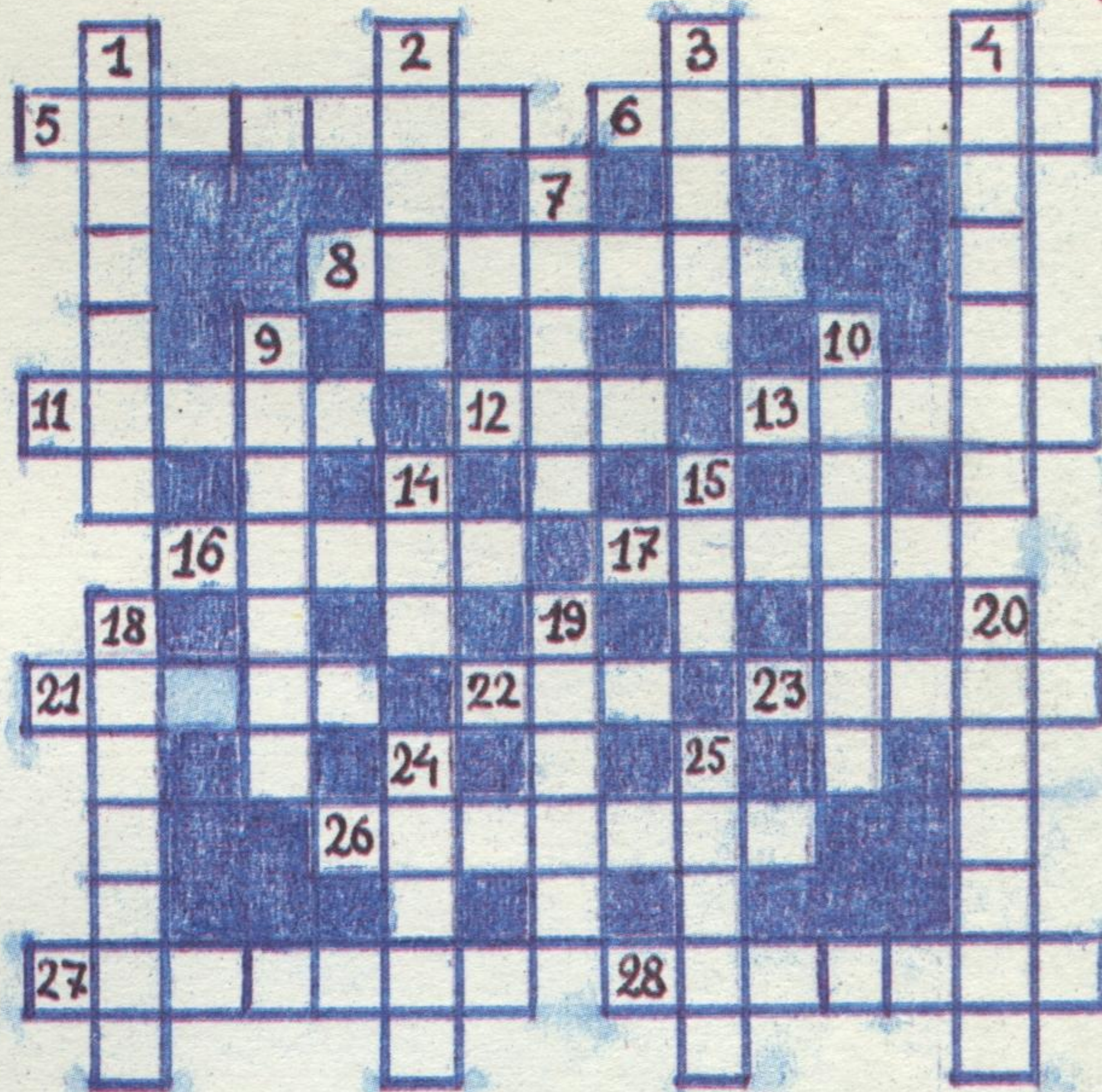
Однажды утром профессор Сеницын вышел из дому, забыв, какой сегодня день. С этим вопросом он обратился к прохожему. Тот ответил:— Когда «послезавтра» станет «вчера», то «сегодня» будет так же далеко от воскресенья, как и тот день, который был «сегодня», когда «позавчера» было «завтра».

И затем прохожий удалился, оставив профессора Сеницына в недоумении.

Итак, кто поможет профессору узнать, какой был день, получит в зачет конкурса 15 очков.

Оформление А. Януса

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Свой кроссворд Вадим Клецкин из Обнинска назвал «Зоологический».

По горизонтали: 5. Крупное млекопитающее, живущее в водоемах. 6. Животное, обитающее в горной тайге Азии. 8. Хищное животное семейства кошачьих. 11. Болотная птица. 12. Водное животное. 13. Хищник семейства кошачьих. 16. Морская полярная птица. 17. Азиатская антилопа. 21. Пушной зверек. 22. Морское млекопитающее. 23. Летучая мышь. 26. Певчая птица. 27. Порода овец. 28. Медуза.

По вертикали: 1. Южное млекопитающее, живущее на деревьях. 2. Степной заяц. 3. Благородный олень. 4. Древнее животное, сходное с лошастью. 7. Хищник. 9. Северная морская птица. 10. Крупное морское животное. 14. Пугай. 15. Пресноводная рыба. 18. Полевая птица. 19. Американская ящерица. 20. Род обезьян. 24. Змея. 25. Самая громогласная обезьяна.

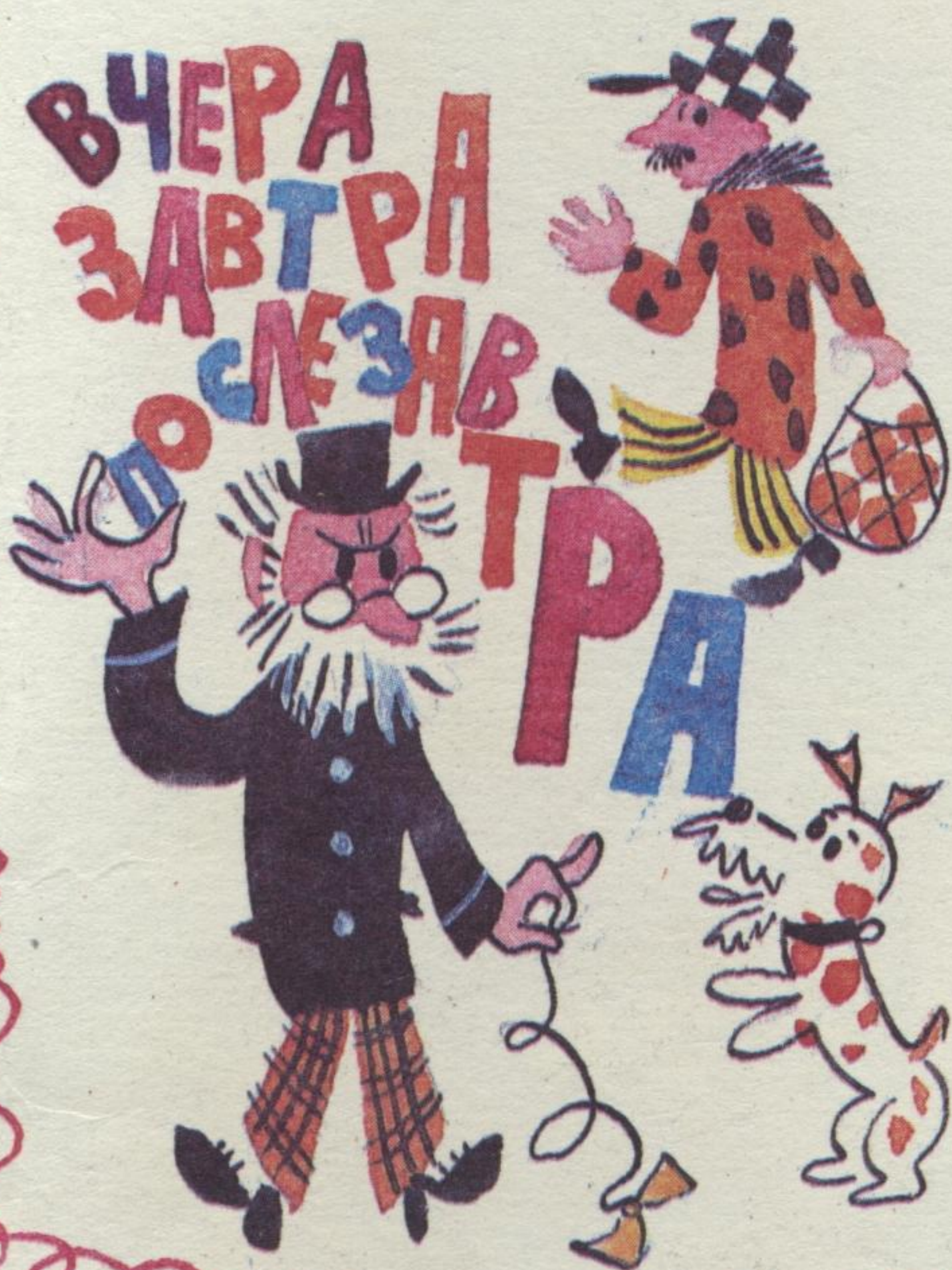
ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ №1

Профессор Сеницын охотится на медведя.

Шкура медведя белого цвета, так как совершить такой поход и оказаться лицом к медведю профессор мог только тогда, когда медведь находился на Северном полюсе, значит, медведь белый.

Конкурс кроссвордов. По горизонтали: 3. Кожва. 5. Свидь. 7. Зима. 9. Ориентирование. 12. Они. 13. Уил. 16. Горст. 17. Огни. 18. Щорск. 19. Остров. 20. Зандры.

По вертикали: 1. Плоскогорье. 2. Радошковичи. 4. Возвышенность. 6. Водохранилище. 7. Золотухино. 8. Амбролаури. 10. Флюгер. 11. Вулкан. 14. Урава. 15. Гроза.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-26658 Сдано в набор 06.10.86. Подписано к печати 17.12.86. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,9. Печать офсетная. Тираж 1 160 000 экз. Заказ 1736. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

1. Как называются эти части автомобиля?
2. По улицам какого города ездил этот паровой автомобиль?
3. О чем говорят эти знаки водителю?
4. Зачем впереди этого автомобиля идет человек с флагом?
5. Какую работу выполняют эти машины?